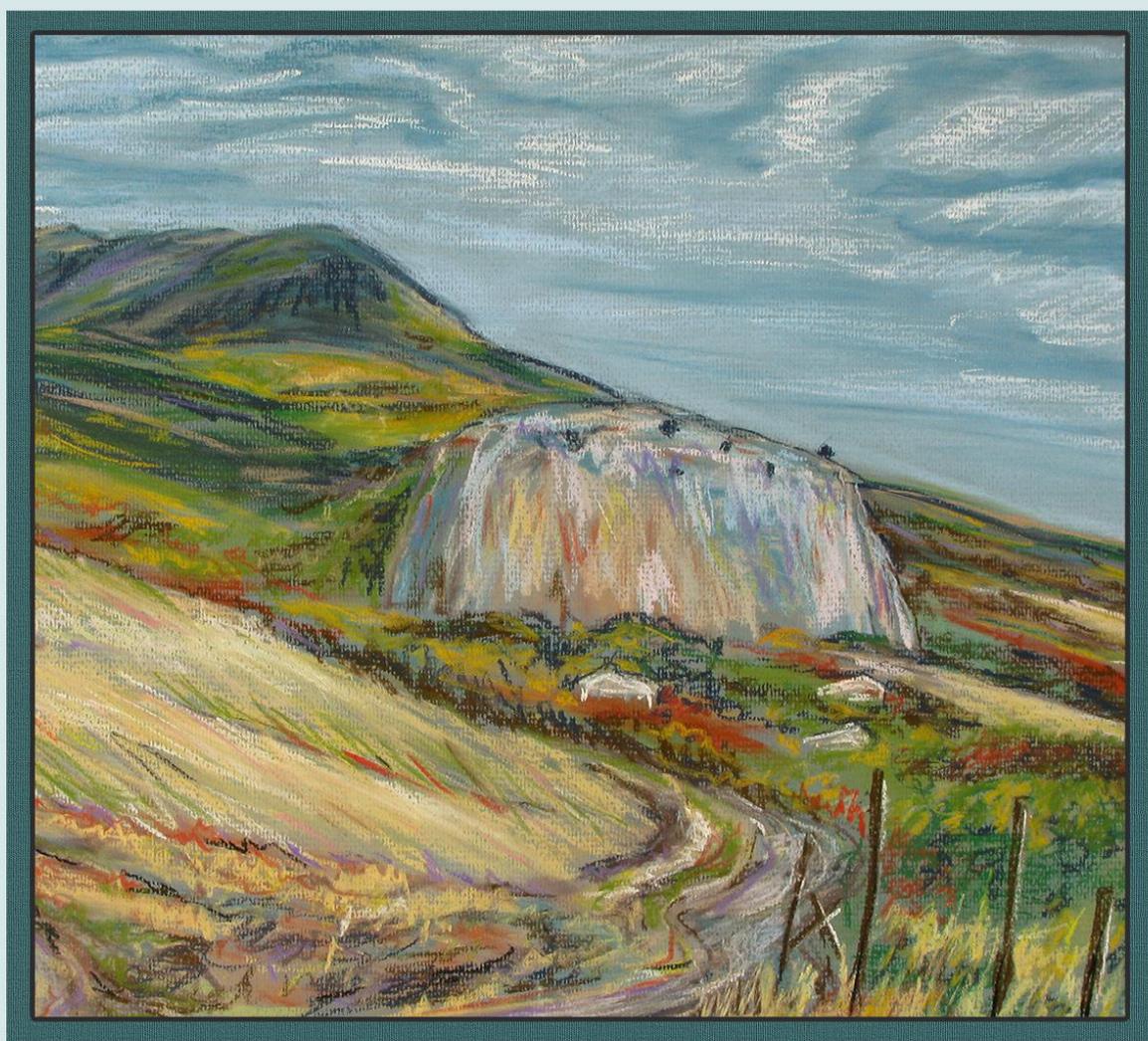

Крымский научный вестник

krvestnik.ru

№3(9), 2016 г.

Электронный научный журнал Крымский научный вестник

№ 3 (9), 2016 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также другими ведущими учеными.

Главный редактор журнала — **О. О. Смирнова**, кандидат экономических наук, заместитель директора Межрегионального института развития территорий, г. Ялта.

В журнале рассматриваются результаты научных исследований в области экономических, юридических и педагогических наук.

Авторами статей являются ведущие специалисты современного научного знания, преподаватели ВУЗов, аспиранты и научные работники.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков, студентов, магистрантов и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Учредитель и издатель: **ООО «Межрегиональный институт развития территорий»**, Ялта, Республика Крым.

Журнал издается с мая 2015 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-61683 от 07.05.2015 (СМИ — «сетевое издание»).

Архив журнала доступен в Научной электронной библиотеке (elibrary.ru), договор с НЭБ № 304-05/2015 от 14.05.2015, страница журнала: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=54366>.

Журнал включен в крупнейшие международные базы данных, системы цитирования и библиографические системы, охватывающие мировой поток продолжающихся и периодических научных изданий: РИНЦ, GoogleScholar, DOAJ, OAJI, SHEPRA/ROMEO, SIS, ResearchBib, CiteFactor, UlrichsWeb, ESJI, AcademicKeys.

Периодичность: 6 раз в год.

ISSN: 2412-1657

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://krvestnik.ru>

E-mail редакции: red@krvestnik.ru

При оформлении обложки с разрешения автора использован фрагмент картины крымского художника Ольги Пернацкой «Осень в Крыму. Гелин-кая».

Редакционный совет

Смирнова Ольга Олеговна — главный редактор, кандидат экономических наук, заместитель директора Межрегионального института развития территорий (Ялта)

Члены редакционного совета:

Азарян Елена Михайловна — доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Алексейчева Елена Юрьевна — доктор экономических наук, профессор, ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»

Башта Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра ноосферологии и устойчивого ноосферного развития Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Везиров Тимур Гаджиевич — доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, академик Российской академии естествознания, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики Дагестанского государственного педагогического университета

Емец Валерий Сергеевич — доктор политических наук, профессор, проректор по управлению имущественным комплексом и связям с общественностью ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Журавлева Татьяна Александровна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и экономическая безопасность» ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» — Среднерусский институт управления, г. Орел

Никонович Сергей Леонидович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Липецкого института права и экономики (г. Липецк)

Новоселов Сергей Николаевич — доктор экономических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор директор института экономики и управления в пищевой отрасли МГУПП, заведующий кафедрой «Экономика и управление в пищевой отрасли» МГУПП.

Орехов Сергей Александрович — доктор экономических наук, профессор кафедры общего менеджмента и предпринимательства Института менеджмента Московского государственного университета экономики, статистики и информатики

Петунин Олег Викторович — доктор педагогических наук, профессор ГОУ ДПО (ПК) С «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования»

Печеная Людмила Тимофеевна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономик труда и управления» РЭУ имени Г.В. Плеханова

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна — доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной информатики Крымского инженерно-педагогического университета, г. Симферополь

Сидоркин Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, Почетный адвокат России, ветеран воспитательной службы ФСИН Минюста России, профессор кафедры теории и истории государства и права Международного еврейского института экономики, финансов и права

Чудновский Владимир Михайлович — доктор биологических наук, кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией биофизики Тихоокеанского океанологического института им. В.И.Ильичева Дальневосточного отделения РАН

Шарихин Александр Егорович — доктор юридических наук, старший советник юстиции, профессор кафедры судостроительства и организации правоохранительной деятельности Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Шахова Елена Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва

Агапова Елена Викторовна — кандидат экономических наук, директор Центра развития конкуренции и государственного заказа Высшей школы государственного управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Богданов Дмитрий Дмитриевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Инновационное предпринимательство» МГТУ им. Н. Э. Баумана

Бура Людмила Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (филиал в г. Ялте)

Голядкина Ирина Николаевна — кандидат экономических наук, зав. сектором аналитики и контроля Управления потребительского рынка и услуг Администрации г. Ялты

Грибанов Василий Васильевич — кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра экономических исследований и инновационных технологий Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (филиал в г. Ялте)

Елагина Анна Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедры экономических дисциплин Международного еврейского института экономики, финансов и права

Записная Татьяна Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Публично-правовые дисциплины» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова

Илюшина Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, заместитель директора Межрегионального института развития территорий (Ялта)

Исламова Эльнара Рафисовна — кандидат юридических наук, доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург

Рындач Марина Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и туристического бизнеса, руководитель образовательной программы направления подготовки «Туризм» Института экономики и управления гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Селиванов Виктор Вениаминович — кандидат экономических наук, доцент кафедры Менеджмента и туристического бизнеса Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (филиал в г. Ялте); академик транспортной академии Украины, «Заслуженный работник транспорта АРК»

Смирнов Олег Аркадьевич — кандидат физико-математических наук, заместитель заведующего кафедрой математики и информатики Московского университета им. С.Ю. Витте

Тисовский Роман Романович — кандидат социологических наук, государственный советник Российской Федерации 1-го класса

Толкачева Светлана Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление в пищевой отрасли» МГУПП

Щеглов Дмитрий Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Содержание

Смирнова Ольга Олеговна Обращение главного редактора	5
--	----------

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Митрофанова Инна Васильевна Павлов Константин Викторович Ляшенко Вячеслав Иванович Котов Евгений Владимирович Специфика процессов модернизации в экономических районах Украины в 2005–2012 годах	6
Попова Ирина Витальевна Никитина Ирина Петровна Матюшенко Екатерина Сергеевна Irina Porova Обобщение практики управления государственными финансами	40
Попов Алексей Юрьевич Первоначальная оценка основных средств в бухгалтерском учете: ближайшие перспективы	53
Павлов Константин Викторович Митрофанова Инна Васильевна Процессы интенсификации в хозяйственном комплексе региона: актуализация подходов к оценке экономической эффективности	67
Костенко Ольга Владимировна Стратегия развития кластеров: формирование терминологии	102
Анисимов Владимир Георгиевич Анисимов Евгений Георгиевич Богоева Екатерина Михайловна Коровина Яна Владимировна Методика оценивания эффективности функционирования системы управления рисками таможенных органов Российской Федерации	116

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Везиров Тимур Гаджиевич Коренякина Татьяна Николаевна Средства информатизации и коммуникации в подготовке бакалавров педагогического образования	128
---	------------

Чистякова Наталия Николаевна
Лашкова Галина Николаевна
Формирование у бакалавров педагогики (направление подготовки — начальное образование) готовности к воспитанию патриотизма младших школьников **136**

Карпенко Виктор Николаевич
Шастун Анастасия Сергеевна
Карпенко Ирина Анатольевна
Особенности формирования толерантности у детей младшего школьного возраста средствами хореографии **148**

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Исламова Эльнара Рафисовна
Чубыкин Александр Викторович
Мотивированное постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (проблемы применения) **155**

Синцов Глеб Владимирович
Битюцкий Евгений Владимирович
Проблемы принадлежности суверенитета в федеративном государстве **164**

Русанова Светлана Юрьевна
Муниципальные образования в Республике Крым: особенности создания и тенденции развития **185**

Потапов Денис Валерьевич
Система правовых отношений следователя с руководителем следственного органа и прокурором в ходе досудебного уголовного производства **199**

Вичева Алена Андреевна
Обеспечение права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних дел **207**

Content

Olga Smirnova From the editor	5
---	---

ECONOMICS

Inna V. Mitrofanova Konstantin V. Pavlov Vyacheslav I. Lyashenko Evgeny V. Kotov Specifics of processes of modernization in the economic region of Ukraine in 2005–2012	6
--	---

Irina Popova Irina Nikitina Ekaterina Matyushchenko Generalize practice of the public finance management	40
--	----

Alexey Popov Initial assessment of fixed assets in accounting: the near-term outlook	53
--	----

Konstantin V. Pavlov Inna V. Mitrofanova Processes of the intensification in the economic complex of the region: updating of approaches to the assessment of economic efficiency	67
---	----

Olga Kostenko Cluster development strategy: creation of terminology	102
---	-----

Vladimir Anisimov Eugen Anisimov Ekaterina Bogoeva Yana Korovina Methodology for evaluation of risk management system efficiency of customs authority in Russian Federation	116
---	-----

PEDAGOGICAL SCIENCES

Timur Vezirov Tatyana Korenyakina Means of informatization and communication in training of bachelors of pedagogical education	128
---	-----

Natalia Chistyakova

Galina Lashkova

Formation at bachelors of pedagogics (the direction of preparation — primary education) readiness for fostering patriotism of younger school students

136

Victor Karpenko

Anastasia Shastun

Irina Karpenko

Features of tolerance formation for elementary school children by of choreography means

148

JURIDICAL SCIENCES

Elnara Islamova

Alexander Choubykyn

A reasoned resolution of the prosecutor on sending materials to the preliminary investigation body to decide the issue of criminal prosecution (problems of implementation)

155

Gleb Sintsov

Evgeny Bityutskiy

Sovereignty accessory problems in a federal state

164

Svetlana Rusanova

Municipal formations in the Republic of Crimea: features of the development and trends

185

Denis Potapov

Legal system against the investigator with the head of the investigating authorities and prosecutors in pre trial criminal proceedings

199

Alyona Vicheva

Ensure the right to health care internal affairs officials

207

Обращение главного редактора

Уважаемые читатели!

На мой взгляд, особенность экономической науки России — в том, что мы редко оглядываемся назад с целью понять, что произошло и по каким причинам это произошло, особенно если мы говорим о горизонте в 10 и более лет. Подавляющее большинство статей, которые публикуются в российской научной периодике, посвящены тому, что происходит здесь и сейчас, или тому, что определено в программных документах на будущее. Этому есть, конечно, простое объяснение — трансформация экономического строя приучила нас не оглядываться назад. Наш журнал в этом отношении — еще большее подтверждение данной традиции. Авторы, которые нам пишут, иногда как бы «забывают» обо всём что было в экономике или правовой системе Крыма до 18 марта 2014 года. Между тем, вне зависимости от того, что получалось, а что нет, что было эффективным или не очень, у нашего региона есть особенности, которые определяют то, что мы имеем сегодня. Новые институты и капитал — это еще не всё; такие экономические ресурсы, как труд и земля у нас остались прежними. Именно поэтому хочу с большим удовольствием представить «исключение из правил» — открывающее наш номер интересное исследование наших коллег из Южного отделения РАН, Камского института гуманитарных и инженерных технологий и Института экономики промышленности НАН Украины, посвященное модернизации экономической районов Украины 2005–2012 годов.

От себя хочу поблагодарить коллег за предоставленный для публикации материал и пожелать всем наших авторам и читателям научных достижений!

*Главный редактор,
Ольга Олеговна Смирнова*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ECONOMICS

УДК 316.422

Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания на 2016 г. № 007-01114-16 ПР, проект «Сравнительный анализ социально-экономического ущерба приграничным регионам России и Украины и оценка сценариев межрегионального взаимодействия в изменившейся геополитической ситуации» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № I.13 П «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья»» (0256-2015-0095).

Митрофанова Инна Васильевна

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград
mitrofanova@volsu.ru

Павлов Константин Викторович

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой экономики и управления,
Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, г. Ижевск
kvp_ruk@mail.ru

Ляшенко Вячеслав Иванович

доктор экономических наук, профессор,
зав. отделом экономики предпринимательства и регуляторной политики,
Институт экономики промышленности НАН Украины
slaval@iep.donetsk.ua

Котов Евгений Владимирович

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
Институт экономики промышленности НАН Украины
kotovev@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАЙОНАХ УКРАИНЫ В 2005–2012 ГОДАХ

Политический кризис на Украине спровоцировал непредвиденные факторы риска для хозяйственного комплекса регионов юга России, экономика которых была на протяжении десятилетий тесно связана с Украиной общими

инвесторами, проектами, логистикой. Но сегодня распределения ресурсов на Украине осуществляется спонтанно в условиях сохраняющейся военно-политической и экономической напряженности на территории восточной зоны «Донбасса». Межсубъектные различия в распоряжении факторами и ресурсами производства также привели к разрушению инфраструктуры экономических районов юго-востока Украины. В статье проведена оценка первичной, вторичной и интегрированной модернизации Украины и ее экономических районов. Обоснованы теоретические подходы, классификация и методика оценки стадий модернизации. Раскрыты особенности и специфика процессов модернизации в экономических районах Украины в 2005–2012 гг.

Авторы статьи считают, что конкретные ориентиры политики модернизации экономических районов Украины требуют сегодня проведения нового фазового анализа в зависимости от типологии каждого района в новых сложившихся политических и экономических условиях. Такой персонифицированный подход позволит определить задачи институциональных изменений, направления и объемы инвестиций для их решения для каждого конкретного экономического района.

Ключевые слова: модернизация, экономический район, индикатор, индекс, стандарт, инвестиции, развитие, проект 2Q2015.

Jel classification code: L 950, L 980

Inna V. Mitrofanova

Doctor of Science (Economics), Leading Scientific Researcher
of the Institute of the Social, Economic and Humanitarian Researches
of the South Scientific Center of RAS; Rostov-on-Don;
Professor, Department of World and Regional Economy,
Volgograd State University, Volgograd
mitrofanova@volsu.ru

Konstantin V. Pavlov

Doctor of Economics, Professor, Head Department of Economics and
Management,
Kamsky Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Izhevsk
kvp_ruk@mail.ru

Vyacheslav I. Lyashenko

Doctor of Economics, Professor, Head Department of Business Economics and
Regulatory Policy of the Institute of Industrial Economics
of National Academy of Sciences of Ukraine, Donetsk
slaval@iep.donetsk.ua

Evgeny V. Kotov

PhD, a senior researcher
at the Institute of Industrial Economics
of National Academy of Sciences of Ukraine, Donetsk
kotovev@mail.ru

SPECIFICS OF PROCESSES OF MODERNIZATION IN THE ECONOMIC REGION OF UKRAINE IN 2005–2012

The political crisis in Ukraine has provoked the unforeseen risk factors for the economic complex of regions of the South of Russia whose economies weren closely connected with Ukraine through the general investors, projects, logistics for decades. But today the distribution of the resources in Ukraine is carried out spontaneously in the conditions of the remaining military-political and economic tensions in the territory of the east zone of "Donbass". The distinctions between the subjects concerning the use of factors and resources of production have also led to the destruction of the infrastructure of the economic region of the southeast of Ukraine. In the article the assessment of primary, secondary and integrated modernization of Ukraine and its economic regions is carried out. Theoretical approaches, the classification and the technique of the assessment of stages of modernization and their cumulative state are proved. Features and specifics of the processes of the modernization in the economic regions of Ukraine in 2005–2012 are shown.

The authors of the article think that concrete reference points of modernization policy of the economic regions of Ukraine require the implementation of the new phase of the analysis depending on the typology of each region in the new developed political and economic conditions. Such a personified approach will allow defining problems of institutional changes, the directions and the volumes of investment for their decision for each concrete economic region.

Keywords: modernization, economic region, indicator, index, standard, investments, development, project 2Q2015

Jel classification code: L 950, L 980

Экономика юга России, тесно связанная с Украиной общими инвесторами, товарно-технологическими цепочками, в связи с событиями последних двух лет попадает в зону риска. Общий внешнеторговый оборот субъектов ЮФО с Украиной составлял более 4 млрд дол., а в числе южных компаний, чьи экономические интересы во много связаны с Украиной, такие «газели», как «Роствертол», НЭВЗ, «Глория Джинс» и др.

Политический кризис на Украине создал и продолжает создавать непредвиденные факторы риска для юга России, а для крупных предприятий ЮФО фактически «захлопнулось» экспортное окно. Если в 2013 г. объёмы поставок продукции южных компаний на Украину резко возросли, то уже за первые два месяца 2014 г. экспорт ЮФО нефти и нефтепродуктов значительно сократился, а Краснодарский край снизил внешнеторговый оборот с Украиной почти вчетверо. Ростовская область отличалась наиболее диверсифицированной структурой экспорта на Украину.

Политические перипетии существенно нарушают устоявшиеся связи южных регионов с Украиной, преимущественно с ее востоком и югом. Сценарии, по которым могут развиваться события на Украине дальше, уже достаточно описаны, но для юга России, пожалуй, первостепенно не столько их содержание, сколько то, что ни один из этих сценариев не предполагает быстрого решения. Перемены будут происходить, и они будут долгими, а одних лишь политических решений уже явно недостаточно. В этой связи исследование потенциала модернизации экономических районов Украины отчасти поможет найти некоторые стратегические решения.

Сегодня распределения ресурсов на Украине осуществляется спонтанно в условиях сохраняющейся военно-политической и экономической напряженности на территории восточной зоны «Донбасса». Межсубъектные

различия в распоряжении факторами и ресурсами производства сыграли решающую роль в начале военных действий и разрушении инфраструктуры Донецкой, Луганской, Харьковской областей на Украине. Данные области носят градоформирующий характер города-региона «Донбасс», однако именно на данных территориях наблюдаются серьезные проблемы в экономике (рис. 1).

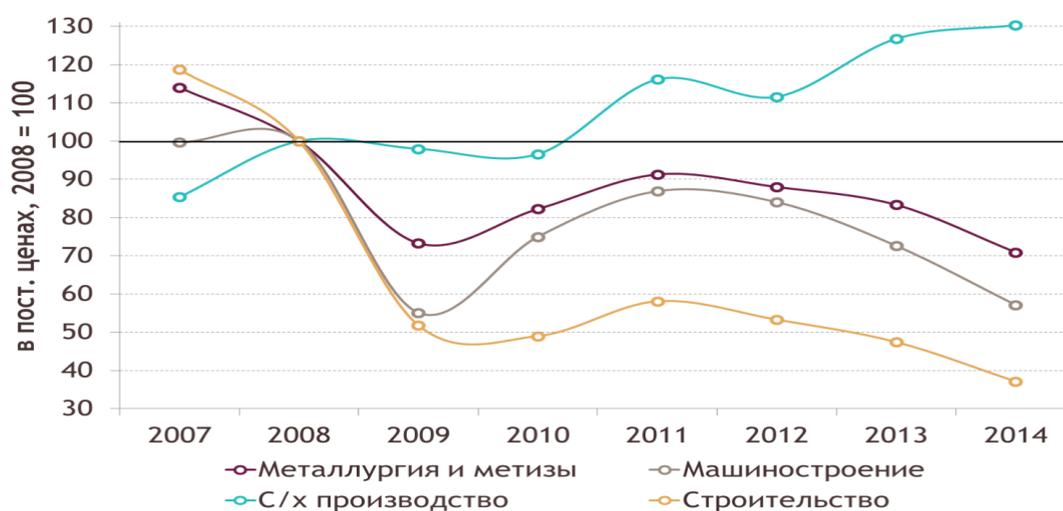

Рис. 1. Динамика развития ключевых отраслей экономики Украины, 2007–2014 гг.

Примечание: составлено по [2]

На Донецкую, Луганскую и Харьковскую области приходилось около 23,5% совокупного ВРП Украины, 20% населения, 15% территории страны, почти 85% добычи угля, 45% добычи газа и 33% промышленного производства. В 2012 г. удельный вес Донецкой и Луганской областей в производстве ВРП Украины составлял 16,4%, в 2015 г. сократился до 5,6% .

Со второго полугодия 2014 г. промышленное производство на Украине сокращается в годовом счете уже «двузначными темпами». Промышленность на востоке Украины почти остановилась: кризис сильнее всего охватывает наиболее сложные и ценные отрасли (по доходам и качеству рабочих мест): машиностроительные, химические и металлургические производства. Доля металлургии за 2007–2014 гг. снизилась с 22 до 19%, а машиностроения — с 14 до 8%. Снизилась и доля обрабатывающих производств в целом — с 74 до 68%,

при этом за тот же период выросла доля добывающей промышленности — с 8 до 13%.

За 4 месяца 2015 г. Украина потеряла треть своего товарного экспорта. За указанный период было продано товаров на 12,496 млрд долл., что составляет 65,4% от показателей 2014 г. За этот период импорт снизился на 37,1%, ввезено товаров на сумму 11, 893 млрд долл. или 62,9% от аналогичного периода 2014 г.

Понижающая динамика наблюдается в торговле с Россией. За 4 месяца экспорт товаров в РФ составил 39,4%, импорт — 35,8%. Легальный экспорт в Луганской области фактически исчез: показатель за 4 месяца — 3,4%, в Донецке экспорт рухнул до 37,9%, в Харьковской области внешняя торговля сократилась больше, чем в среднем по Украине — за 4 месяца экспорт составил 57,7% от показателей 2014 г., импорт — 59% [2].

Оживить экономический рост в 2015 г. на Украине не удалось из-за сохраняющейся напряженности на Юго-Востоке страны, падения экспорта и сокращения внутреннего спроса. Наблюдаются продолжающиеся процессы «схлопывания» экономики в виде остановки предприятий. Так, 2015 г. были закрыты 2 цеха ПАО «Мариупольский металлургический комбинат» имени Ильича, остановлена работа ОАО «Енакиевский металлургический завод» и ЗАО «Донецксталь» — металлургический завод [7–9].

Падение производства сопряжено с вынужденным сокращением использования энергоносителей, потреблением газа. Военные действия на востоке Украины вызвали серьезные проблемы с добычей угля и его доставкой на электростанции. Уже в августе 2014 г. добыча угля в стране сократилась почти вдвое по отношению к июлю 2014 г. и на 60% — к августу 2013 г. [2]. Ситуация не улучшилась до сих пор, объемы добычи угля упали вдвое. Это отразилось и на выработке электроэнергии на ТЭС, которая, несмотря на экстренные меры, до сих пор остается на уровне 70–80% от первой половины 2014 г. АЭС также вынуждены работать почти на пределе своих возможностей (рис. 2).

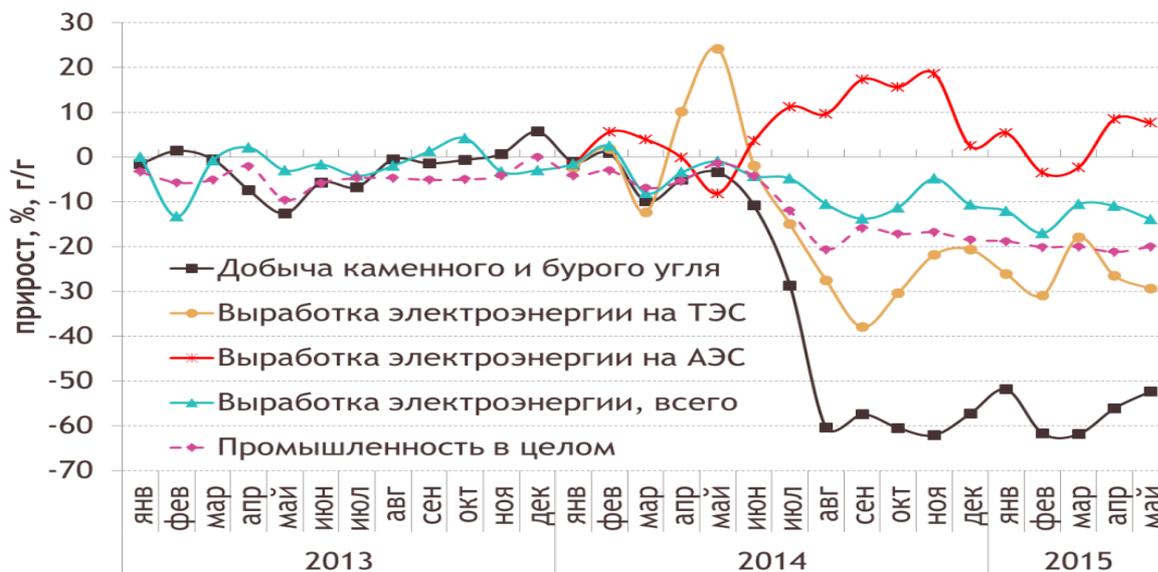

Рис. 2. Динамика отраслей ТЭК и промышленности Украины, 2013-2015 годы

Примечание: источник тот же.

Между тем, еще до начала политического конфликта 2014 г. в Украине активно обсуждался вопрос о необходимости модернизации. Старт обсуждению проблем и потребностей модернизации Украины был положен в статье академика НАН Украины Гейца В. М. [1]. Затем идеи модернизации были развиты в Национальном докладе, подготовленном секцией общественных и гуманитарных наук НАН Украины [11], а затем легли в основу Послания Президента Украины Верховной Раде «Модернизация Украины — наш стратегический выбор» [10].

Мнения по этой проблеме в научной среде были различными. Одни ученые целиком и полностью поддерживали идею модернизации на либеральных принципах [13], высказывая свое видения ее реализации, другие относились к этому скептически, не отвергая важность изменений, но обращая внимание на неготовность общества к преобразованиям, в силу неразвитости отдельных ее аспектов [6], или высокие риски непонимания, и вследствие этого неприятие обществом, столь важных преобразований [3]. Тем не менее, признавалось, что Украина отстает от параметров современного общества и момент для проведения кардинальных реформ уже наступил. Модернизация должна быть системной, масштабной и в какой-то степени радикальной и ускоренной.

Основной подход, предлагаемый для Украины, был связан с реализацией стратегии модернизации, предполагающей достижение параметров развития страны-образца по «догоняющей» модели [13]. Такой подход, только применительно к социальной модернизации, был предложен в 2010 г. в обзорном докладе о модернизации в мире и Китае, подготовленным Группой исследования стратегий модернизации Китая [12]. Отмечалось, что модернизация бывает как догоняющей, так и опережающей, со своими преимуществами и недостатками каждой из них. Страна, реализующая догоняющую стратегию модернизации, может избежать ошибок и просчетов, допущенных страной — лидером, принимая более взвешенные решения, направленные на максимизацию социально-экономического общественного эффекта.

Однако применение такой стратегии для Украины чревато скатыванием на путь установления единственных и безапелляционных ориентиров, взятых из практики страны — лидера, внедрение не вполне приемлемых стандартов и параметров. Современная модель модернизации Украины должна быть ориентирована на поиск внутреннего источника преобразований.

Многие специалисты отмечают, что проблема модернизации — это не столько проблема институциональная, сколько гуманитарная, требующая кардинального, если не революционного, обновления сознания целых социальных слоев и каждого конкретного индивида в частности. Необходима «существенная модернизация общественного сознания, модернизация личности и управленца, и простого работника» [4]. Именно свободное, а не насильственно вызываемое, движение модернизации «снизу — вверх» делает ее органичной, максимизируя шансы полностью реализоваться [1].

Поиску собственной модели модернизации предшествует определение стартовых позиций. На начальном этапе не столь важно, какими сильными конкурентными преимуществами обладает Украина, сколько необходимо понять, на какой стадии и фазе модернизации она находится, что позволит определиться, в каком направлении двигаться. Поэтому актуальной задачей

становится определением количественных показателей, характеризующих состояние развития модернизации не только в Украине в целом, но и в ее регионах.

В качестве методической базы, позволяющей определить количественную оценку степени реализации модернизации в Украине и ее экономических районах (ЭР — далее), выбрана методика, предложенная в «Обзорном докладе о модернизации в мире и Китае» [12]. Документ содержит не только методику определения индексов двух стадий модернизации (первичной и вторичной), а также их совокупного состояния — интегрированной модернизации. В нем раскрыта концепция модернизации, понимаемая китайскими учеными как один из видов глубоких изменений цивилизации, которые, по их мнению, начались не в 50-х гг. XX в., а с промышленной революции XVIII века и имеют уже более чем 250-летнюю историю.

Результатами оценки модернизации являются индексы, которые включают в себя три вида: индекс первичной модернизации, индекс вторичной модернизации и индекс интегрированной модернизации. Индекс первичной или классической модернизации отражает прогресс общества в переходе от аграрного к индустриальному типу общества. Он наиболее эффективен в отражении уровня модернизации в развивающихся странах. Со временем может потерять свою актуальность при условии, что подавляющее большинство развивающихся стран завершат первичную модернизацию.

Завершение первичной модернизации становится основой для успешного развития вторичной модернизации. Под вторичной модернизацией или неомодернизацией понимается переход от индустриального общества к обществу знаний. В связи с этим, индекс вторичной модернизации отражает уровень инноваций в знаниях, их передачи и использования. Он характеризует степень развития информатизации, экологизации и субурбанизации, распространения высшего образования и улучшения качества жизни. Данный индекс лучше отражает фактические уровни развитых стран.

Интегрированная модернизация понимается как совокупное состояние первичной и вторичной модернизации, отражающее характер их взаимной координации в данной стране и отличие от передового мирового уровня такой координации. Индекс интегрированной модернизации одновременно отражает относительные уровни модернизации в развивающихся и развитых странах, являясь интегральным показателем развития первичной (индустриальной) и вторичной (информационной) модернизации.

Для каждой стадии модернизации и их совокупности предложен набор индикаторов и их эталонных (стандартных) значений. Количество индикаторов оценки модернизации различно: первичная содержит 10, вторичная — 16, а интегрированная — 12 индикаторов. Часть индикаторов универсальна и используется при оценке всех трех типов модернизации. При этом эталонные значения для таких индикаторов меняются в зависимости от стадии модернизации, при оценке которой они используются [12].

Индикаторы и стандартные значения для вторичной и интегрированной модернизации могут меняться. Для оценки первичной модернизации индикаторы и стандартные значения являются фиксированными и отражают средний уровень 19 промышленных стран в 1960-х гг. Учитывая возможные ограничения со стороны национальных статистических баз данных, авторы уточняют, что для достоверности оценки количество учитываемых показателей не должно быть меньше 60% от их количества, предложенного в методике. Это отступление применимо при оценке любой из стадий модернизации. Однако в данной статье при оценке первичной модернизации данным исключением принципиально не пользовались.

Каждая стадия модернизации состоит из четырех фаз эволюции: начала, развития, расцвета и перехода к следующей стадии модернизации. В китайском докладе предложен инструментарий определения фазы для каждой стадии модернизации. При этом для оценки фазы, в которой находится та или иная стадия модернизации, используется лишь часть индикаторов соответствующей стадии. Результатом оценки выступают итоговые индексы и интегральные

значения фаз каждой стадии модернизации. Фазы и фазовые значения интегрированной модернизации не рассматриваются.

По итогам исследований китайских ученых, Украина в 2006 г. относилась к среднеразвитым странам и имела следующие индексы модернизации: индекс первичной модернизации — 92; индекс вторичной модернизации — 57; интегрированный индекс модернизации — 53. В статье предпринята попытка применить данную методику для определения стадий модернизации в 2005, 2008 и 2012 гг. с учетом экономического районирования Украины.

Существуют различные подходы в определении структуры экономических районов Украины. В данном исследовании использовался несколько модифицированный подход к экономическому районированию Украины, предложенный Ф.Д. Заставным [5]. Для оценки степени модернизации ЭР Украины их структура была представлена в следующем виде:

Донецкий — Донецкая и Луганская области. Основные отрасли промышленности: электроэнергетика, топливная промышленность, металлургия, химическая промышленность и машиностроение.

Приднепровский — Днепропетровская, Запорожская и Кировоградская области. Основные отрасли промышленности: электроэнергетика, металлургия, химическая промышленность и машиностроение.

Северо-Восточный — Полтавская, Сумская и Харьковская области. Основные отрасли промышленности: нефтегазовая промышленность, машиностроение, легкая и пищевая промышленность.

Центрально-Полесский — Житомирская, Киевская, Черкасская и Черниговская области, г. Киев. Основные отрасли промышленности: машиностроение, химическая, деревообрабатывающая, лёгкая и пищевая промышленности.

Причерноморский — Николаевская, Одесская и Херсонская области, АР Крым и г. Севастополь. Основные отрасли промышленности: машиностроение, легкая и пищевая промышленность.

Карпатский — Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская и Черновицкая области). Основные отрасли промышленности: электроэнергетика, химическая промышленность, лесная и деревообрабатывающая промышленность, легкая промышленность и пищевая промышленность.

Подольский — Винницкая, Тернопольская и Хмельницкая области. Основные отрасли промышленности: машиностроение, лесная и деревообрабатывающая промышленность, и пищевая промышленность.

Западно-Полесский — Волынская и Ровенская области. Основные отрасли промышленности: лесная и деревообрабатывающая промышленность, легкая и пищевая.

Оценка первичной модернизации экономических районов Украины. Модель оценки первичной модернизации включает в себя по четыре экономических и социальных индикатора и два информационных индикатора, которые характеризуют экономическую и социальную сферы, уровень знаний индустриального общества. Каждому индикатору определены его стандартное значение, которые были рассчитанные как среднеарифметические показатели аналогичных значений индикаторов наиболее развитых стран в соответствующие годы.

Отношение реального значения к стандартному является значением оценочного индикатора. Индикаторы делятся на два вида:

1. Стимуляторы. В докладе они названы положительными индикаторами. Это индикаторы, рост значения которых ускоряет процессы модернизации. Определяются как отношение реального значения индикатора к его стандартному (эталонному) значению.

2. Дестимуляторы. В докладе они названы обратными индикаторами. Это индикаторы, рост значения которых сдерживает процессы модернизации. Определяются как отношение стандартного (эталонного) значения индикатора к его реальному значению.

Максимальное значение оценочного индикатора не может превышать 100. Если оно больше 100, то значение также принимается равным 100, и это

означает, что по данному индикатору полностью осуществлена первичная модернизация. В табл. 1 представлены результаты расчетов соответствия фактических индикаторов их стандартному значению.

Только 5 индикаторов первичной модернизации из 10 реализованы на 100% в Украине и ее ЭР. В разрезе экономических районов подавляющее большинство показателей имеют значение не ниже 95% его эталонного значения. В 2012 г. в целом по Украине по всем индикаторам было достигнуто наивысшее значение. Такие индикаторы как численность врачей на 1000 населения, уровень детской смертности и доля студентов среди населения в возрасте 20–24 года превышает стандартное значение в 3–5 раз.

Основным фактором, сдерживающим первичную модернизацию, является уровень валового регионального продукта (ВРП) на душу населения. С учетом «теневого экономики», то в Украине в целом данный индикатор превышает его эталонное значение, а ожидаемая продолжительность жизни была не ниже стандартного значения.

Вторым по значимости фактором, тормозящим первичную модернизацию, является ожидаемая продолжительность жизни. При установленном в методике стандарте в 70 лет, в Украине в 2005 и 2008 гг. только в г. Киев и Карпатском районе данный показатель был достигнут. Однако позитивные тенденции данного индикатора достаточно интенсивно развивались и уже в 2012 г. в 6 из 9 ЭР (Донецкий, Приднепровский и др.) — ярко выраженные индустриальные лидеры, а Подольский и, в какой-то степени, Западно-Полесский ЭР — аграрные лидеры.

Степень соответствия реального показателя своему стандартному значению при определении индекса первичной модернизации, % (авт.)

Экономические районы Украины	Экономические индикаторы												Индикаторы знания					
	ВРП на душу населения			Доля лиц, занятых в с/х*			Доля добавленной стоимости в с/х в ВРП*			Доля добавленной стоимости в сфере услуг в ВРП			Уровень грамотности взрослого населения			Доля студентов ВУЗ среди населения в возрасте 20-24 года		
	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012
Украина	27,0	59,0	67,9	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Донецкий	29,7	63,8	70,2	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	73,5	84,3	90,9	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Приднепровский	27,8	64,9	70,9	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	80,9	91,4	95,3	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Северо-Восточный	26,0	55,1	66,2	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	95,4	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Центрально-Полесский, в том числе	32,3	69,9	82,8	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Области	19,7	43,1	52,9	100,0	100,0	100,0	80,1	100,0	100,0	96,8	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
г. Киев	82,8	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Причерноморский	20,7	45,0	54,2	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Карпатский	17,0	34,0	39,1	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Подольский	15,7	32,3	38,0	100,0	100,0	100,0	69,0	82,4	79,6	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Западно-Полесский	18,1	35,3	39,9	100,0	100,0	100,0	83,3	100,0	97,9	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Экономические районы Украины	Социальные индикаторы												
	Уровень урбанизации			Медицинское обслуживание			Уровень детской смертности*			Ожидаемая продолжительность жизни			
	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	
Украина	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	97,1	97,5	100,0
Донецкий	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	95,2	95,7	99,1
Приднепровский	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	95,8	96,2	99,4
Северо-Восточный	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	97,4	98,1	100,0
Центрально-Полесский, в том числе	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	97,0	97,3	100,0
Области	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	76,6	76,9	79,7
г. Киев	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Причерноморский	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	96,0	96,4	99,5
Карпатский	96,9	97,7	99,1	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Подольский	95,2	96,8	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	99,5	99,9	100,0
Западно-Полесский	97,4	98,6	99,4	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	98,1	98,2	100,0

* дестимулятор (обратный индикатор)

В индустриальных районах наблюдается тенденция к увеличению доли сферы услуг в ВРП, что косвенно свидетельствует о стремлении к завершению первой стадий модернизации. Подольский ЭР, наоборот, демонстрировал увеличение в экономике доли сельского хозяйства, что еще больше закрепляет его аграрную специализацию, отодвигая во времени срок окончания первичной модернизации.

По индикатору, характеризующему уровень урбанизации, все ЭР, кроме Карпатского и Западно-Полесского, завершили первичную модернизацию. Обозначенные районы-исключения, не смотря на свое отставание, демонстрируют позитивную динамику и в ближайшие годы достигнут 100% данного показателя.

Степень завершенности первичной модернизации ЭР Украины оценивается с помощью индекса первичной модернизации, который рассчитывается как среднеарифметическое из показателей степени приближения индикатора к стандартному значению. На рис. 3 приведены индексы первичной модернизации для экономических районов Украины в 2005, 2008 и 2010 гг.

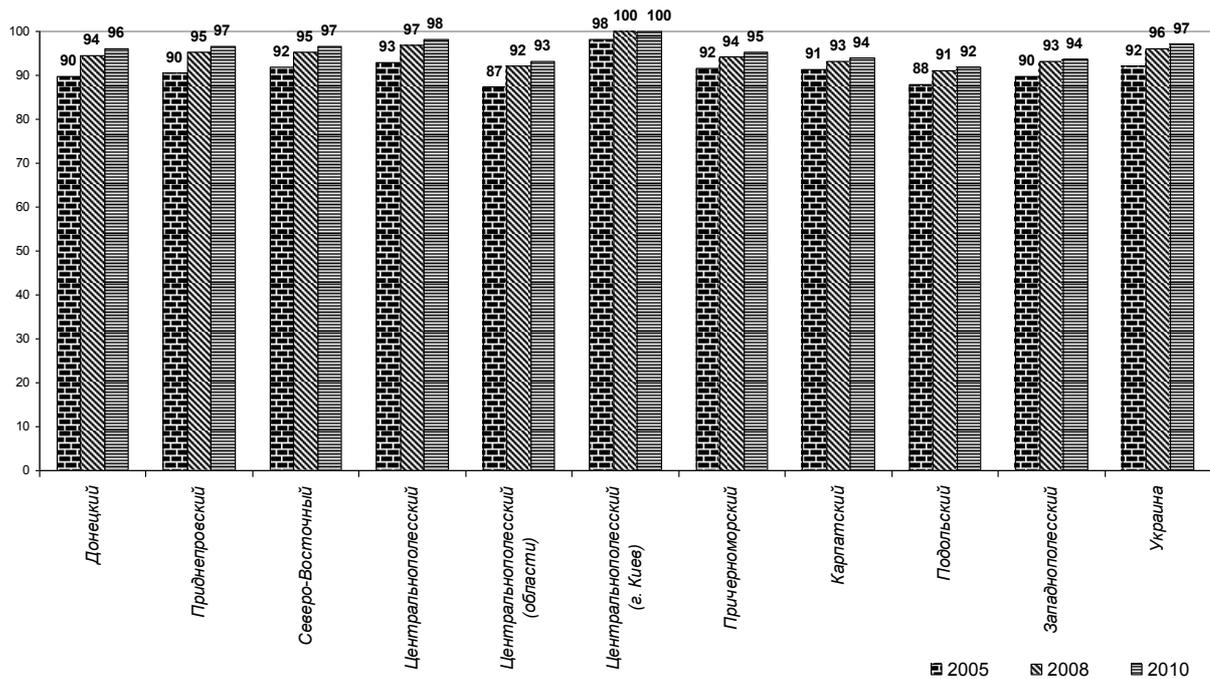

Рис. 3. Индекс первичной модернизации экономических районов Украины (авт.)

В целом в этот период прослеживалась стабильная положительная динамика развития стадии первичной модернизации. Наибольший индекс у г. Киев, который начиная с 2008 г. завершил стадию первичной модернизации. Сохранил свои лидирующие позиции г. Киева и при определении индексов вторичной и интегрированной модернизации. Вслед за ним расположился Центральноподольский ЭР. Однако поставить его на 2-е место среди районов, которые почти завершили первичную модернизацию, не совсем корректно, поскольку львиная доля заслуги в этом принадлежит г. Киеву. Без него данный ЭР занимает предпоследнее место, находясь выше Подольского, но ниже Карпатского и Западно-Подольского. Тем не менее, прогресс данного региона за анализируемый период был заметным, по темпам роста индекс уступая только Приднепровскому ЭР.

Донецкий район в течение всего периода исследования оставался в тени Приднепровского и Северо-Восточного ЭР. Если не брать во внимание г. Киев, то эти два ЭР ежегодно являются лидерами первичной модернизации Украины.

Устойчивый рост индекса первичной модернизации в этот период был отмечен во всех ЭР Украины, хотя сами темпы его роста в различных ЭР были неодинаковы. Но в данном случае важна не синхронизация этого процесса, а

наличие положительной динамики, которая, при сохранении этих темпов, но при отсутствии политического конфликта, позволила бы уже к 2015 г. завершить стадию первичной модернизации в большинстве ЭР Украины.

Для оценки фазовых значений данной стадии модернизации используются 2 экономических индикатора из общей модели (отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к ВВП; соотношение занятости в сельском хозяйстве к общей занятости) и 2 дополнительных (отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к добавленной стоимости в промышленной продукции; соотношение занятости в сельском хозяйстве к занятости в промышленности) индикатора. Фазовым интервалам их фактических величин присваиваются значения от 0 до 4: 0 — традиционное общество; 1 — начальная фаза; 2 — фаза развития; 3 — фаза расцвета и 4 — переходная фаза. В табл. 2 приведены результаты оценки фазы первичной модернизации.

Таблица 2

Оценка фаз первичной модернизации экономических районов Украины (авт.)

Экономические районы Украины	Фазовая оценка первичной модернизации		
	2005	2008	2012
Украина	3	3,25	3,25
Донецкий	4	4	4
Приднепровский	3,25	3,75	3,75
Северо-Восточный	3	3,25	3,25
Центрально-Полесский, в том числе	3,5	3,5	3,5
Области	2,75	3	2,75
г. Киев	4	4	4
Причерноморский	3	3,25	3
Карпатский	3,25	3,5	3,5
Подольский	2,25	2,5	2,5
Западно-Полесский	2,5	3	2,75

Используемые сигнальные индикаторы призваны показать, в какой степени и был ли завершен переход к индустриализации. В целом Украина и большинство ее ЭР находились в фазе расцвета первичной стадии модернизации. В переходном состоянии ко второй стадии модернизации находились только г. Киев и Донецкий ЭР. Приднепровский ЭР вплотную приближался к переходной фазе. Северо-Восточный и Карпатский ЭР также можно было считать

способными в ближайшее время вступить в фазу, приближающую их ко второй стадии модернизации. К ним можно было бы отнести и Центрально-Полесский ЭР, если главным драйвером модернизации в нем не служил г. Киев. Без него экономический район не может стабилизировать вектор модернизации, за период исследования, то вступая в фазу расцвета, то вновь опускаясь вниз в фазу развития. Аналогичную динамику демонстрировали Причерноморский и Западно-Полесский ЭР.

Оценка вторичной модернизации экономических районов Украины. По мнению авторов Обзорного доклада о модернизации, процесс вторичной модернизации был запущен чуть более 30 лет назад. Он пока не завершен и черты, его характеризующие, все еще формируются. В связи с этим методы и индикаторы ее оценки могут быть скорректированы. Авторы статьи воспользовались этой возможностью и при определении перечня индикаторов отказались от трех из них: количества телевизоров на 1000 человек, потребление энергии на душу населения и ВРП на душу населения в условиях ППС.

Отказ от первого индикатора, входившего в группу «Передача знаний», был обусловлен низкой результативностью данного способа в наше время, который постепенно, как уличные таксофоны, вытесняется более мобильными средствами передачи информации, в том числе и знаний. Заменить данный индикатор показателем распространенности мобильных телефонов или компьютеров, которые в развитых странах давно стали популярным средством передачи информации и знаний, достаточно проблематично из-за ограничений со стороны имеющейся статистической информации.

Украина накануне политического конфликта 2014 г. только перешла в фазу, когда традиционные средства передачи информации и знаний уже не доминируют, а современные еще не заняли лидирующие позиции. Например, Украина только в 2010 г. достигла нормы распространения мобильных телефонов, которая была в Финляндии в 2001 г., по количеству персональных компьютеров достигли аналогичного показателя Великобритании, Нидерландов и Швейцарии 2000 г. только в 2012 г. [15]. Тем не менее, именно для таких стран,

как Украина, эти показатели, при определенном подходе, были бы информативными индикаторами, отражающими степень реализации вторичной стадии модернизации.

Отказ от второго индикатора также вызван трудностями получения статистической информации данного вида, а от третьего индикатора было решено отказаться в силу того, что он представлял собой, пересчитанный в долларовом эквиваленте уже использующий показатель ВРП на душу населения. Данное сужение круга индикаторов не критично. Как утверждают авторы методики, изложенной в Обзорном докладе, использование менее 100%, но более 60% индикаторов, имеющих в методике, не влияет на обоснованность полученных результатов. Это требование было выполнено.

Оценка вторичной модернизации, осуществлялась по четырем группам, включающим в себя 13 индикаторов (рис. 4).

Рис. 4. Структура оценочных индикаторов вторичной модернизации

Оценка степени соответствия фактических показателей их идеальным значениям (табл. 3) показала, что в Украине в целом и во всех экономических районах вторичная модернизация полностью была осуществлена только по показателю количества врачей на душу населения (медицинские услуги). Угасающая динамика прослеживалась в индикаторах, отражающих удельный вес лиц со средним и высшим образованием в соответствующей возрастной

группе населения. Данные процессы не были связаны с естественными демографическими волнами. Вероятнее всего, это было обусловлено снижением материальных возможностей обучения, ростом разочарования в обществе от качества действующей системы образования.

Лидирующие позиции были у г. Киева, на территории которого вторичная модернизация достигнута по 6 индикаторам из 13.

Таблица 3

Степень соответствия реального показателя своему стандартному значению при определении индекса вторичной модернизации в Украине, %
(авт.)

Экономические районы Украины	Инновации в знаниях									Передача знаний								
	Финансирование инноваций в знаниях			Человеческий вклад в инновации в знаниях			Патенты на инновации в знаниях			Доля лиц со средним образованием			Доля лиц с высшим образованием			Распространенность сети Интернет		
	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012
Украина	33	27	27	45	40	39	19	22	25	98	98	93	114	115	104	5	9	11
Донецкий	13	11	13	27	25	20	17	17	19	97	94	90	94	93	81	2	4	5
Приднепровский	31	24	23	39	34	33	17	17	21	99	99	95	102	104	95	5	7	8
Северо-Восточный	14	11	8	73	66	64	26	30	40	98	99	93	120	120	120	5	8	10
Центрально-Полесский, в том числе	55	45	45	107	97	98	32	37	42	98	98	95	120	120	120	10	17	24
Области	12	11	10	16	15	15	6	4	6	98	99	95	69	66	64	2	4	5
г. Киев	78	62	62	120	120	120	87	106	113	96	96	92	120	120	120	27	45	61
Причерноморский	27	20	17	26	23	22	16	17	19	99	99	95	87	85	80	7	12	15
Карпатский	19	17	16	23	21	21	11	14	16	98	96	92	88	89	84	3	5	6
Подольский	8	5	5	7	5	5	14	19	23	97	97	92	88	83	77	3	5	7
Западно-Полесский	5	4	4	7	5	5	5	6	12	98	97	93	76	74	71	3	4	6

Экономические районы Украины	Качество жизни									Качество экономики											
	Уровень урбанизации			Медицинские услуги			Уровень детской смертности*			Ожидаемая продолжительность жизни			ВРП на душу населения			Доля добавленной стоимости в материальной сфере*			Доля труда в материальной сфере*		
	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012
Украина	88	88	89	120	120	120	20	20	22	86	86	89	5	9	10	85	93	99	74	80	82
Донецкий	11	11	11	120	120	120	17	15	19	85	85	88	5	10	11	60	64	67	57	60	62
Приднепровский	10	10	10	120	120	120	12	12	13	85	85	88	5	11	12	64	67	68	61	66	66
Северо-Восточный	90	91	92	120	120	120	20	22	24	87	87	89	5	8	10	72	83	85	69	74	74
Центрально-Полесский, в том числе	96	97	100	120	120	120	17	18	19	85	85	88	7	13	15	120	120	120	91	104	110
Области	73	74	77	120	120	120	26	29	29	68	68	71	3	6	8	73	85	90	70	78	83
г. Киев	120	120	120	120	120	120	27	22	27	90	91	93	14	26	29	120	120	120	0	120	120

Причерноморский	84	85	86	120	120	120	22	21	23	85	85	88	4	7	8	106	115	119	89	100	103
Карпатский	62	63	64	120	120	120	18	20	21	89	89	91	3	5	6	86	101	110	94	93	94
Подольский	61	62	64	120	120	120	22	21	25	88	89	91	3	5	6	77	85	91	70	80	86
Западно-Полесский	62	63	64	120	120	120	21	25	23	87	87	89	3	5	6	90	93	97	78	85	89

Примечание: * дестимулятор (обратный индикатор)

Почти по всем показателям, входящим в группы «Инновация в знаниях» и «Передача знаний», г. Киев опережал ближайшего преследователя более, чем в 2 раза. Однако необходимо учитывать, что весомая доля такого лидерства сформирована особым административно-правовым статусом столицы Украины.

Среди ЭР выделялся Северо-Восточный. И если при оценке первичной модернизации он оставался в тени таких индустриальных гигантов, как Донецкий и Приднепровский ЭР, то при оценке индекса вторичной модернизации он превзошел их по большинству показателей. Но этот район опережал их по таким важным индикаторам, характеризующим степень сформированности общества знаний, как вклад в инновации в знаниях, патенты на инновации в знания, доля лиц с высшим образованием и распространенность сети Интернет. По уровню распространения высшего образования среди лиц соответствующего возраста Северо-Восточный ЭР, благодаря потенциалу г. Харькова, не уступает г. Киеву и выше данного параметра по Украине.

Северо-Восточный ЭР уступал Донецкому и Приднепровскому только по численности городского населения и ВРП на душу населения. Но это естественное отставание, вызванное заложенной с советских времен промышленной специализацией областей, входящих в Донецкий и Приднепровский экономические районы.

На их территории расположены крупнейшие предприятия топливной и химической промышленности, металлургии, электроэнергетики и машиностроения, на которых заняты десятки тысяч работников, в то время как Северо-Восточный ЭР ориентирован на машиностроение, легкую и пищевую промышленность, предприятия которых нуждались в меньшей численности работников.

Индикаторы, характеризующие долю добавленной стоимости и труда в материальной сфере, наиболее ярко отражают уход от аграрной и

индустриальной специализации. Наибольшие темпы в этом направлении демонстрировали Подольский и Причерноморский ЭР.

Тем не менее, снижая долю сельскохозяйственной и индустриальной добавленной стоимости в ВРП и численность занятых в этих секторах экономики, движение в сторону экономики знаний в данных экономических районах не ускорялось, а, наоборот, замедлялось. Об этом свидетельствуют отрицательные темпы роста индикаторов, характеризующих финансирование инноваций в знания и человеческий вклад в инновации в знания.

Расчет индекса вторичной модернизации строится на четырех индексах по каждой из групп индикаторов (табл. 4). Данный промежуточный расчет показывает, что из четырех групп параметров этой стадии модернизации две группы (передача знаний и качество жизни) имеют достаточно высокие индексы. Северо-Восточный ЭР лидирует в 2-х из 4-х групп: инновации в знаниях и передача знаний. Причем лидерство безоговорочное, измеряющееся разницей в десятки пунктов с соответствующими индексами других районов.

Таблица 4
Индексы групп индикаторов вторичной модернизации экономических районов Украины в 2005–2012 гг. (авт.)

Экономические районы Украины	Индекс инноваций в знаниях			Индекс передачи знаний			Индекс качества жизни			Индекс качества экономики		
	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012
Украина	32	30	30	72	74	70	78	79	80	54	61	64
Донецкий	19	18	17	64	64	59	84	83	85	41	45	47
Приднепровский	29	25	26	68	70	66	80	80	81	43	48	49
Северо-Восточный	37	36	37	74	75	74	79	80	81	48	55	56
Центрально-Полесский, в том числе	65	60	62	76	78	79	80	80	82	73	79	82
области	11	10	10	57	56	55	72	73	74	49	56	60
г. Киев	95	96	98	81	87	91	89	88	90	85	89	90
Причерноморский	23	20	19	64	65	63	78	78	79	66	74	77
Карпатский	17	18	18	63	63	61	72	73	74	61	66	70
Подольский	9	10	11	62	61	58	73	73	75	50	56	61
Западно-Полесский	6	5	7	59	58	57	73	74	74	57	61	64

2-е и 3-е места занимали индустриально развитые ЭР — Приднепровский и Донецкий. Промышленная специализация данных районов позволяла им в течение всего периода оценки наращивать индексы качества жизни, за счет ускоренной урбанизации и низкого уровня детской смертности, но иметь при

этом самые низкие индексы в группе индикаторов, характеризующих качество экономики.

Все ЭР демонстрировали устойчивые тенденции снижения индекса передачи знаний. Следует обратить внимание на небольшой парадокс: районы концентрации отраслей экономики первичной и вторичной стадий модернизации не повышали индекс инноваций в знаниях, а понижали его. В то время, как ярко выраженные аграрные районы Подольский, Западно-Полесский и частично относящийся к ним Карпатский район, повышали индекс инноваций в знаниях.

Необходимо особо выделить Причерноморский ЭР, который, благодаря наибольшему приближению к стандарту показателей добавленной стоимости и труда в материальной сфере, получил наивысший индекс качества экономики. Эти же индикаторы позволили Западно-Полесскому и Подольскому ЭР занять в этой группе индикаторов соответственно 2-е и 3-е места. Наивысший индекс вторичной модернизации (неомодернизации) снова принадлежит Северо-Восточному ЭР (рис. 5), который вместе с г. Киевом и, в какой-то степени, с Причерноморским ЭР сформировали индекс вторичной модернизации Украины.

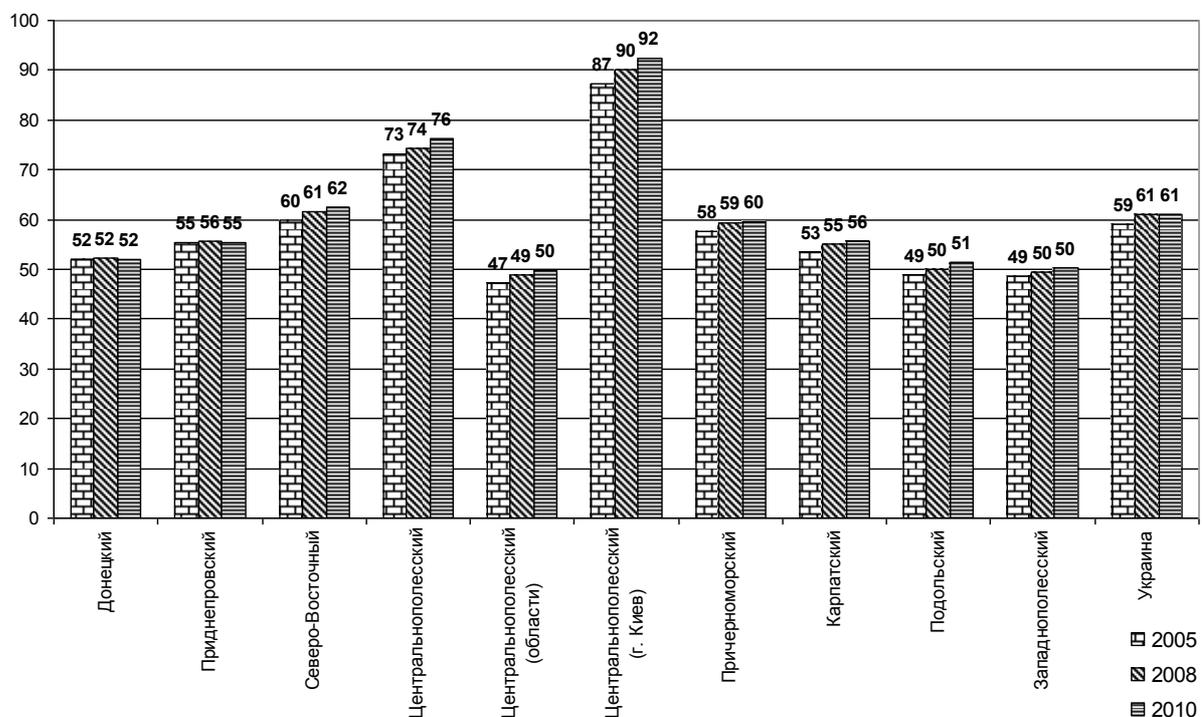

Рис. 5. Индекс вторичной модернизации экономических районов Украины (авт.)

Интересная ситуация складывалась в Донецком и Приднепровском ЭР. Если остальные ЭР, кроме Западно-Полесского, демонстрировали хотя и низкие, но устойчивые темпы роста индекса вторичной модернизации, то в Донецком ЭР за весь период исследования данный индекс застыл на одном уровне, а в Приднепровском — в 2010 г. даже снизился. Схожую динамику демонстрировал в 2008 и 2010 гг. Западно-Полесский ЭР.

Негативные тенденции в этих ЭР были обусловлены структурой их экономики, ориентированной на отрасли тяжелой индустрии, что подтверждается расчетами фаз вторичной модернизации, в которых они находятся (табл. 5). Несмотря на то, что первичная модернизация в них была почти завершена, вторичная еще и не начиналась. При этом такие ЭР, как Причерноморский и Карпатский, специализирующиеся на предоставлении услуг, уже вошли, или почти вошли в фазу развития вторичной модернизации. Столица Украины, являясь центром концентрации отраслей нематериального производства, находилась в фазе расцвета неомодернизации, тем самым помогая Центрально-Полесскому ЭР не выпасть из фазы развития.

Таблица 5

Оценка фаз вторичной модернизации экономических районов Украины (авт.)

Экономические районы Украины	Фазовая оценка вторичной модернизации		
	2005	2008	2012
Украина	1 ¹	1	1,5
Донецкий	0	0	0
Приднепровский	0	0	0
Северо-Восточный	0,5	1	1
Центрально-Полесский, в том числе	1,5	2	2
Области	0,5	1	1
г. Киев	2,5	2,5	2,5
Причерноморский	1,5	2	2
Карпатский	1,0	1,5	1,5
Подольский	0,5	1	1
Западно-Полесский	1	1	1

Такая ситуация сложилась благодаря выбранным индикаторам и при их изменении, возможно, появились бы новые зависимости и тенденции. В качестве

¹ Показатели, соответствующие следующим фазам вторичной модернизации: 0 — подготовительная фаза; 1 — начальная фаза; 2 — фаза развития; 3 — фаза расцвета.

значимых индикаторов, определяющих фазы вторичной модернизации, авторы китайского доклада выбрали долю добавленной стоимости и занятости в материальной сфере. Логика понятна: снижение влияния материального производства должно сопровождаться переходом к экономике знаний, что свидетельствует о наращивании темпов новой или вторичной модернизации. При этом китайские ученые утверждают, что определить фазу вторичной модернизации можно только для тех территорий, которые как минимум вошли в переходную фазу первичной модернизации [12]. По нашим расчетам, в переходной фазе первичной модернизации уже находились Донецкий ЭР и г.Киев,

Вместе с тем, авторы Обзорного доклада о модернизации утверждают, что существуют исключения и есть страны, которые на 100% завершили первичную модернизацию, но еще не вступили в начальную фазу вторичной модернизации. При проведении расчетов для подготовки данной статьи авторы воспользовались этим отступлением, что позволило получить целостную картину по всем экономическим районам Украины в 2005–2012 гг.

Оценка интегрированной модернизации экономических районов Украины.

Третье состояние модернизации — интегрированное — понимается как координированное развитие первичной и вторичной модернизации. В модели оценки интегрированной модернизации использовались десять индикаторов, которые применялись при оценке как первичной, так и вторичной модернизации, и были добавлены два новых: доля занятых в сфере услуг в общей занятости и эффективность использования энергии. Индикаторы были разделены на три группы: экономические и социальные индикаторы, индикаторы знаний. Оригинальная методика предполагает использование 12 индикаторов. Однако при расчетах индекса интегрированной модернизации для экономических районов Украины в силу различных причин, описанных ранее в статье, было принято решение скорректировать количество индикаторов и отказаться от использования показателей ВРП на душу населения в условиях ППС и экологической эффективности. Последний показатель, распространенный в

развитых странах, отражает эффективность энергетической сферы и рассчитывается как отношение ВРП на душу населения к потреблению энергии на душу населения.

В табл. 6 приведены результаты расчета соответствия реальных показателей Украины и ее ЭР их стандартным значениям. Как показали результаты сравнения, в Украине полностью достигнуты европейские стандарты лишь по показателю численности врачей на 1000 населения (медицинские услуги). Уже в 2010 г. во всех ЭР, кроме Северо-Восточного и г. Киева, был достигнут уровень развитых стран по показателю занятых в сфере услуг. Во всех районах зафиксированы наивысшие темпы роста данного индикатора среди всех индикаторов интегрированной модернизации. Особенно следует выделить Донецкий ЭР, где рост с 2005 по 2012 гг. составил 36 пунктов.

Наряду с позитивной динамикой, прослеживалась и отрицательная. Во всех ЭР, кроме Донецкого, снижался уровень финансирования инноваций в знаниях. Лидерами, если не считать г. Киев, являлись Причерноморский и Приднепровский ЭР. Была близка к заданному стандартному значению ожидаемая продолжительность жизни, а вот доля городского населения (уровень урбанизации) приближалась к стандарту только в ЭР, расположенных преимущественно на левом берегу Днепра. Если при определении индекса первичной модернизации с учетом теневой экономики ВРП на душу населения соответствовал показателю 19 наиболее развитых стран в 1960 г., то уже в период вторичной и интегрированной модернизации он значительно отстал от стандарта.

Таблица 6

Степень соответствия реального показателя своему стандартному значению при определении индекса интегрированной модернизации, % (авт.)

Экономические районы Украины	Экономические индикаторы									Социальные индикаторы								
	ВРП на душу населения			Доля добавленной стоимости в сфере услуг, %			Доля занятых в сфере услуг, %			Уровень урбанизации, %			Медицинские услуги			Ожидаемая продолжительность жизни		
	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012
Украина	5	9	10	69	76	80	79	86	100	88	88	89	100	100	100	86	86	89
Донецкий	5	10	11	46	53	57	64	69	100	100	100	100	100	100	100	85	85	88
Приднепровский	5	11	12	51	57	60	70	76	100	100	100	100	100	100	100	85	85	88
Северо-Восточный	5	8	10	60	70	72	76	83	99	90	91	92	100	100	100	87	87	89
Центрально-Полесский, в том числе	7	13	15	94	100	100	88	95	100	96	97	100	100	100	100	85	85	88

Области	3	6	8	61	71	76	77	84	100	73	74	77	100	100	100	68	68	71
г. Киев	14	26	29	100	100	100	100	100	99	100	100	100	100	100	100	90	91	93
Причерноморский	4	7	8	80	87	90	88	94	100	84	85	86	100	100	100	85	85	88
Карпатский	3	5	6	68	77	79	90	95	100	62	63	64	100	100	100	89	89	91
Подольский	3	5	6	63	71	76	78	88	100	61	62	64	100	100	100	88	89	91
Западно-Полесский	3	5	6	68	72	76	82	90	100	62	63	64	100	100	100	87	87	89

Экономические районы Украины	Индикаторы знаний											
	Финансирование инноваций в знаниях, %			Патенты на инновации в знаниях			Совокупная доля студентов ВУЗов			Распространенность сети Интернет		
	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012
Украина	33	27	27	19	22	25	100	100	100	5	9	11
Донецкий	13	11	13	17	17	19	94	93	81	2	4	5
Приднепровский	31	24	23	17	17	21	100	100	95	5	7	8
Северо-Восточный	14	11	8	26	30	40	100	100	100	5	8	10
Центрально-Полесский, в том числе	55	45	45	32	37	42	100	100	100	10	17	24
Области	12	11	10	6	4	6	69	66	64	2	4	5
г. Киев	78	62	62	87	100	100	100	100	100	27	45	61
Причерноморский	27	20	17	16	17	19	87	85	80	7	12	15
Карпатский	19	17	16	11	14	16	88	89	84	3	5	6
Подольский	8	5	5	14	19	23	88	83	77	3	5	7
Западно-Полесский	5	4	4	5	6	12	76	74	71	3	4	6

В этом случае даже учет «теневого фактора» не позволяет ему в целом по Украине и по ее отдельным ЭР приблизиться даже к 50% отметки стандартного значения для развитых стран.

Из трех групп параметров индекса интегрированной модернизации наиболее высокое значение имеет социальный индекс (табл. 7). По Украине в целом и некоторым ее ЭР его значение вплотную приближалось к стандарту.

Таблица 7

Индексы групп индикаторов интегрированной модернизации (авт.)

Экономические районы Украины	Экономические индикаторы			Социальные индикаторы			Индикаторы знаний		
	2005	2008	2012	2005	2008	2012	2005	2008	2012
Украина	51	57	63	91	92	93	39	39	41
Донецкий	39	44	56	95	95	96	32	31	30
Приднепровский	42	48	57	95	95	96	38	37	37
Северо-Восточный	47	54	60	92	93	94	36	37	40
Центрально-Полесский, в т. ч. области	63	69	72	94	94	96	49	50	53
г. Киев	71	75	76	97	97	98	73	77	81
Причерноморский	57	63	66	90	90	91	34	34	33
Карпатский	54	59	62	84	84	85	30	31	31
Подольский	48	54	60	83	84	85	28	28	28
Западно-Полесский	51	56	61	83	83	84	22	22	23

Критическая ситуация сложилась в области эффективности знаний. Особенно это касалось Центрально-Полесского (одни области без г. Киева) и Подольского ЭР. В большинстве районов индекс индикаторов знаний не рос, а в трех из них даже снижался. Оптимистичным исключением снова стал Северо-Восточный ЭР, в котором данный индекс за период исследования вырос на 4 пункта.

Динамика интегрального индекса экономических индикаторов отлична от динамики индекса индикаторов знаний. Имел место устойчивый рост данного индекса по всем экономическим районам. Наибольший рост наблюдался в индустриальных районах — Донецком и Приднепровском. Наименьший — в Карпатском. Г. Киев стал самым отстающим по темпам роста индекса экономических индикаторов. Данная ситуация свидетельствует о том, что в экономическом секторе г. Киева процессы вторичной модернизации приостановились и были необходимы новые рычаги стимулирования их развития.

В целом по Украине и по всем ее ЭР в 2005–2012 гг. наблюдалась позитивная динамика индекса интегрированной модернизации (табл. 8). Наибольший прогресс демонстрировали Северо-Восточный — 7 пунктов, Донецкий, Приднепровский, Центрально-Полесский (области) и Подольский ЭР — по 5 пунктов. Однако ни один район не имел индекс интегрированной модернизации больше, чем в целом по Украине. Единственным исключением стал Центрально-Полесский ЭР. Сложившая ситуация характеризовала достаточно сбалансированное координированное развитие первичной и вторичной модернизаций, что позволяло получать высокий синергетический эффект, проявляющейся в опережающем росте индекса интегрированной модернизации всей системы — Украины — по отношению к соответствующим индексам отдельных ее составляющих — ЭР.

Таблица 8

Индекс интегрированной модернизации экономических районов Украины (авт.)

Экономические районы Украины	2005	2008	2012
Украина	61	63	66

Донецкий	55	57	60
Приднепровский	58	60	63
Северо-Восточный	58	61	65
Центрально-Полесский, в том числе	69	71	73
Области	50	52	55
г. Киев	80	83	85
Причерноморский	60	62	63
Карпатский	56	58	59
Подольский	53	55	58
Западно-Полесский	52	54	56

Следствием гармоничного развития интегрированной модернизации в Украине стал существенный прогресс страны в иерархии среднеразвитых стран (табл. 9). Результаты проведенного исследования показали, что, если продисконтировать состояние Украины в 2012 г. к рейтингу 2006 г., то ее рост в рейтинге составлял 20 позиций. Естественно, что и другие среднеразвитые страны за эти четыре года обновили свои индексы и, возможно, Украина не только не поднялась в рейтинге, а наоборот, опустилась. Но в данном случае важен не столько прогресс, сколько подтверждение позитивной динамики и гармоничности координации первичной и вторичной модернизаций.

В целом, если проецировать результаты 2012 г. на 2006 г., то Украина достигла прогресса по всем стадиям модернизации: индекс первичной модернизации вырос на 5 единиц, что позволило улучшить рейтинг и занять 41 место; индекс вторичной модернизации вырос на 4 единицы, а место в рейтинге на 2 пункта.

Таблица 9
Индексы модернизации Украины и среднеразвитых стран, 2006–2010 гг. (авт.)

Страна	Индекс первичной модернизации	Место	Индекс вторичной модернизации	Место	Индекс интегрированной модернизации	Место
Испания	100	1	80	21	80	20
Италия	100	1	78	22	83	18
Словения	100	1	75	23	74	24
Греция	100	1	74	24	74	23
Эстония	100	1	73	25	69	25
Чехия	100	1	71	26	66	29
Португалия	100	1	68	28	69	26
Венгрия	100	1	66	29	67	28
Латвия	100	1	66	30	67	27
Россия	97	41	66	31	59	37
Литва	100	1	65	33	62	33

Словакия	100	1	63	34	59	36
Хорватия	100	1	61	36	62	32
Беларусь	94	49	61	37	58	39
Польша	100	1	60	38	59	38
Болгария	95	48	55	42	53	46
Украина	2006	92	62	57	39	53
	2008	96	45-47	61	36-37	63
	2010	97	41	61	36-37	66

Тем не менее, несмотря на недостаточную в целом модернизационную конкурентоспособность Украины, расчеты показали, что отдельные ее ЭР по уровню модернизации занимали в 2005–2012 гг. не только лидирующие позиции внутри страны, но и могли соперничать с отдельными странами. В табл. 10 приведены индексы модернизации ведущих ЭР Украины и стран, по площади и численности населения сопоставимых с ними.

2-е место по конкурентоспособности занимал Северо-Восточный ЭР. В отличие от Центрально-Полесского, он не имел такого сильного «локомотива роста» как г. Киев. Но данный факт не являлся его недостатком, скорее достоинством, поскольку свидетельствует о равномерном развитии всех территориальных единиц данного ЭР. Индексы вторичной и интегрированной модернизации Северо-Восточного района в 2012 г. также догнали Словакию и Хорватию, но отставание от соответствующих индексов таких развитых стран как Австрия и Швейцария составило более чем 50%.

Таблица 10

Индексы модернизации ведущих экономических районов Украины и отдельных стран, 2005–2012 гг. (авт.)

Страна, территория, численность населения	Индекс первичной модернизации	Индекс вторичной модернизации	Индекс интегрированной модернизации
Австрия* (83,9 тыс. км ² , 8,4 млн. чел.)	100	90	88
Болгария (111 тыс. км ² , 7,5 млн. чел.)	95	55	53
Израиль* (22 тыс. км ² , 7,8 млн. чел.)	100	81	80
Ирландия* (70,3 тыс. км ² , 4,5 млн. чел.)	100	82	81
Словакия (49 тыс. км ² , 5,4 млн. чел.)	100	63	59
Хорватия (41,3 тыс. км ² , 4,4 млн. чел.)	100	61	62
Швейцария* (41,3 тыс. км ² , 7,8 млн. чел.)	100	95	91
Донецкий ЭР Украины (53,2 тыс. км ² , 6,7 млн. чел.)			
2005	90	52	55
2008	94	52	57
2012	96	52	60
Приднепровский ЭР (83,7 тыс. км ² ,			

6,1 млн.чел.)			
2005	90	55	58
2008	95	56	60
2012	97	56	63
Северо-Восточный ЭР (84,0 тыс. км ² , 5,4 млн.чел.)			
2005	92	60	58
2008	95	61	61
2012	97	62	65
Центрально-Полесский ЭР (111,5 тыс. км ² , 8,2 млн.чел.)			
2005	93	73	69
2008	97	74	71
2012	98	76	73

Примечание: * страны, которые, по классификации авторов Обзорного доклада, относятся к развитым

Отдельно необходимо сказать о показателях, которые принимаются в качестве стандартов [14]. Принятые при расчетах значения, наиболее близкие к максимальным, позволяют оценить состояние модернизации в Украине и ее ЭР по сравнению с достижимым уровнем. Если производить сравнение на фоне страны — идеала, которая совмещает в себе максимально возможные стандартные значения индикаторов, то это в большей степени будет напоминать утопическую, чем практическую методику оценки.

Авторы Обзорного доклада [12] не раз утверждали, что при применении их методики возможны изменение набора индикаторов, чем неоднократно воспользовались и авторы данной статьи. Однако по каждому сокращенному индикатору была приложена аргументация и, по большому счету, основную претензию можно выразить только по неиспользованию индикатора экологической эффективности, отражающего эффективность энергетической сферы и рассчитывающегося как отношение ВРП на душу населения к потреблению энергии на душу населения.

Тем не менее, возможности совершенствования методики оценки модернизации существуют и ими необходимо воспользоваться. В первую очередь, это относится к индикаторам, которые должны учитывать тех, кто уже в течение трудовой жизни овладел новой профессией и/или прошел курсы повышения квалификации, поскольку в данной методике эта группа незаслуженно забыта. Некоторые показатели применимы для страны в целом, но

не информативны для регионов (или ЭР). Например, показатель доли студентов в соответствующей возрастной категории. В Украине как в других странах также существуют территориальные центры концентрации высших учебных заведений, что несколько искажает картину в разрезе территорий и их объединений. К тому же оригинальная методика предполагает определение доли студентов в категории населения в возрасте от 20 до 24 лет, тогда как в Украине несколько иные возрастные рамки поступления и окончания высших учебных заведений.

При оценке первичной модернизации необходимо учитывать особенности индустриального развития Украины. Нанесенные в 90-е гг. XX в. отечественной индустрии глубокие разрушения, становление нового формата украинского государства в 2014–2016 гг. снизили ее потенциал инновационного развития, а современная промышленная политика консервирует это состояние, поощряя интенсивное использование устаревших технологий и получение традиционных продуктов промышленного производства. Это обуславливает необходимость введения в методику дополнительных индикаторов, характеризующих инновационную и конкурентоспособную динамику индустриального развития.

Необходимо к сугубо статистическим индикаторам добавить показатели, отражающие оценку модернизации населением. Социологические опросы населения, индикативно отражающие состояние общественной оценки модернизации, и экспертные оценки будут не заменять, а дополнять данные официальной статистики. Подавляющее большинство индексов, разработанных международными организациями, строятся на экспертных оценках. Это позволит выявить социально-гуманитарные препятствия, сдерживающие как завершение первичной, так и развитие вторичной модернизации.

Конкретные ориентиры политики модернизации ЭР Украины требуют проведения нового фазового анализа в зависимости от типологии каждого района в новых политических и экономических условиях. Такой персонифицированный подход позволит определить задачи институциональных

изменений, направления и объемы инвестиций для их решения для каждого конкретного ЭР.

Следует также отметить, что известный проект 2Q2015, формируя сценарии преодоления негативный тренда развития на Украине, определяет основной экспортный локомотив Украины минимум на ближайшие 5 лет — АПК, субдоминантами — металлургия и машиностроение, которые постепенно будут терять свое значение. Это доказывает, что на Украине пока сохраняется негативный инвестиционный финансовый климат со стороны международных финансовых институтов.

Раскрывая предпосылки выхода из сложившейся ситуации, утверждается, что преодоление возможно путем создания новых предприятий с участием иностранного капитала для сборки на территории Украины продукции, ориентированной на рынки ЕС и стран Азии. Украина сможет переломить негативный тренд, но и нарастить долю экспорта продукции машиностроения минимум до уровня 2012 г. В случае, если Украина откажется от концепции развития машиностроительной отрасли для новых рынков, ее ожидает модель сырьевого придатка со всеми вытекающими последствиями в экономической, социальной и демографической сферах [16].

С целью наращивания экспорта в АПК за счет увеличения урожаев и увеличения пропускной способности портов, вопрос остается открытым в отношении вообще существования каких-либо портов на территории Украины, предполагается проведение либерализации рынка земли. Однако, в этом же документе, учитывается ряд непреодолимых рисков, связанных с потерей производственных и экспортных возможностей Украины, ввиду угрозы со стороны России. По утверждению разработчиков проекта 2Q2015, Россия сможет более активно участвовать в переделе рынка АПК. В свою очередь, крупные иностранные инвесторы массово откажутся от такого рынка и долгосрочных вложений в инфраструктуру, в первую очередь, портовую. В связи с таким сценарием, хотя и стратегически необходимым, реализация его пока преждевременна.

Литература

1. Геец В. Либерально-демократические основы: курс на модернизацию Украины // Экономика Украины. — 2010. — № 3. — С. 4–20.
2. Государственная служба статистики Украины. 2015. — Электрон. текст. дан. — Режим доступа: <http://ukrstat.org> (дата обращения: 12.03.2016).
3. Гриценко А. Методологические основания модернизации Украины // Экономика Украины. — 2011. — № 1. — С. 38–47.
4. Емельянов Ю.С., Хачатурян А.А. Человеческий капитал в модернизации России: Институциональный и корпоративный аспекты / Предисл. Е.П. Велихова. — М.: Едиториал УРСС, 2011. — 416 с.
5. Заставний Ф.Д. Економічні райони України: реалії та перспективи. — Львів: Апріорі, 2010. — 222 с.
6. Лібанова Е.М. Соціальні проблеми модернізації української економіки // Демографія та соціальна економіка. — 2012. — № 1. — С. 5–21.
7. Матишов Г.Г. Украина: геостратегический разворот (уроки истории — от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.). — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. — 384 с.
8. Матишов Г.Г. Украина и Россия: книга иллюстраций взаимоотношений и истории (обстоятельства, риски, тенденции). — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. — 224 с.
9. Матишов Г.Г. Исторические и геополитические угрозы национальной безопасности. Азово-Причерноморье и Прикаспий в XXI веке. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. — 304 с.
10. Модернізація України — наш стратегічний вибір: Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України. — К., 2011. — 416 с.
11. Нурышев Г.Н. Современная Украина в геополитическом измерении // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2014. — № 2 (6). — С.9–16.
12. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под общей редакцией Н.И. Лапина. — М.: Издательство «Весь Мир», 2011. — 256 с.
13. Онищенко В. Модернизация как императив развития Украины // Экономика Украины. — 2011. — № 7. — С. 4–14.
14. Павлов К.В., Ляшенко В.И., Котов Е.В., Митрофанова И.В. Методика оценки развития постиндустриальной и неиндустриальной моделей региональной модернизации (на примере Донбасса Украины) // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия «Актуальные проблемы реформирования российской экономики (теория, практика, перспектива)». — 2016. — № 1 (180). — С. 122–130.
15. Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. Пер. с англ. — М.: «Логос», 2002. — 224 с.
16. Ukrainian economic trends forecast 2Q 2015. By Da Vinci AG Analytic Group (Quarterly information product), 2015. — 18 p.

References

1. Gee V. Liberal'no-demokraticheskie osnovy: kurs na modernizaciju Ukrainy [Liberal democratic basis: course towards modernization of Ukraine]. *Jekonomika Ukrainy*, 2010, no. 3, pp.4–20.
2. *Gosudarstvennaja sluzhba statistiki Ukrainy. 2015* [Public service of statistics of Ukraine. 2015]. Available at: <http://ukrstat.org>.
3. Gricenko A. Metodologicheskie osnovanija modernizacii Ukrainy [Methodological bases of modernization of Ukraine]. *Jekonomika Ukrainy*, 2011, no. 1, pp. 38–47.
4. Emel'janov Ju.S., Nachaturjan A.A. *Chelovecheskij kapital v modernizacii Rossii: Institucional'nyj i korporativnyj aspekty. Predisl. E.P. Velihova* [Chelovechesky the capital in modernization of Russia: Institutional and corporate aspects. E.P. Velikhov's preface]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2011. 416 p.

5. Zastavnij F.D. *Ekonomichni rajoni Ukraïni: realii ta perspektivi* [Economic region of Ukraine: realities and prospects]. Lviv, Apriori Publ., 2010. 222 p.
6. Libanova E.M. Social'ni problemi modernizacii Ukraïns'koï ekonomiki [Social problems of modernization of the Ukrainian economy]. *Demografija ta social'na ekonomika*, 2012, no. 1, pp. 5–21.
7. Matishov G.G. *Ukraina: geostrategicheskij razvorot (uroki istorii — ot Jel'by 1945 g. do Mius-fronta 2014 g.)* [Ukraine: a geostrategic turn (history lessons — from Elba 1945 to Mius-fronta 2014)]. Rostov n/D, Southern Russian Academy of Sciences scientific center Publ., 2014. 384 p.
8. Matishov G.G. *Ukraina i Rossija: kniga illjustracij vzaimootnoshenij i istorii (obstoitel'stva, riski, tendencii)* [Ukraine and Russia: book of illustrations of relationship and history (circumstances, risks, tendencies)]. Rostov n/D, Southern Russian Academy of Sciences scientific center Publ., 2014. 224 p.
9. Matishov G.G. *Istoricheskie i geopoliticheskie ugrozy nacional'noj bezopasnosti. Azovo-Prichernomor'e i Prikaspij v XXI veke* [Historical and geopolitical threats of national security. Azovo-Black Sea Coast and Prikaspy in the 21st century]. Rostov n/D, Southern Russian Academy of Sciences scientific center Publ., 2015. 304 p.
10. *Modernizacija Ukraïni — nash strategichnij vibir: Shhorichne Poslannja Prezidenta Ukraïni do Verhovnoi Radi Ukraïni* [Modernization of Ukraine — our strategic choice. Annual Message of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine]. Kiev, 2011. 416 p.
11. Nuryshch, G.N. Sovremennaja Ukraina v geopoliticheskom izmerenii [Modern Ukraine in geopolitical measurement]. *Nacional'naja bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie*, 2014, no. 2 (6), pp. 9–16.
12. *Obzornyj doklad o modernizacii v mire i Kitae (2001–2010)* [The survey report on modernization in the world and the China (2001–2010)]. N.I. Lapin ed. Moscow, “Whole world” Publ. 256 p.
13. Onishhenko V. Modernizacija kak imperativ razvitija Ukrainy [Modernization as imperative of development of Ukraine]. *Jekonomika Ukrainy*, 2011, no. 7, pp. 4–14.
14. Pavlov K.V., Ljashenko V.I., Kotov E.V., Mitrofanova I.V. Metodika ocenki razvitija postindustrial'noj i neoindustrial'noj modelej regional'noj modernizacii (na primere Donbassa Ukrainy) [Method of an assessment of development of post-industrial and neoindustrial models of regional modernization (on the example of Donbass of Ukraine)]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija “Aktual'nye problemy reformirovanija rossijskoj jekonomiki (teorija, praktika, perspektiva)”*, 2016, no. 1(180), pp. 122–130.
15. Himanen P., Kastel's M. *Informacionnoe obshhestvo i gosudarstvo blagosostojanija: finskaja model'* [Information society and state of welfare: Finnish model]. Moscow, “Logos” Publ., 2002. 224 p.
16. *Ukrainian economic trends forecast 2Q 2015*. By Da Vinci AG Analytic Group (Quarterly information product) Publ., 2015. 18 p.

УДК 336.02

Попова Ирина Витальевна

Кандидат экономических наук, доцент
ГО ВПО «Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Никитина Ирина Петровна

Аспирант, ГО ВПО «Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Матющенко Екатерина Сергеевна

Аспирант, ГО ВПО «Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: irinapo@yandex.ua

ОБОБЩЕНИЕ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ

В работе раскрыты основные направления взаимодействия центрального банка с правительством в финансовой сфере. Проанализированы основные полномочия центральных банков некоторых стран в области управления государственными финансами и отдельные аспекты отношений с министерствами финансов. Основное внимание уделено таким сферам взаимодействия вышеупомянутых структур как прямое кредитование центральным банком правительства, финансирование «квазифискальных операций», ведение счетов правительства, использование министерством финансов прибыли, полученной центральным банком, погашение государственных облигаций, совершенствованию регулирования в финансовом секторе и советуемого законодательства. Выявлены возможные плюсы от такого сотрудничества, а также последствия действий этих исполнительных органов власти.

На основании проведенного исследования определено, что координация взаимных действий центрального банка и правительства в сфере финансов, в частности министерства финансов, имеет основополагающее значения для денежно-кредитной системы и финансовой стабильности. Выявлены

перспективные направления взаимодействия этих учреждений, даны рекомендации по их усовершенствованию.

Ключевые слова: центральный банк, независимость, финансовая стабильность, правительство.

Jel classification code: E 500, E 580, E 590, E 610

Irina Popova

Ph.D. (economics), Associate Professor
Donetsk national University
of Economics and trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

Irina Nikitina

PhD student
Donetsk national University of Economics and trade named after Mikhail
Tugan-Baranovsky

Ekaterina Matyushchenko

PhD student
Donetsk national University of Economics and trade named after Mikhail
Tugan-Baranovsky
E-mail: irinapo@yandex.ua

GENERALIZE PRACTICE OF THE PUBLIC FINANCE MANAGEMENT

In work basic directions of interaction of the Central Bank with the government in the financial sector. The basic powers of the Central banks of some countries in the management of public finances and some aspects of relations with ministries of Finance. Special attention is paid to the interaction between the aforementioned structures as direct lending by the Central Bank of the government, the financing of the "quasi-fiscal operations, maintenance of accounts of the government, using the Ministry of Finance the profit received by the Central Bank, repayment of state bonds to improve regulation in the financial sector and advising legislation. Identified possible benefits from such cooperation, as well as the consequences of the actions of these Executive bodies.

On the basis of the conducted research determined that the coordination of actions of Central Bank and government in Finance, in particular the Ministry of Finance, is of fundamental value for monetary system and financial stability. Identified

promising areas of cooperation between these institutions and offers recommendations for their improvement.

Key words: Central Bank, independence, financial stability, Government.

Jel classification code: E 500, E 580, E 590, E 610

Обеспечение финансовой стабильности в стране является одной из основных функций центрального банка, так как он является ключевым элементом финансовой системы страны, а возникновение кризисных явлений в банковском секторе имеют негативные как социальные, так и экономические последствия для финансового состояния государства. Стоит отметить, что, несмотря на исключительность своего положения в национальной финансовой системе, в законодательстве большинства развитых стран за центральным банком не закреплена всю полнота ответственности за поддержание стабильности финансового и банковского сектора в стране. Целесообразным, на наш взгляд является комплексное решение этой проблемы, посредством согласования усилий и координации действий центрального банка как основного звена банковской системы и министерства финансов как центрального органа исполнительной власти в стране. Это обуславливает актуальность выбранной темы.

Анализ последних исследований. Исследованию роли центрального банка и министерства финансов в обеспечении финансовой стабильности в России и в зарубежных странах посвящены публикации А. Я. Гейвандова, Е. Е. Швакова, А. С. Кияницы, В. П. Барановой, Р. Джуччи, Р. Кирхнера, В. Кравчука, С. В. Бекаревой.

Однако вопросы, касающиеся выявления общих закономерностей и специфических особенностей взаимодействия центрального банка и министерства финансов в сфере обеспечения финансовой стабильности, требуют дальнейшего исследования.

Целью исследования является выявление основных направлений, форм и методов взаимодействия центрального банка и министерства финансов в финансовой сфере для обеспечения финансовой стабильности в стране.

Гейвандов Я. А. подчеркивает необходимость координации деятельности органов государственного управления в России для достижения общих для общества целей — укрепления экономического, духовного, научного, политического и оборонного потенциалов России, обеспечения конституционной законности в денежно-кредитной сфере [1]. Однако данный общий подход не подтверждается конкретными формами такого взаимодействия.

В значительной части научных исследований ключевой признается проблема обеспечения независимости центрального банка от правительства в проведении денежно-кредитной политики и наличия преимуществ делегирования соответствующих полномочий центральному банку. Тем не менее, в последнее время научная мысль движется в направлении от общих вопросов к исследованию механизма, который обеспечивает разграничение полномочий, проектирование и организацию взаимоотношений между центральным банком и правительством, в том числе с министерством финансов.

Степень независимости центрального банка от правительств в проведении независимой денежно-кредитной политики может проявляться в следующих формах:

1) центральный банк является ответственным агентом и проводит денежно-кредитную политику министерства финансов;

2) центральный банк проводит независимую от правительства денежно-кредитную политику без политического давления со стороны органов власти [2];

3) центральный банк взаимодействует с органами исполнительной власти при сохранении определенной степени независимости. В большинстве экономик используется именно такая промежуточная модель взаимодействия.

В большинстве стран разграничение полномочий между министерством финансов и центральным банком как основными финансовыми институтами

заключается в том, что Министерство финансов определяет фискальную или бюджетную политику, а центральный банк определяет монетарную политику государства. При этом Центральный банк в большинстве стран выполняет функции государственного органа исполнительной власти, даже если государство формально не владеет его капиталом (США, Италия, Швейцария) или владеет частично (Бельгия — 50%, Япония — 55%) [3].

В Европе самым влиятельным является Бундесбанк в Германии, который получил свою независимость от указаний федерального правительства при осуществлении своих полномочий в 1957 году. Независимость Бундесбанка позже стало основой для Европейского центрального банка.

Во многих странах Европы центральные банки получили политическую независимость только в 1980-х и 1990-х. Наиболее показательными являются Банк де Франс (до сих пор находится под влиянием министерства финансов), Банк Италии (право определения направлений вмешательства законодательным путем передано правительству) или Банк Англии (только в 1997 г. получил полномочия устанавливать процентные ставки) [4].

В законодательстве США, Швеции и Голландии предусмотрено прямое подчинение центральных банков парламентам. Федеральной резервной системе США пришлось вести долгую борьбу за свою независимость. С 1941 по 1951 гг. ФРС США находилась в подчинении Министерства финансов США, обязана была предоставлять кредитные деньги частным банкам на льготных условиях и непосредственно приобретать облигации у Казначейства, что привело к инфляции.

Однако в 1951 года ФРС США и Департамент казначейства Министерства финансов США подписали соглашение о предоставлении ФРС США полной независимости по денежной сфере, оставляя налоговые вопросы в своей юрисдикции.

Полномочия ФРС США в денежной сфере существенно не менялись до конца 20-го века. Но в 1970-х годах правительственными органами перед ФРС США были поставлены ориентиры по эффективному продвижению «цели

максимальной занятости, стабильных цен и умеренных долгосрочных процентных ставок», а также включена нормативная ответственность во многие законы о защите потребительского кредита [5].

Банки Швеции и Голландии подчиняются юрисдикции своих парламентов и отвечают за проведение денежно-кредитной политики, направленной на поддержание низкого и стабильного уровня инфляции и отвечают за функционирование платежной системы [6; 7].

В ряде развитых странах мира министерство финансов уполномочено издавать инструкции для центрального банка, однако такие случаи в практике редки. Обычно согласование интересов этих структур осуществляется на заседаниях правительства или союзов предпринимателей и банкиров путем подписания двухсторонних соглашений уполномоченными лицами от министерства финансов и центрального банка.

В странах, где центральный банк напрямую подотчетен парламенту, посредством законодательных процедур могут быть приняты решения, которые обязывают исполнительные органы способствовать центральному банку в достижении определенных целей денежно-кредитной политики.

В законодательстве ряда стран подотчетность центрального банка перед парламентом является обязательным. Например, ФРС США обязана отчитываться два раза в год перед Конгрессом о своей деятельности, в Германии и Японии отчеты в парламенты Дойче Бундесбанком и банком Японии направляться ежегодно.

Тем не менее, несмотря на наличие специфических особенностей форм взаимодействия центрального банка и правительства, независимый статус центрального банка в развитых странах уже не оспаривается, а практика подтверждает расширение сотрудничества между центральным банком и правительством (в частности, в США, в Германии, в Японии, в Канаде и т.д.) в области обмена информацией и в других сферах. В настоящее время в Европейском Союзе условие о независимости центрального банка является необходимым для вступления стран Европейский валютный союз.

В этих условиях поиск эффективных путей сотрудничества между министерством финансов и центральным банком приобретает особенную актуальность, так как конфликт интересов между ними может угрожать макроэкономической и финансовой стабильности в стране.

Так, частный сектор в ответ на возникающие конфликты, а в особенности иностранные инвесторы могут прийти к решению покинуть страну, что снизит не только ее инвестиционную привлекательность, но может привести к более серьезным макроэкономическим проблемам. Значительная часть мероприятий центральных банков, направленных на достижение стабильности цен, значительно влияют на фискальную политику, в то время как действия правительства могут оказывать на монетарную политику.

В случае, если центральный банк для уменьшения инфляционного давления через ликвидность (т.е. монетарную базу) увеличивает процентные ставки, стоимость государственных заимствований может увеличиться, что вызовет некоторый конфликт интересов с министерством финансов.

В тоже время, если центральный банк будет эмитировать собственные ценные бумаги, чтобы уменьшить ликвидность, министерство финансов может столкнуться с повышенной конкуренцией и, соответственно, с более высокими процентными ставками на рынке краткосрочных ценных бумаг. Это в свою очередь, может повлечь за собой высокие ставки на долгосрочные ценные бумаги. В случае если правительство не выпускает долговые ценные бумаги на регулярной основе, то внутренний рынок государственных облигаций может стать неликвидным, тем самым для центрального банка возникает угроза потери важного инструмента монетарной политики. Также, стоит отметить, что неожиданные изменения остатков средств на счетах правительства в центральном банке существенно усложняют систему управления ликвидностью банковской системы и ухудшают условия для проведения адекватной денежно-кредитной политики.

Поэтому единственным целесообразным способом предупреждения конфликта интересов для достижения финансовой стабильности в любой стране

является четкая регламентация основных направлений и принципов взаимодействия между центральным банком и правительством, а также министерством финансов как финансового органа правительства.

В табл. 1 систематизированы основные возможные направления взаимодействия между центральным банком и правительством в финансовой сфере, а также положительные и негативные последствия для финансовой стабильности в стране.

Таблица 1. Направления взаимодействия центральных банков с правительствами

Направление взаимодействия	Возможные плюсы от сотрудничества	Последствия
Прямое кредитование центральным банком правительства путем перечисления средств на счета в казначействе	Использование дешевых долгосрочных займов от центрального банка для финансирования дефицита бюджета и уменьшения стоимости финансирования.	Неконтролируемый рост денежной массы; центральный банк теряет возможность поддерживать ценовую стабильность, что приводит к гиперинфляции.
Финансирование центральным банком (по предварительной договоренности с правительством), а не бюджетом, государственных мероприятий («квазифискальные операции»)	Позволяет проводить государственную политику без соответствующих расходов государственного бюджета путем предоставления льготных и долгосрочных займов банкам или отдельным (государственным) предприятиям	Подрывается финансовое положение центрального банка и его контроль над монетарной политикой, что ведет к высокой инфляции и к снижению доверия участников рынка к государственным учреждениям.

Использование министерством финансов прибыли, полученной центральным банком	Большая часть прибыли центрального банка обычно передается правительству, для министерства финансов это — «удобный» источник дохода через выпуск большего количества денег в обращении.	Может возникнуть конфликт между проведением целям монетарной и фискальной политики, что ведет к инфляции.
Хранение правительством свободных средств на счетах в центральном банке, начисление центральным банком процентов по этим счетам	Возможность получение доходов правительством за хранение в центральном банке своих временно свободных средств. Расширение ресурсной базы для центрального банка.	Средства на счетах правительства изымаются из оборота банковского сектора и не является частью свободной ликвидности банковской системы. Операции по счетам правительства непосредственно влияют на процентные ставки, что может приводить к дополнительным расходам при рефинансировании коммерческих банков на межбанковском кредитном рынке.
Погашение Министерством финансов государственных облигаций. Центральный банк совершает ответные действия центрального банка в сфере монетарной политики	Сокращение государственного долга. Центральный банк проводить экспансивную монетарную политику, что при контролируемой инфляции способствует стимулированию экономики.	Выпуск долга в иностранной валюте за рубежом (например, в форме еврооблигаций) приводит к притоку капитала, который при фиксированном или управляемого валютного курса может привести к значительному увеличению ликвидности и инфляции.
	Министерство финансов путем давления на центральный банк уменьшает уровень процентных ставок и таким образом стоимость государственных заимствований	Если правительство не придерживается графика выпуска государственных облигаций на внутреннем рынке, центральный банк не может проводить операции на открытом рынке и теряет основной инструмент проведения монетарной политики. В результате будет вынужден выпускать собственные долговые обязательства, которые составят "нездоровую" конкуренцию государственным ценным бумагам.

Совместные действия Министерства финансов и Центрального банка по совершенствованию регулирования в финансовом секторе и советуемого законодательства	Обеспечение стабильности на финансовом и банковском рынке, и макроэкономической стабильности в целом.	Определение требований относительно деловой репутации, которые будут применяться к менеджменту и собственникам финансовых организаций; совершенствование процедур банкротства и финансового оздоровления финансовых организаций.
---	---	--

Источник: Составлено авторами на основе [8; 9]

Все рассмотренные нами направления взаимодействия центрального банка с правительством могут в перспективе оказаться важными и потребовать совершенствования. Однако, самыми эффективными и перспективными, по нашему мнению, являются такие вопросы, как: создание более гибкого механизма управления казначейским счетом; координация монетарной политики и политики управления государственными облигациями; совершенствование регулирования в финансовом секторе и советуемого законодательства; и эффективная координация антициклической политики.

Относительно вопроса совершенствования управления казначейским счетом, стоит отметить, что для минимизации влияния «неожиданностей» изъятия с него средств и расширения ликвидности необходимо создать регулярные и хорошо структурированные институциональные каналы коммуникаций между министерством финансов (казначейством) и центральным банком: механизмы координации и обмена информацией для прогнозирования поступлений средств, ежедневного обмена информацией и информирования казначейства относительно запланированного / прогнозируемого объема чистых операций по счету.

Центральному банку необходимо консультировать министерство финансов по вопросам графика выпуска государственных ценных бумаг и погашения государственного долга с учетом их воздействия на состояние финансового рынка, в том числе на состояние банковской системы, и приоритетов единой государственной денежно-кредитной политики.

Также было бы целесообразно закрепить механизм взаимного обязательного посещения представителей каждой из двух рассматриваемых сторон в заседаниях советов с правом совещательного голоса.

Дальнейшие исследования должны быть направлены в другие области координации взаимодействий правительств, в лице органов государственной исполнительной власти (министерства финансов) и центрального банка. В частности вопрос распределения прибыли последнего может стать дискуссионной проблемой дальнейшего институционального совершенствования.

Литература

1. Гейвандов, А. Я. Социальные и правовые основы банковской системы Российской Федерации [Электронный ресурс] / А. Я. Гейвандов ; СПС «КонсультантПлюс». — Москва : Аванта+, 2003. — 496 с. — (Дата обращения: 11.05.2016).
2. Шваков Е.Е. Деньги, кредит, банки. Учебное пособие / Е.Е. Шваков. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 2005. — 225 с.
3. Кияница А.С. Фундаментальный анализ финансовых рынков. — СПб: Питер, 2005. — 288 с.: ил. — (Серия «Школа валютных трейдеров»).
4. Deutsche Bundesbank — Topics — The road to central bank independence [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.bundesbank.de/Redaktion/EN/Topics/2013/2013_10_29_bank_independence.html
5. History of central banking in the United States [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_central_banking_in_the_United_States
6. Банк Швеции States [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.investing.com/central-banks/bank-of-sweden>
7. De Nederlandsche Bank [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dnb.nl/home/index.jsp>

8. Баранова В.П. Особенности взаимодействия центрального банка с системой государственных финансов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: sdo.rea.ru/cde/conference/13/file.php?fileId=51

9. Взаимодействие между Правительством и Национальным банком Украины: Оценка текущей ситуации и рекомендации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ier.com.ua/ua/publications/policy_briefing_series?pid=1760

10. Бекарева С.В. Организация деятельности центральных банков. Учебно-методический комплекс. / Новосиб. гос. ун-т., экон. ф-т. — Новосибирск : НГУ, 2015. — 125 с. (Проект «Развитие сотрудничества НГУ с Хэйлунцзянским университетом (г. Харбин, КНР) в рамках совместного Китайско-российского института»).

References

1. Gejvandov, A. Ja. Social'nye i pravovye osnovy bankovskoj sistemy Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs] / A. Ja. Gejvandov ; SPS «Konsul'tantPljus». — Moskva : Avanta+, 2003. — 496 p. — (*in Russian*)

2. Shvakov E.E. Den'gi, kredit, banki. Uchebnoe posobie / E.E. Shvakov. — Gorno-Altajsk: GAGU, 2005. — 225 p. (*in Russian*)

3. Kijanica A.S. Fundamental'nyj analiz finansovyh rynkov. — SPb: Piter, 2005. — 288 s.: il. — (Serija «Shkola valjutnyh trejderov»). (*in Russian*)

4. Deutsche Bundesbank — Topics — The road to central bank independence [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: https://www.bundesbank.de/Redaktion/EN/Topics/2013/2013_10_29_bank_independence.html (*in Russian*)

5. History of central banking in the United States [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_central_banking_in_the_United_States (*in Russian*)

6. Bank Shvecii States [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://ru.investing.com/central-banks/bank-of-sweden> (*in Russian*)

7. De Nederlandsche Bank [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.dnb.nl/home/index.jsp> (*in Russian*)

8. Baranova V.P. Osobennosti vzaimodejstvija central'nogo banka s sistemoj gosudarstvennyh finansov [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: sdo.rea.ru/cde/conference/13/file.php?fileId=51 (*in Russian*)

9. Vzaimodejstvie mezhdru Pravitel'stvom i Nacional'nym bankom Ukrainy: Ocenka tekushhej situacii i rekomendacii [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: http://www.ier.com.ua/ua/publications/policy_briefing_series?pid=1760 (*in Russian*)

10. Bekareva S.V. Organizacija dejatel'nosti central'nyh bankov. Uchebno-metodicheskij kompleks. / Novosib. gos. un-t., jekon. f-t. — Novosibirsk : NGU, 2015. — 125 s. (Proekt «Razvitie sotrudnichestva NGU s Hjejlunczjanskim universitetom (g. Harbin, KNR) v ramkah sovместnogo Kitajsko-rossijskogo instituta»). (*in Russian*)

УДК 657.1

Попов Алексей Юрьевич

Кандидат экономических наук, доцент
Уральский государственный экономический университет

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ: БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются проблемы формирования первоначальной стоимости основных средств в соответствии с проектом федерального стандарта бухгалтерского учета "Основные средства". Проводится анализ проекта нормативного акта в сравнении с действующим положением по бухгалтерскому учету "Учет основных средств" (ПБУ 6/01), определяются его преимущества и недостатки. Сформирована и обоснована авторская позиция в отношении ряда норм Проекта ФСБУ, которую рекомендуется учесть при его обсуждении в Совете по стандартам бухгалтерского учета и нивелировать разночтения ряда пунктов.

Ключевые слова: основные средства, первоначальная стоимость, себестоимость, признание основных средств, финансовая отчетность.

Jel classification code: M 410

Alexey Popov

Ph.D. in Economics, Associate Professor
Associate Professor of Accounting and Auditing chair
Urals state economic university
Ekaterinburg

INITIAL ASSESSMENT OF FIXED ASSETS IN ACCOUNTING: THE NEAR-TERM OUTLOOK

Article considers problems of formation of initial cost of fixed assets according to the draft of the federal standard of accounting "Fixed assets". Article carries out the analysis of the draft of the statutory act in comparison with a relevant provision on accounting "The accounting of fixed assets" (PBU 6/01), defining his advantages and shortcomings. The author's position concerning a number of standards of the Project

FSBU, which is recommended to be considered at his discussion in Council for standards of accounting is created and proved and to level discrepancies of a number of points.

Keywords: fixed assets, initial cost, prime cost, recognition of fixed assets, financial statements.

Jel classification code: M 410

Роль основных средств в экономике хозяйствующего субъекта неоспоримо велика, поскольку данные объекты формируют основу производственно-технического потенциала предприятия и определяют производственные возможности. Также основные средства являются важнейшими объектами бухгалтерского учета, поскольку на основе их оценки определяются показатели финансового состояния и фондоемкости производимой продукции, работ или услуг. Вопросам оценки и учета основных средств хозяйствующих субъектов уделено значительное внимание отечественных специалистов, в частности Дружиловской Э. С., Супроткиной В. И., Куликовой Л. И., Моргуновой Т. А. и др. [3, 4, 5, 7, 11, 15] Заслуживают внимания защищенные по проблемам оценке основных средств диссертации, в частности Борониной Э. С., Абдаловой Е. Б. [1, 2] Однако на современном этапе развития учетной науки к достоверности оценки основных средств предъявляются повышенные требования, именно поэтому определенный резонанс вызвало размещенное на сайте Минфина РФ информационное сообщение о проведенном 4 июня 2015 года круглом столе «Изменения порядка бухгалтерского учета основных средств». [5] Указанную тему обсудили представители Минфина, аудиторы, представители бухгалтерской общественности и иные специалисты. На круглом столе обсуждались вопросы реформирования нормативно-правовых актов, посвященных учету основных средств, в частности ПБУ 6/01, в направлении адаптации с МСФО. Итогом мероприятия стало решение о подготовке проекта федерального стандарта бухгалтерского учета "Основные средства". В развитие указанного решения на сайте Министерства финансов недавно появился Проект

приказа «Об утверждении программы разработки федеральных стандартов бухгалтерского учета на 2016-2018 годы», который установил срок представления уведомления о разработке проекта стандарта «Основные средства» — второй квартал 2016 года. [13] Для представления проекта указанного стандарта в Совет по стандартам бухгалтерского учета назначен срок — третий квартал 2016 года. [13] Также определена предполагаемая дата вступления стандарта в силу — 2018 год, а в качестве назначенного разработчика проекта стандарта (ответственного исполнителя) определен «Национальный негосударственный регулятор бухгалтерского учета «Бухгалтерский методологический центр». [13] Сайт Фонда «НРБУ «БМЦ» приводит проект ФСБУ "Основные средства" и комментарии общественности к данному проекту.

Пункт 12 Проекта стандарта, посвященного основным средствам, гласит, что основные средства признаются по себестоимости. [14] В сравнении с действующей редакцией ПБУ 6/01 эта формулировка является относительно новой, поскольку понятие себестоимость в отечественном законодательстве применяется к материально-производственным запасам, и определяется как сумма затрат на производство продукции, работ, услуг.

Подход проекта ФСБУ к определению себестоимости в целом соответствует традиционному пониманию, он прописывает, что в себестоимость основных средств включаются фактические затраты организации, непосредственно обеспечивающие приобретение, создание и улучшение основных средств.

Пункт 13 проекта стандарта уточняет перечень объектов, признание которых относится к комплексу операций, объединенных категорией "приобретения основных средств". В частности, в этот перечень включены 1) полностью готовые для использования активы в качестве основных средств; 2) объекты, требующие монтажа, достройки, доработки, дооборудования в целях их использования в качестве основных средств; 3) сырье, материалы, комплектующие, запчасти и другие аналогичные предметы, необходимых для создания и улучшения основных средств. [14]

В настоящей редакции ПБУ 6/01 под приобретением основных средств понимается поступление готового объекта, объекта незавершенного строительства, оборудования, требующего монтажа, но не материально-производственных запасов, необходимых для создания объекта. [10] Соответственно при бухгалтерском оформлении третьего варианта приобретения основных средств в соответствии с Проектом стандарта, возможны разночтения в формировании бухгалтерских записей. Приобретаемые материалы, запчасти и тому подобные активы могут использоваться одновременно в целях производства продукции, общехозяйственных целях и для создания основных средств, но при принятии проекта ФСБУ в данной редакции необходимо будет при оприходовании этих МПЗ сразу же выделять запасы, которые будут использованы для процесса создания объекта и отражаться по Дебету 08 и Кредиту 60 [7], а остальные запасы, соответственно, подлежат признанию в учете: Дебет 10 Кредит 60.

Традиционная в настоящее время запись по использованию МПЗ при строительстве (сооружении, изготовлении) объекта основных средств (Дебет 08 Кредит 10) в соответствии с проектом ФСБУ может использоваться лишь при переквалификации активов из запасов в основные средства.

Также планируемый к введению в действие нормативный акт приводит перечень технологических операций, относящихся к созданию и улучшению основных средств, в который включены: 1) строительство, сооружение, изготовление основных средств; 2) подготовка территории под строительство основных средств, включая снос расположенных на ней сооружений (за исключением сноса объектов, признававшихся ранее активами организации); 3) подготовка необходимой рабочей и технической документации (архитектурных проектов, технических заключений, разрешений и др.); 4) содержание службы заказчика, застройщика; 5) монтаж, установка основных средств; 6) достройка, доработка, дооборудование, модернизация, реконструкция, ремонт, техобслуживание, техосмотр и иные аналогичные мероприятия с основным средством, улучшающие его функциональные качества или обеспечивающие

возможность его использования на следующий продолжительный период; 7) доставка и приведение основного средства в место и состояние, в котором оно подлежит использованию исходя из намерений организации; 8) проверка надлежащего функционирования (тестирование) основного средства с целью ввода его в эксплуатацию. [13] Перечень данных операций логичен и обоснован, за исключением шестого пункта, к которому отнесен ремонт, техобслуживание, техосмотр и тому подобные процедуры, которые предоставляют возможность использовать объект в продолжительный период.

Согласно нынешнему законодательству, затраты на текущий ремонт и техобслуживание признаются текущими затратами периода, включаемыми в расходы по обычным видам деятельности. Несмотря на то, что техобслуживание и текущий ремонт позволяют использовать объект в течение актуального периода времени, указанные процедуры не улучшают ранее принятых характеристик использования объекта и, по нашему мнению, не должны приводить к удорожанию объекта. В случае дорогостоящего ремонта, на наш взгляд, более оптимальной является процедура резервирования расходов (данный порядок ранее применялся в соответствии с отмененной редакцией Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности (Приказ Минфина 34н от 29.07.1998г.)). Тем не менее, при принятии Проекта ФСБУ именно в данной редакции порядок бухгалтерских записей по ремонту основных средств подлежит пересмотру в сторону отражения затрат по дебету счета 08, по аналогии с реконструкцией и модернизацией.

Проект стандарта уточняет, что затраты по приобретению, созданию и улучшению свойств основных средств подлежат включению в их себестоимости при выполнении условий признания затрат, к которым относятся: 1) наличие высокой вероятности, что понесенные затраты обеспечат хозяйствующему субъекту получение будущих экономических выгод в течение продолжительного периода; 2) имеется возможность надежной оценки суммы затрат. [13]

Состав затрат, формирующих себестоимость основного средства согласно проекту ФСБУ включает следующие статьи: 1) стоимость приобретенных у других лиц объектов готовых, незавершенных основных средств и имущества, используемого в целях создания основных средств; 2) стоимость работ, услуг, имущественных прав, приобретаемых на возмездной основе у контрагентов в целях получения основных средств; 3) балансовая стоимость иных активов хозяйствующего субъекта, в частности, запасов, используемых в процессе получения основных средств; 4) амортизация внеоборотных активов, с помощью которых осуществляется процесс получения основных средств; 5) заработная плата и иные вознаграждения работникам организации, занятых в процессе получения основных средств вместе с обязательными социальными платежами (взносами) на обязательное социальное, пенсионное и медицинское страхование, а также оценочные обязательства по оплате труда; 6) долговые затраты в предусмотренных бухгалтерским законодательством случаях; 7) суммы невозмещаемых налогов, сборов, пошлин и других обязательных платежей, осуществляемых для получения основных средств; 8) прочие затраты, возникающие непосредственно в связи с получением основных средств. [13]

Состав затрат, формирующих себестоимость основного средства, практически аналогичен перечню затрат, включаемых в первоначальную стоимость основных средств, в соответствии с действующей редакцией ПБУ 6/01, за исключением оценочных обязательств, возникающих в связи с использованием труда работников. При этом с 2010 года действует ПБУ 8/2010, согласно которому в учете и отчетности подлежат признанию оценочные обязательства, в том числе включаемые в стоимость активов при удовлетворении критериям, прописанным данным ПБУ.

В случае если условиями договора приобретения имущества, либо выполнения работ, услуг, связанных с поступлением основных средств, предусмотрено предоставление премий, скидок и иных поощрений, то стоимость этого имущества, работ и услуг определяется с учетом данных корректировок. [13]

Также, если условиями договора приобретения имущества, работ, услуг, связанных с поступлением основных средств, предусмотрено предоставление отсрочки платежа на превышающий 12 месяцев период, а также установленный в учетной политике организации меньший срок, стоимость приобретаемого имущества формируется исходя из стоимости, которую организация должна была бы заплатить при отсутствии отсрочки (рассрочки). Данная стоимость, как правило, будет меньше договорной, подлежащей уплате фактически. Разница между суммой подлежащих уплате платежей по условиям договора и приведенной суммой платежей подлежит учету в порядке, предусмотренном для учета процентов по займам и кредитам, то есть в соответствии с действующим ПБУ 15/08 подлежит отнесению на прочие расходы (счет 91-2), в случае осуществления долговых затрат после принятия основного средства к учету.

Если расчет за приобретаемое имущество, работы, услуги, формирующие либо участвующие в создании основного средства, производится неденежными средствами, то стоимость поступивших активов определяется как рыночная стоимость передаваемых активов. Когда отсутствует возможность определения рыночной стоимости имущества переданного, определяется рыночная стоимость имущества получаемого, по которой и приходится объект основных средств. А в случае, если невозможно определить ни рыночную стоимость переданного, ни рыночную стоимость полученного имущества, то по неденежным договорам оприходование объекта отражается по балансовой стоимости списываемых активов, работ или услуг с учетом затрат на осуществление сделки. [13]

Стоимость объектов основных средств, которые получает хозяйственное общество от учредителей или акционеров определяется как рыночная стоимость данных объектов. А если рыночную стоимость данных основных средств невозможно определить, то актив не подлежит признанию, так как не выполняются критерии его признания в соответствии с пунктом 10 Проекта ФСБУ. [13]

По результатам рассмотрения способов оценки основных средств в результате различных способов их поступления выявлено много аналогичных

действующему ПБУ 6/01 моментов. Однако особый порядок проектом стандарта «Основные средства» прописан в отношении учета материальных ценностей, которые были получены в ходе тестирования основного средства.

Если таковые МПЗ, которые хозяйствующий субъект имеет возможность применить, в том числе путем их продажи, получены при проверке надлежащего функционирования объекта, то затраты на осуществление тестирования включаются в себестоимость основного средства за минусом расчетной стоимости полученной продукции, вторсырья и т.п. Расчетная стоимость в данном случае формируется в размере рыночной стоимости, чистой стоимости продажи, стоимости аналогичных ценностей исходя из имеющейся у хозяйствующего субъекта информации. При этом расчетная стоимость не может превышать фактических затрат на проведение испытаний объектов. Если до момента начала начисления амортизации организация продаст ценности, полученные в результате испытания объекта, то его стоимость будет включать сумму прибыли (убытка), полученных от продажи этих ТМЦ (выручка, уменьшенная на расчетную стоимость ценностей и расходы на продажу). Действующие Положения по бухгалтерскому учету обходили данный вопрос стороной, соответственно, как правило, в первоначальную стоимость основных средств включались все затраты, связанные с испытанием объекта, но его стоимость не уменьшалась на расчетную стоимость полученных в результате испытаний ТМЦ, следовательно логичным вариантом оприходование данных ТМЦ в соответствии с действующим законодательством является их оприходование в результате инвентаризации с отнесением рыночной стоимости на прочие доходы (Дебет 43, 10 Кредит 91-1).

В случае возникновения затрат, связанных с поступлением нескольких основных средств данные затраты подлежат распределению между инвентарными объектами пропорционально выбранным базам распределения. Распределение может производиться и иным рациональным способом, установленным субъектом. Указанная норма является логичной и обоснованной, которой недоставало в действующем ПБУ 6/01.

В случае если организация производит переквалификацию иных активов в основные средства, их себестоимостью по проекту ФСБУ выступает балансовая стоимость последних на дату переквалификации.

Особого внимания и определенной критики заслуживает перечень затрат, не подлежащих включению в себестоимость основного средства, прописанный в пункте 24 Проекта стандарта. В него, в частности, включены: 1) косвенные налоги (НДС, акцизы и др.), если в соответствии с законодательством они могут быть приняты к налоговому вычету); 2) затраты на текущее обеспечение эксплуатации основных средств, поддержание их в рабочем состоянии; 3) затраты на плановые ремонты основных средств, повторяющиеся через непродолжительные периоды; 4) затраты на внеплановые ремонты основных средств, обусловленные поломками, авариями, дефектами, ненадлежащей эксплуатацией, в той степени, в которой такие ремонты восстанавливают функциональные качества и сроки использования основных средств, но не улучшают и не продлевают их; 5) затраты, обусловленные ненадлежащей организацией процесса получения основных средств, такие как сверхнормативный расход сырья, материалов, энергии, труда, потери от простоев (за исключением обусловленных технологическими особенностями процесса создания основных средств), аварий, брака, нарушений трудовой и технологической дисциплины, чрезвычайных ситуаций; 6) затраты, которые не могут быть непосредственно соотнесены с получением основных средств, такие как общехозяйственные расходы; 7) затраты на организацию торжественных, публичных, презентационных мероприятий по открытию новых производств, по продвижению новых продуктов или услуг, включая затраты на рекламу, пресс-конференции, выставки и пр.; 8) затраты, связанные с организацией хозяйственной деятельности в новом месте или с новой категорией клиентов; 9) затраты на перемещение, удаление или ликвидацию ранее эксплуатировавшихся основных средств или других активов организации, независимо от того, является ли такое перемещение, удаление или ликвидация необходимым для получения новых основных средств; 10) затраты на реорганизацию деятельности; 11)

затраты на обучение персонала; 12) иные затраты, не соответствующие условиям признания основных средств. [13]

Некоторые составляющие данного перечня являются весьма традиционными для отечественной практики, в частности затраты, указанные в пунктах 1, 6, 7, 8, 10, 11, 12. А вот норма, которая прописывает невключение затрат на плановые и внеплановые ремонты объектов противоречит подпункту "е" пункта 14 Проекта ФСБУ, согласно которому к созданию и улучшению основных средств относятся ремонт, техобслуживание, техосмотр и иные аналогичные мероприятия с основным средством, обеспечивающие возможность его использования на следующий продолжительный период. При осуществлении ремонта, техобслуживания и техосмотра организация так или иначе несет затраты, которые подлежат учету и с одной стороны формируют себестоимость объекта, а с другой стороны не включаются в себестоимость. При утверждении окончательной редакции данного бухгалтерского стандарта рекомендуется исключить данное разночтение и исключить из операций, связанных с поступлением основных средств проведение техосмотра, техобслуживания и ремонта.

Также дискуссионной может быть признана норма Проекта, согласно которой не включаются в себестоимость основного средства такие затраты, как сверхнормативные расходы сырья, материалов, энергии, труда и т.п. Оппонирующей к данной норме является пункт 17 действующего ПБУ 10/99, согласно которому расходы подлежат признанию в бухгалтерском учете независимо от формы осуществления расхода и от того, как данные расходы признаются в целях налогообложения. [9] То есть по действующему законодательству в основу формирования себестоимости положены фактические данные о произведенных расходах, включая некомпенсируемые виновниками потери от брака, независимо от норм, которые могут быть и не установлены.

Также, по нашему мнению, следует отнести к фактическим затратам, связанным с поступлением объекта основных средств затраты на перемещение, удаление или ликвидацию ранее эксплуатировавшихся основных средств или

других активов организации, если такое перемещение, удаление или ликвидация необходимым для получения новых основных средств. В случае их непризнания в себестоимости актива, последние подлежат отнесению на текущие расходы организации, снижая тем самым отчетную прибыль (увеличивая убыток), в то время как осуществление данных затрат является обязательным при осуществлении инвестиционного проекта при возведении новых основных средств. [12]

Таким образом, рассмотренные в настоящей статье правила первоначальной оценки основных средств (себестоимости объектов при признании) показали ряд отличий от действующих правил бухгалтерского учета и дискуссионность некоторых предлагаемых к введению норм. При обсуждении Проекта ФСБУ "Основные средства" рекомендуется учесть сформулированные в настоящей статье замечания и в случае их игнорирования обосновать правильность формирования ряда норм, чтобы себестоимость основных средств при признании в достоверной сумме отражала данные о производственном потенциале хозяйствующего субъекта и была объективна с точки зрения оценки финансового положения.

Литература

1. Абдалова Е. Б. Оценка основных средств в учетно-информационной системе организаций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. Санкт-Петербург, 2008

2. Боронина Э. С. Совершенствование процедур бухгалтерской оценки основных средств в учетно-информационной системе организаций. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Новосибирский государственный университет экономики и управления. Новосибирск, 2011

3. Дружиловская Э. С. Совершенствование методики бухгалтерской оценки основных средств // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 32. С. 8-17.

4. Дружиловская Э. С. Методика оценки основных средств в бухгалтерском учете // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2-1. С. 262-269.

5. Информационное сообщение о круглом столе «Изменения порядка бухгалтерского учета основных средств» [Электронный ресурс] — режим доступа: <http://minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/basics/>

6. Куликова Л. И. Основные средства: признание и оценка в соответствии с МСФО // Бухгалтерский учет. 2012. № 7. С. 15-19.

7. Методические указания по бухгалтерскому учету основных средств [Электронный ресурс]: Приказ Минфина РФ от 13.10.2003 N 91н — режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Моргунова Т. А. Оценка стоимости основных средств // Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2005. Т. 1. С. 82-84.

9. Положение по бухгалтерскому учету "Расходы организации" (ПБУ 10/99) [Электронный ресурс]: Приказ Минфина России от 06.05.1999 N 33н — режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Положение по бухгалтерскому учету "Учет основных средств" (ПБУ 6/01) [Электронный ресурс]: Приказ Минфина РФ от 30.03.2001 N 26н — режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. Попов А. Ю. Концепции последующей оценки основных средств // Вестник ВСГУТУ. 2015. № 5. С. 109-114.

12. Попов А. Ю. Особенности нормативно-правового регулирования бухгалтерского учета инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 25 (328). С. 46-55.

13. Проект приказа Минфина России «Об утверждении программы разработки федеральных стандартов бухгалтерского учета на 2016-2018 гг.» [Электронный ресурс] — режим доступа: <http://minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/projects/>

14. Проект федерального стандарта бухгалтерского учета «Основные средства» [Электронный ресурс] — режим доступа: http://bmcenter.ru/Files/proekt_FSBU_Osnovniye_sredstva

15. Супроткина В. И. Оценка и переоценка основных средств // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2010. — № 19. — С. 7-9.

References

1. Abdalova E.B. Ocenka osnovnyh sredstv v uchetno-informacionnoj sisteme organizacij. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata jekonomicheskikh nauk / Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i finansov. Sankt-Peterburg, 2008 (*in Russian*)

2. Boronina Je.S. Sovershenstvovanie procedur buhgalterskoj ocenki osnovnyh sredstv v uchetno-informacionnoj sisteme organizacij. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata jekonomicheskikh nauk / Novosibirskij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i upravlenija. Novosibirsk, 2011 (*in Russian*)

3. Druzhilovskaja Je.S. Sovershenstvovanie metodiki buhgalterskoj ocenki osnovnyh sredstv // Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet. 2012. № 32. p. 8-17. (*in Russian*)

4. Druzhilovskaja Je.S. Metodika ocenki osnovnyh sredstv v buhgalterskom uchete // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 2-1. p. 262-269. (*in Russian*)

5. Informacionnoe soobshhenie o kruglom stole «Izmeneniya porjadka buhgalterskogo ucheta osnovnyh sredstv» [Elektronnyj resurs] — rezhim dostupa: <http://minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/basics/> (*in Russian*)

6. Kulikova L.I. Osnovnye sredstva: priznanie i ocenka v sootvetstvii s MSFO // Buhgalterskij uchet. 2012. № 7. p. 15-19. (*in Russian*)

7. Metodicheskie ukazaniya po buhgalterskomu uchetu osnovnyh sredstv [Elektronnyj resurs]: Prikaz Minfina RF ot 13.10.2003 N 91n — rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>. (*in Russian*)

8. Morgunova T.A. Ocenka stoimosti osnovnyh sredstv // Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika i upravlenie. 2005. T. 1. p. 82-84. (*in Russian*)

9. Polozhenie po buhgalterskomu uchetu "Rashody organizacii" (PBU 10/99) [Elektronnyj resurs]: Prikaz Minfina Rossii ot 06.05.1999 N 33n — rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>. (*in Russian*)

10. Polozhenie po buhgalterskomu uchetu "Uchet osnovnyh sredstv" (PBU 6/01) [Elektronnyj resurs]: Prikaz Minfina RF ot 30.03.2001 N 26n — rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru>. (*in Russian*)

11. Popov A.Ju. Konceptii posledujushhej ocenki osnovnyh sredstv // Vestnik VSGUTU. 2015. № 5. p. 109-114. (*in Russian*)

12. Popov A.Ju. Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya buhgalterskogo ucheta investicionnoj dejatel'nosti v forme kapital'nyh vlozhenij // Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika. 2013. № 25 (328). p. 46-55. (*in Russian*)

13. Proekt prikaza Minfina Rossii «Ob utverzhdenii programmy razrabotki federal'nyh standartov buhgalterskogo ucheta na 2016-2018 gg.» [Elektronnyj resurs] — rezhim dostupa: <http://minfin.ru/ru/performance/accounting/accounting/projects/> (*in Russian*)

14. Proekt federal'nogo standarta buhgalterskogo ucheta «Osnovnye sredstva» [Elektronnyj resurs] — rezhim dostupa: http://bmcenter.ru/Files/proekt_FSBU_Osnovniye_sredstva (*in Russian*)

15. Suprotkina V.I. Ocenka i pereocenka osnovnyh sredstv // Buhgalterskij uchet v bjudzhetnyh i nekommercheskih organizacijah. 2010. № 19. p. 7-9. (*in Russian*)

УДК. 330.332

Статья подготовлена в Институте социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН в рамках НИР «Проблемы демографического и социально-экономического развития Южного макрорегиона» (№ государственной регистрации АААА-А16-116012610047-9)

Павлов Константин Викторович

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой экономики и управления,

Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, г. Ижевск
kvp_ruk@mail.ru

Митрофанова Инна Васильевна

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований

Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград
mitrofanova@volsu.ru

ПРОЦЕССЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РЕГИОНА: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

В статье подчеркивается, что разработка малоотходных технологий должна осуществляться с учетом региональных особенностей, а важнейшим аспектом развития инновационной экологии (как актуального направления развития региональной инновационной системы) является разработка и использование интенсивных методов ведения хозяйственной деятельности. Важнейшей задачей инновационной экологии в обозримом будущем должна стать разработка технологий, позволяющих обеспечить замкнутость антропогенного круговорота веществ, тем самым приблизив его в идеале к природному круговороту веществ. Авторы считают, что, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации или экстенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько подгрупп, соответствующих разным направлениям интенсификации, в соответствии

с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики региона (округа, страны).

В статье описана оригинальная методика, позволяющая определять не только эффективность интенсификации на основе сравнения эффектов экстенсификации и интенсификации, но и оценивать эффективность различных направлений интенсификации регионального производственного комплекса.

Ключевые слова: региональный хозяйственный комплекс, инновации, инновационная экология, малоотходная технология, социально-экономическая эффективность, экстенсивные факторы, интенсификация производства.

Jel classification code: O 018

Konstantin V. Pavlov

Doctor of Economics, Professor,

Head Department of Economics and Management,

Kamsky Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Izhevsk

kvp_ruk@mail.ru

Inna V. Mitrofanova

Doctor of Science (Economics), Leading Scientific Researcher
of the Institute of the Social, Economic and Humanitarian Researches

of the South Scientific Center of RAS; Rostov-on-Don;

Professor, Department of World and Regional Economy,

Volgograd State University, Volgograd

mitrofanova@volsu.ru

PROCESSES OF THE INTENSIFICATION IN THE ECONOMIC COMPLEX OF THE REGION: UPDATING OF APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF ECONOMIC EFFICIENCY

In article it is emphasized that development of low-waste technologies has to be carried out taking into account regional features, and the most important aspect of development of innovative ecology (as actual direction of development of regional innovative system) is development and use of intensive methods of conducting economic activity. Development of the technologies allowing to provide isolation of anthropogenous circulation of substances thereby has to become the most important problem of innovative ecology in the near future having brought closer it ideally to natural circulation of substances. Authors consider that, except allocation of two

groups of the investments and innovations promoting an intensification or an ekstensifikation in the first group it is expedient to allocate several subgroups corresponding to the different directions of an intensification according to regional, branch and structural specifics of economy of the region (districts, the countries).

In article the original technique allowing to define not only efficiency of an intensification on the basis of comparison of effects of an ekstensifikation and an intensification, but also to estimate efficiency of various directions of an intensification of regional industrial complex is described.

Keywords: regional economic complex, innovations, innovative ecology, low-waste technology, social and economic efficiency, extensive factors, production intensification

Jel classification code: O 018

Опыт стран с развитой рыночной экономикой свидетельствует о том, что в последнее время инновации стали основой повышения конкурентоспособности этих стран, а также базовым элементом их общественной структуры. По оценкам, доля инновационно-информационного сектора за последние годы многократно возросла и составляет в развитых государствах 45–65% [6], он стал важнейшей основой, генерирующей современное социально-экономические развитие, ключевым фактором динамики и роста экономики развитых стран.

Именно наличие развитого инновационно-информационного сектора во многом определяет сегодня главное отличие передовых государств от стран третьего мира. Возросшая роль инноваций в жизнедеятельности современного общества способствовала становлению неэкономике, экономики знаний, инновационной экономики как нового направления современной экономической науки.

Основы теории инновации были заложены в XX веке такими крупными учеными, как Й. Шумпетер, Ф. Бродель, Г. Менш, С. Кузнец, Н. Кондратьев, П. Сорокин и др. В научный оборот понятие «инновация» как новую экономическую категорию ввел Й. Шумпетер, который под инновациями

понимал изменения с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных, транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности [8]. Очевидно, что в настоящее время знания, информация стали важнейшим элементом производительных сил, производительным ресурсом, по масштабам сопоставимым или даже превосходящим традиционные ресурсы: природные, трудовые, материальные и даже капитальные.

Инновационный процесс представляет собой совокупность научно-технических, технологических и организационных изменений, происходящих в процессе создания и реализации нововведений, при этом критериальной характеристикой инновационного процесса выступает внедрение новшества в качестве получения конечного результата, реализованного в производстве [7]. Таким образом, инновация — это продукт научно-технического прогресса, результат творческой деятельности коллектива, направленный на совершенствование существующей системы и имеющий практическую реализацию.

Для инноваций характерны следующие обязательные свойства: научно-техническая новизна; производственная применимость и коммерческая реализуемость. Объектами инноваций могут быть материалы, продукты, технологии, средства производства, люди и межчеловеческие отношения, социальная среда, а также организация и ее подразделения. Учитывая возросшую роль инноваций в жизни современного общества, в последнее время стала интенсивно развиваться теория инновационной экономики.

К наиболее важным аспектам исследования инвестиционной деятельности следует отнести разработку методологических и методических основ анализа инновационной деятельности и определение специфических характеристик инновационного процесса, эффективное применение механизмов государственной социально-экономической политики, в том числе в отношении процессов формирования национальной и региональных инновационных

систем, а также разработку методов продвижения различных инноваций на всевозможных рынках.

Большие возможности и перспективы, на наш взгляд, имеют исследования в области инновационной экологии, использования инноваций в природоохранной деятельности и в процессе создания условий равновесия с окружающей средой, определения эффективности инновационной деятельности в экологической сфере. Более того, в национальной и региональных инновационных системах обязательно должны быть экологические подсистемы. Финансово-экономические методы и механизмы широко используются в системе государственного и муниципального регулирования экологических процессов. В практическом аспекте развитие такого исследовательского направления, как инновационная экология, позволит разработать систему эффективных мер и мероприятий, нацеленных на модернизацию и инновационное развитие экологических систем, особенно природоохранных систем интенсивного типа. Это обусловлено тем обстоятельством, что инновационная экология может стать основой осуществления экологической модернизации, что крайне актуально в настоящее время для оптимального развития российского общества.

В современных условиях инновационный процесс имеет особое значение, т. к. традиционные формы использования хозяйственных ресурсов весьма ограничены, в связи с чем обеспечение роста экономики уже в обозримом будущем в прежнем режиме является весьма проблематичным. Расширенное воспроизводство на основе использования инновационных факторов требует решения сложнейших социально-экономических проблем, таких, как: использование интенсивных методов хозяйствования в системе национальной экономики; серийное и массовое использование достижений НТП, в том числе в сфере nanoиндустрии; повышение социально-экономической эффективности системы общественного воспроизводства на основе обеспечения ускорения использования инновационных процессов; реализация рыночных методов и принципов хозяйствования на основе действия законов спроса и предложения во

всех сферах народнохозяйственного комплекса; обострение экологических проблем и усложнение осуществления природоохранной деятельности [8; 14].

Важнейшей задачей инновационной экологии в обозримом будущем должна стать разработка технологий, позволяющих обеспечить замкнутость антропогенного круговорота веществ, тем самым приблизив его в идеале к природному круговороту веществ. Достижение полной безотходности нереально, так как все это противоречит второму началу термодинамики и поэтому речь идет в основном о создании и использовании малоотходных технологий, под которыми понимается такой способ производства, который обеспечивает максимально эффективное использование сырья и энергии, с минимумом отходов и потерь энергии [13]. При этом одним из важнейших условий малоотходной технологии является рециркуляция, сущность которой заключается в повторном использовании материальных ресурсов, что позволит экономить сырье и энергию и, тем самым, уменьшить образование отходов.

Малоотходная технология основывается на использовании комплекса мероприятий по сокращению до минимума количества вредных отходов и уменьшения их воздействия на окружающую среду. К этим мероприятиям относятся следующие: создание принципиально новых производственных процессов, позволяющих исключить или сократить технологические стадии, на которых происходит образование отходов; разработка бессточных технологических систем и водооборотных циклов на основе очистки сточных вод; создание и выпуск новых видов продукции с учетом требований повторного ее использования; разработка систем переработки отходов производства во вторичные материальные ресурсы [1; 10].

Разработка малоотходных технологий должна осуществляться с учетом региональных особенностей. Еще одним важнейшим аспектом развития инновационной экологии является разработка и использование интенсивных методов ведения хозяйственной деятельности.

Развитие российской экономики до последнего времени преимущественно было связано с использованием экстенсивных факторов (недозагруженными

мощностями и незанятой рабочей силой, а также внешней конъюнктурой). Однако ускорение социально-экономического развития, намечаемое на ближайшее десятилетие, не может основываться на ограниченных по своим возможностям экстенсивных факторах. Необходимо использовать качественно новый физический и человеческий капитал, а также результаты благоприятных условий хозяйствования. Чтобы ускорить экономический рост и придать ему новое качество, необходим поиск новых, устойчивых источников развития и активизация процесса интенсификации производства [2; 8].

Актуальность перехода на интенсивный способ хозяйствования определяется также и тем, что в трудные годы экономического спада проблемам интенсификации не придавалось должного значения. Сегодня интенсификация предполагает вовлечение в общественное производство всего имеющегося потенциала страны и ее регионов, его более рациональное его использования.

Процесс интенсификации является материальной основой роста эффективности общественного производства. Низкий уровень и незначительные темпы интенсификации производства являются одними из важнейших причин глубокого кризиса, в котором сравнительно недавно оказалась российская экономика. Если вспомнить начало перестройки советского общества, то необходимость реформ тогда обуславливалась потребностью резкого увеличения эффективности общественного производства на основе внедрения наиболее прогрессивных форм научно-технического прогресса (НТП), являющегося, как известно, важнейшим фактором интенсификации, тогда как в действительности темпы НТП были весьма низкими и не соответствовали потребностям практики. Однако, при переходе к рыночным отношениям темпы процесса интенсификации значительно снизились и результат получился прямо противоположный: не только не произошло дальнейшего усиления интенсивного характера производства, но и без того невысокий уровень интенсификации существенно снизился. Это обстоятельство со всей очевидностью свидетельствует об увеличении отставания технического уровня предприятий российской экономики от технооснащенности аналогичных предприятий в развитых капиталистических странах, т. е.

об увеличении отставания технологического уровня российских предприятий от мирового уровня [1; 2; 14].

Как известно, в последнее время всё больше внимания уделяется вопросам формирования в России инновационной экономики, что совершенно справедливо, т. к. это позволит уменьшить зависимость уровня и темпов социально-экономического развития страны от получаемых доходов вследствие экспорта сырьевых ресурсов. Важно также и то, что в результате этого улучшится имидж России, которую пока ещё нередко отождествляют с сырьевым придатком капиталистического мира. Весь мировой опыт свидетельствует о том, что рост инвестиций в инновационные сферы экономики способствует ускоренному развитию хозяйственного комплекса страны и повышению среднего уровня жизни.

Но в каждом конкретном случае инвестирование в инновационные сектора далеко не всегда способствует росту прибыли и доходов. Так, в фундаментальной науке известно немало случаев, когда вложение средств не только не окупалось, но и приводило к негативным результатам. Кстати, руководство России в последнее время нередко критикует различные ведомства и организации в связи с тем, что существенные инвестиции в создание нанотехнологий пока ещё не дают ожидаемого результата. Поэтому, на наш взгляд, совершенно справедлива постановка вопроса о том, насколько эффективны те или иные инвестиции и инновации [8; 11].

Однако в современных условиях этого не достаточно и, кроме осуществления социально-экономической оценки эффективности инвестиций и инноваций, необходимо оценивать последствия внедрения инвестиций и инноваций с точки зрения их влияния на усиление процессов интенсификации общественного воспроизводства. Предлагается выделять инвестиции и инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации.

Важно также в общей структуре инвестиций и инноваций выделять удельный вес, долю каждой из этих двух групп. Целесообразность осуществления такого рода классификации инвестиций и инноваций во многом объясняется тем обстоятельством, что в последнее время существенно возросла актуальность использования интенсивных методов хозяйствования. Прежде всего, это связано с демографическим кризисом последних лет — как известно, на 1000 жителей России умерших сейчас приходится в 1,5 раз больше, чем родившихся (приблизительно 15 человек против 10). В этой связи осуществление мероприятий трудосберегающего направления интенсификации представляется весьма своевременным и эффективным [6; 8; 14].

В других странах могут быть актуальными и иные направления интенсификации. Так, например, в среднеазиатских странах СНГ — Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Киргизии — исключительно важным являются водосберегающее направление интенсификации общественного производства. В Японии, где сравнительно немного крупных месторождений природных ресурсов, весьма актуально материалосберегающее направление интенсификации, здесь же в связи с крайне ограниченным характером земельных ресурсов большое значение имеет также землесберегающее направление интенсификации. В большинстве стран мира весьма актуально энерго- и фондосберегающее направления [5; 8; 11].

Более того, даже в разных регионах одной и той же страны актуальными могут быть разные направления интенсификации: на Дальнем Востоке и на Севере России большое значение по-прежнему (т. е. как и во времена социалистической экономики) имеет трудосберегающее направление, в старопромышленных регионах Урала — в Свердловской области, Удмуртской Республике, Челябинской области — крайне актуально фондосберегающее направление интенсификации. В субъектах Южного федерального округа, где основу хозяйственного комплекса составляют промышленность, АПК, обрабатывающие производства (табл.), эффективно осуществление мероприятий фондо- и материалосберегающего направления [8; 17].

Основные виды экономической деятельности и важнейшие отрасли специализации субъектов ЮФО

Субъект ЮФО	Тип региона*	Основные ВЭД	Отрасли специализации
Краснодарский край	регион — локомотив роста, центр федерального значения	промышленность, строительство, ТЭК, информационные и коммуникационные технологии	АПК, транспортный, курортно-рекреационный и туристический комплексы
Ростовская область	опорный старопромышленный регион	обрабатывающие производства, оптовая и розничная торговля, сельское хозяйство, транспорт и связь	АПК, черная металлургия, транспортное и сельскохозяйственное машиностроение, легкая промышленность, торговля
Волгоградская область	опорный старопромышленный регион	обрабатывающее производство, торговля, сельское хозяйство, транспорт и связь, предоставление рыночных услуг	Черная металлургия, тракторное машиностроение, нефтеперерабатывающая, химическая промышленность, сельское хозяйство
Астраханская область	депрессивный фоновый	добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, строительство, транспорт и связь, оптовая и розничная торговля	газодобывающая, химическая и нефтеперерабатывающая промышленность, судостроение, транспортный комплекс
Республика Калмыкия	депрессивный кризисный	сельское хозяйство, транспорт и связь, оптовая и розничная торговля	сельское хозяйство (отгонно-пастбищное скотоводство (тонкорунное овцеводство), разведение крупного рогатого скота)
Республика Адыгея	депрессивный кризисный	сельское и лесное хозяйство, обрабатывающее производство, торговля	производство продукции АПК, лесопромышленного комплексов и машиностроения

* Согласно типологии субъектов РФ, предложенной Министерством регионального развития РФ.

Таким образом, кроме выделения двух групп инвестиций и инноваций, способствующих интенсификации или экстенсификации, в первой группе целесообразно выделить несколько подгрупп, соответствующих разным

направлениям интенсификации: трудо -, фондо -, материалосберегающему и т. д., в соответствии с региональной, отраслевой и структурной спецификой экономики региона (округа, страны).

Напомним, что говоря о процессах экстенсификации и интенсификации, имеются в виду два принципиально различающихся способа достижения производственной цели. При одном происходит количественное увеличение использования ресурса, при втором на единицу выпуска продукции при решении производственной задачи экономится ресурс. Целесообразно определять интенсификацию производства как реализацию мероприятий, имеющих своим результатом экономию стоимости совокупности применяемых ресурсов. Ресурсосберегающим направлением интенсификации производства является реализация мероприятий, в результате которых экономится ресурс, например, живой труд. Предложенный подход понимания процесса интенсификации позволяет говорить и об интенсификации производства, и об интенсификации использования отдельных факторов производства, не отождествляя эти понятия [1; 3; 6; 8].

Таким образом, если существующую функциональную зависимость между экономическим результатом (\mathcal{E}) от использования какого-либо ресурса (P) представить в виде $\mathcal{E} = f \times (P)$, то в случае экстенсивного использования ресурса его увеличение приведёт к пропорциональному росту экономического эффекта, тогда как при интенсивном использовании ресурса его увеличение приведёт к большему росту эффекта.

Иначе говоря, если имеем два значения ресурса P_1 и P_2 , причём $P_2 = n \times P_1$ (n — коэффициент пропорциональности), то в случае экстенсивного использования ресурса: $\mathcal{E}_2 = n \times \mathcal{E}_1$, а в случае интенсивного использования: $\mathcal{E}_2 > n \times \mathcal{E}_1$.

Интенсивное использование ресурса (труда, фондов, материалов, воды и пр.) обусловлено ростом ресурсоотдачи (производительности труда, фондоотдачи, материалоотдачи и т.д.), с учетом того, что в данной функциональной зависимости следует учитывать временной лаг.

Оценить, относится ли тот или иной инвестиционный ресурс к экстенсивному и интенсивному типу, можно на основе оценки таких показателей, как капиталододача (капиталоёмкость) и фондоододача (фондоёмкость), с учетом эффекта мультипликатора. Напомним, что в соответствии с макроэкономическим подходом объём национального дохода страны находится в определённой количественной зависимости от общей суммы инвестиций и эту связь выражает особый коэффициент — мультипликатор, причём увеличение национального дохода равно приращению общей суммы инвестиций, помноженному на мультипликатор (обычно мультипликатор обозначают буквой K).

Для количественной оценки экстенсивных и интенсивных инвестиций мультипликатор следует представить в виде суммы двух слагаемых:

$$K = K_{\text{экт}} + K_{\text{инт}} \text{ (ф.1)},$$

где: $K_{\text{экт}}$ — характеризует влияние экстенсивных, $K_{\text{инт}}$ — интенсивных инвестиций на национальный доход.

Обычно в реальной хозяйственной практике используют как экстенсивные, так и интенсивные инвестиции, поэтому, как правило, $\frac{K_{\text{экт}}}{K}$ и $\frac{K_{\text{инт}}}{K} > 0$, но < 1 .

В маргинальных случаях, когда имеет место использование либо только экстенсивных, либо только интенсивных инвестиций (что соответствует классическому экстенсивному или интенсивному способам общественного воспроизводства), $\frac{K_{\text{экт}}}{K}$ либо $\frac{K_{\text{инт}}}{K}$ соответственно = 1, тогда как второе соотношение = 0.

Учитывая, что величина мультипликатора связана с предельной склонностью к потреблению и сбережению, выделение в нем этих двух слагаемых позволит также количественно оценить влияние экстенсивных и интенсивных инвестиций на показатели предельной склонности к потреблению

и сбережению, а, соответственно и определению оптимальных параметров доли потребления — и сбережения в национальном доходе, что имеет большое значение при разработке эффективной стратегии социально-экономического развития, т.к. от этого зависит и средний уровень жизни населения, и темпы технического перевооружения экономики [1; 2; 11; 12].

Кроме общего показателя мультипликатора, характеризующего связь объёма национального дохода с общей суммой инвестиций, необходимо выделять и так называемые частные показатели мультипликатора в соответствии с различными направлениями интенсификации общественного воспроизводства. Это означает, что в общем объёме инвестиций следует выделять те, реализация которых приведёт к более интенсивному использованию определённого вида ресурсов — энергетических, материальных, водных, трудовых и т. д., причём в частных показателях мультипликатора также необходимо выделять два слагаемых, т.е.

$$K_{pi} = K_{pi\text{экст}} + K_{pi\text{инт}} \text{ (ф. 2)},$$

где: K_{pi} — частный мультипликатор для i -го вида ресурсов; $K_{pi\text{экст}}$ — показатель, характеризующий влияние на национальный доход инвестиций, реализующих экстенсивный вариант использования i -го вида ресурсов; $K_{pi\text{инт}}$ — показатель, характеризующий влияние на национальный доход инвестиций, реализующих интенсивный вариант использования i -го вида ресурсов.

Как и в случае общего мультипликатора, для частных показателей мультипликатора величины $\frac{K_{pi\text{экст}}}{K_{pi}}$ и $\frac{K_{pi\text{инт}}}{K_{pi}}$ могут принимать любые значения в интервале от 0 до 1, причём крайние значения этого интервала они принимают, также как и для общего мультипликатора, лишь в случае исключительно экстенсивного (т.е. когда используются только экстенсивные инвестиции), либо исключительно интенсивного (т.е. когда используются только интенсивные инвестиции) способа воспроизводства. Для смешанного же способа воспроизводства (когда используются как экстенсивные, так и интенсивные инвестиции — случая, наиболее часто встречающегося в хозяйственной

практике) рассмотренные выше соотношения обязательно будут принимать значения, больше нуля, но меньше единицы.

При смешанном способе воспроизводства следует уточнять, идёт ли речь о преимущественно экстенсивном (т.е. когда преобладают экстенсивные инвестиции) или же о преимущественно интенсивном (т.е. когда преобладают интенсивные инвестиции) способе воспроизводства.

Говоря об экстенсивном, интенсивном и смешанном типах воспроизводства, всегда следует уточнять, идёт ли речь о воспроизводстве с учётом использования всех ресурсов в целом (и лишь только в этом случае, на наш взгляд, имеет смысл использовать термин «общественное воспроизводство»), либо же речь идёт об экстенсивном, интенсивном и смешанном типах воспроизводства, основанных на использовании лишь определённого вида ресурсов (или же совокупности некоторых, но не всех видов ресурсов). Например, рассматривают же в специальной литературе только воспроизводство населения или воспроизводство основного капитала — всё это подтверждает справедливость предложенного нами подхода.

Учитывая, что инвестиционные ресурсы — особый вид ресурсов, используемых в процессе воспроизводства любого другого вида ресурсов — трудовых, капитальных, материальных, водных, энергетических, природных и т.д., для определения экстенсивных и интенсивных инвестиций, наряду с показателями фондо -, капиталотдачи, целесообразно использовать показатель мультипликатора и его две составляющих. Что касается инноваций, то и здесь, на наш взгляд, следует учитывать те социально-экономические последствия, к которым приводит их внедрение в реальную хозяйственную практику и поэтому, подобно инвестициям, выделять инновации интенсивного или экстенсивного типов в зависимости от того, способствуют ли результаты их внедрения соответственно интенсификации или, наоборот, процессу экстенсификации [1; 2; 4; 7; 12].

Необходимо выделить несколько групп инноваций, соответствующих разным направлениям интенсификации общественного воспроизводства. Это

важно еще и потому, что инновации считаются формой реализации НТП, тогда как сам НТП считается важнейшим фактором интенсификации общественного воспроизводства. Следовательно, инновации вроде как всегда соответствуют процессу интенсификации производства, что, однако, не соответствует действительности — на самом деле инновации могут способствовать как усилению интенсивного характера общественного воспроизводства, так и процессу экстенсификации (например, когда внедряются недостаточно новые инновации или инновации, внедрение которых не способствует экономии какого-либо ресурса).

Выделение инвестиций и инноваций экстенсивного и интенсивного типов важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Процесс интенсификации является важнейшим условием повышения конкурентоспособности национальной экономики, причём в обозримом будущем роль и значение этого процесса в связи с исчерпанием и усложнением условий добычи и эксплуатации ряда важных природных ресурсов ещё более возрастут. Внедрение инвестиций и инноваций интенсивного типа будет способствовать также повышению экономической безопасности страны [11; 15; 16].

Доля интенсивных инвестиций в общей структуре иностранных инвестиций существенно меньше по сравнению с аналогичным показателем в структуре внутренних инвестиций, что в значительной степени объясняется нежеланием Запада технологически усиливать российскую экономику. Сравнивая прямые и портфельные инвестиции, можно констатировать, что в первом случае возможности реализации интенсивных инвестиций существенно выше, чем во втором.

Как известно, в зависимости от выбранной инвестиционной стратегии субъекта хозяйствования, выделяют несколько различных портфелей инвестиций: консервативный портфель, когда предполагается инвестирование в малопродуктивные, но стабильные объекты; доходный портфель, в соответствии с которым инвестиции осуществляются в объекты, гарантированно приносящие

высокие доходы; рисковый портфель, формирование которого связано с осуществлением инвестирования в объекты, приносящие наибольший, но не гарантированный доход.

Целесообразность выбора конкретного портфеля инвестиций в значительной мере определяется отраслевой и региональной спецификой, но в будущем в связи с усложнением условий осуществления общественного воспроизводства значение рискового портфеля как предпосылки роста доли интенсивных инвестиций существенно возрастет. Лишь создание системы эффективных и взаимосвязанных мер и условий хозяйствования на разных уровнях хозяйственной иерархии (макро -, мезо -, микро -) позволит существенно увеличить использование в обозримом будущем в российской экономике интенсивных инноваций и инвестиций, однако приоритетное значение имеет использование комплекса мер государственного регулирования развития хозяйственного комплекса страны [2; 11; 15].

Интенсификация общественного производства является одной из важнейших тенденций развития мировой экономики, что особенно характерно для развитых капиталистических стран. Интенсификация, важнейшим фактором которой является научно-технический прогресс, является обязательным условием и материально-технической основой существенного повышения социально-экономической эффективности и ускорения темпов развития хозяйственного комплекса страны; основа повышения конкурентоспособности отечественной продукции.

В современных условиях именно наукоемкие технологии (роботизация, биотехнология, электронно-вычислительная техника) позволяют достигать высоких стандартов, уровня и качества жизни. Так, Япония, не имеющая масштабных запасов природных ресурсов, стала одной из ведущих держав мира благодаря, прежде всего, эффективному использованию научно-технического потенциала, причем далеко не только своего (как известно, Япония является крупнейшим импортером лицензий). То же самое можно сказать и про другую быстроразвивающуюся страну — Южную Корею.

Значение процесса интенсификации в условиях более возрастающей дефицитности невозпроизводимых природных ресурсов в обозримой перспективе еще более усиливается. Вместе с тем, во многих постсоциалистических странах в последнее время темпы и уровень интенсификации производства все еще недостаточно высоки.

Цель интенсификации производства — повышение эффективности хозяйства [14]. Поэтому важно рассмотреть соотношение категорий «эффективность» и «интенсификация». Некоторые экономисты всецело увязывают интенсификацию с повышением эффективности производства [5]. Так, В. П. Лебедев отмечает: «Всякое изменение производства, ведущее к его развитию и увеличению эффективности, можно рассматривать фактором интенсификации» [16, с. 10]. Другие авторы считают, что эффективность возрастает и при экстенсивном расширении производства. Так, И. А. Тихонов утверждает, что неправомерно сводить интенсивный тип расширенного воспроизводства к более эффективному использованию личных и вещественных факторов производства [15].

А. А. Баранов отмечает, что хотя повышение эффективности производства является целью интенсификации, но нередко интенсивное и эффективное не совпадает во времени. Для подтверждения этой точки зрения можно привести такой пример: наивысший народнохозяйственный эффект нередко достигается не тогда, когда новая машина только вышла из рук своего создателя, а практически уже на стадии интенсивного расширения апробированной техники. Причем нередко к моменту достижения наибольшего эффекта от освоения новой техники она перестает быть наиболее прогрессивной [2]. Таким образом, взаимосвязь интенсификации с эффективностью производства зависит от того, что понимается под последней и каким образом эффективность рассчитывается. Если в приведенном примере при расчете эффекта учитывать все время эксплуатации, то, скорее всего, окажется, что эффективнее процесс интенсификации.

Необходимо рассматривать эффективность и интенсификацию как взаимосвязанные, но, безусловно, различные категории. Уже отмечалось, что исследователи, отождествляющие понятия «эффективность» и «интенсификация», как правило, исходят из положения о возможности расширения производства за счет увеличения объема используемых ресурсов («поле производства») и путем повышения эффективности их использования. Однако, поскольку необходимо различать эффективность использования отдельных ресурсов и эффективность производства в целом, то отождествление категорий «эффективность» и «интенсификация» не вполне правомерно. Хотя интенсификация производства направлена на повышение эффективности, но этого в определенной мере можно добиться и экстенсивным путем, причем в некоторых случаях мы получим больший эффект, чем при интенсивном варианте развития производства [2; 10; 11].

В качестве примера достаточно привести довольно часто встречающееся явление: руководители предприятий нередко предпочитают эксплуатировать давно освоенную, порой низкопроизводительную технику, вместо того, чтобы заботиться о техническом перевооружении производства. Это связано с тем, что для использования нового оборудования нужно переучивать кадры, требуется известный промежуток времени, чтобы выйти на плановую мощность, что приводит порой к ухудшению показателей результативности сравнительно с аналогичными базисными значениями этих показателей.

При отождествлении интенсификации и эффективности производства следовало бы признать, что на протяжении большого периода времени развития советской экономики рост эффективности производства был незначительным, так как преобладали экстенсивные методы ведения хозяйства (а по оценкам ряда исследователей преобладали и в последнее время). С этим вряд ли можно согласиться, причем независимо от того, как понимать эффективность — как оценку способа реализации основного экономического закона или как соотношение результата и затрат. Ведь даже во втором случае возможность существенного увеличения ресурса, скажем, капитальных вложений, привело к

изменению нормативного коэффициента эффективности, что непосредственно повлияло бы и на саму оценку эффективности (в соответствии с положениями теории эффективности капитальных вложений).

Важно учесть и то, что если под интенсификацией понимать один из возможных способов достижения определенного результата, то в этом случае вопрос о значимости этого результата, необходимости его обществу может быть рассмотрен лишь при исследовании эффективности производства. Например, производство на предприятии может вестись исключительно интенсивными методами (наиболее производительное оборудование, оптимальная организация производства и т. п.), но результатом его может быть морально устаревшая продукция.

Признать такое производство эффективным вряд ли можно. Более того, сравнительно с рассмотренным вариантом более эффективным был бы вариант, когда производство велось преимущественно экстенсивными методами, но при этом производилась отвечающая стандартам продукция. В связи с этим не только не следует отождествлять категории «эффективность» и «интенсификация», вполне правомерно определять эффективность самой интенсификации производства, так как возможны случаи, когда интенсификация неэффективна.

Р. М. Меркин, О. Г. Соловьева считают, что четкое разграничение понятий эффективность и интенсификация производства позволит выявить свойственные этим категориям измерители, при этом очень важной остается задача оценки эффективности процесса интенсификации. Это тем более необходимо в связи с тем, что для строительства, например, нередки случаи неэффективной интенсификации производства (например, чрезмерная концентрация ресурсов для ускорения строительства и др.) [10].

В середине 60-х гг. ряд ученых, занимающихся вопросами экономики сельского хозяйства, считали, что производство ведется интенсивными методами лишь тогда, когда происходит рост удельных затрат, т.е. под интенсификацией ими понималась форма концентрации вложений на одной и той же земельной

площади [3]. Некоторые исследователи, занимающиеся экономическими проблемами рыбохозяйственного комплекса, под интенсификацией производства также стали понимать концентрацию вложений на одной и той же площади. Так, С. С. Бабан-Луценко по этому поводу отмечал: «Признаком факта интенсификации можно считать все то, что связано с дополнительными затратами средств производства и труда для создания искусственной продуктивности водоема и увеличения выхода продукции» [1, с. 163]. Для многих исследователей отправной точкой их рассуждения явилось известное рассуждение К. Маркса, который писал, что под интенсификацией понимают «концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, вместо распределения его между земельными участками, находящимися один возле другого» [9, с. 227]. Однако смысл этого высказывания том, что не дополнительные вложения определяют сущность интенсификации, а концентрация капитала на определенной площади обрабатываемой земли.

Поэтому, на наш взгляд, неправомерно считать, что рост затрат на производство всегда служит признаком экстенсивного развития. Более того, как отмечает А. А. Баранов: «опыт показывает, что без затрат невозможно создать интенсивное хозяйство» [2, с. 11]. Поэтому для достижения определенного производственного результата при условии экономии ресурса на единицу выпуска продукции приходится затрачивать определенные средства.

Подобной позиции придерживаются многие исследователи. Так, Г. Д. Титова полагает, что при интенсификации должны органически сочетаться противоположные тенденции производства: тенденция к росту затрат на единицу площади и тенденция к снижению их на единицу продукции [14]. Таким образом, при интенсификации производства рост затрат должен вести к повышению эффективности. Исходя из этого, ряд исследователей для объяснения неоправданных затрат пользовались понятиями «рациональной» и «нерациональной», «эффективной» и «неэффективной» интенсификацией производства. Эффективность или неэффективность интенсификации производства

ими определялись в зависимости от того, превышал ли суммарный эффект затраченные средства или был меньше их [4].

Следует различать эффективность интенсификации производства, эффективность различных направлений интенсификации (в том числе в зависимости от «объекта», где осуществляется интенсификация). Важно различать также и то, эффективна или нет интенсификация (ее направления) с точки зрения общества, отрасли, региона, предприятия (причем, понятно, что эффективность интенсификации будет определяться взаимодействием всех уровней и элементов экономической системы, так же, как и функционированием каждого элемента).

Существует мнение, что если под эффективностью понимать рост производительности общественного труда, то в этом случае процесс интенсификации производства в масштабе всего общества совпадает с эффективностью. На это можно возразить следующее.

В масштабе всего общества сведение эффективности только к росту производительности общественного труда неправомерно, так как в этом случае не учитывается соответствие результатов производства структуре общественных потребностей. Важно и то, что хотя с точки зрения экономии общественно необходимого рабочего времени интенсификация общественного производства и совпадает с ростом общественной производительности труда, но существует несколько видов экономии, а значит сводить интенсификацию общественного производства только к экономии времени нельзя.

Таким образом, одной из наиболее важных задач является определение эффективности и эффекта интенсификации производства как на макроуровне, так и на окружном (региональном). Исследователи, отождествляющие понятия «эффективность» и «интенсификация», выдвигают следующий аргумент: раз интенсификация эффективна, то нет смысла говорить об эффективности интенсификации, так как при любом подходе любое направление интенсификации производства оказывается эффективным, и в то же время рост эффективности связывается с дальнейшим процессом интенсификации производства.

Определение эффекта и эффективности интенсификации производства вполне целесообразно, так как или степень интенсификации производства на однотипных предприятиях может быть неодинаковой, или, если уровень интенсификации близок, но сами предприятия находятся в регионах с неодинаковой степенью трудообеспеченности, различными условиями залегания природных ресурсов и т.д., то и в том, и в другом случаях эффективность интенсификации производства будет разной. Поэтому аналогично тому, как имеет смысл определять эффективность НТП, автоматизации и механизации, специализации и т.п. и рассчитывать эффект от этих мероприятий (хотя эффективны и НТП, и автоматизация, и механизация), следует определять и рассчитывать эффективность и эффект интенсификации производства.

Этой проблеме посвящено немало исследований. Например, Г. Н. Сорокин считает, что интенсификация характеризуется показателями факторов ее развития и величиной эффекта, полученного за их счет, а эффективность — величиной совокупного эффекта, определяемого не только интенсивными, но и экстенсивными факторами. Но фактический эффект, полученный благодаря интенсивным факторам, не всегда характеризует интенсификацию в полной мере [11]. Это в значительной мере обусловлено различием измеримых и неизмеримых показателей экономического эффекта, так как не все его составляющие, в том числе и эффекта интенсификации производства, на данном этапе развития науки поддаются количественному выражению. Например, в тех случаях, когда техника удовлетворяет новые общественные потребности, для выбора наиболее эффективного варианта не всегда удастся ограничиться только показателями приведенных удельных или годовых затрат.

Ряд ученых считает, что совокупный народнохозяйственный эффект интенсификации производства включает в себя экономический и социальный эффект, т.е. нужно говорить о социально-экономическом эффекте интенсификации производства [2]. Он должен проявляться в повышении материального благосостояния членов общества, стирании социально-экономических различий в труде работников, различий между городом и деревней,

создании возможностей всестороннего развития всех членов общества и т.д. Эти моменты также весьма сложно количественно учесть при определении эффекта интенсификации производства.

Таким образом, сегодня существует несколько принципиально различающихся точек зрения на взаимосвязь категорий «эффективность» и «интенсификация», в зависимости от того, что понимается под ними. На наш взгляд, эти категории имеют ряд общих элементов, но отождествлять их не следует (в противном случае мы получим, что два разных термина отражают одно и то же). Причем вполне правомерно определять эффективность самой интенсификации производства, так как, рассматривая этот процесс, следует отличать вопрос о достижении экономии ресурса от вопроса, насколько она эффективна, выгодна, оправдана с точки зрения общества, отрасли, региона, предприятия.

Экономическую эффективность интенсификации производства следует определять группой показателей, поскольку лишь несколько показателей способны достаточно объективно учесть всю сложность проблемы. Более того, поскольку различают разные направления интенсификации производства, то для оценки эффективности того или иного направления должны существовать, помимо оценивающих общую эффективность интенсификации производства, такие показатели, которые характеризуют эффективность именно этого направления. Однако лишь сочетание количественных и качественных параметров позволит определить эффективность интенсификации производства.

Одним из наименее изученных теоретических вопросов, связанных с интенсификацией производства, является определение ее социально-экономической эффективности. А одной из наиболее типичных проблемных социально-экономических ситуаций, возникающих в различных отраслях и сферах экономики, является следующая: какой способ решения определенной производственной проблемы избрать — экстенсивный или интенсивный? Например, в социалистическую эпоху, когда на многих предприятиях ощущалась проблема дефицита рабочей силы (кстати, по ряду специальностей,

в определенных отраслях дефицит рабочей силы имеет место и в условиях переходного периода), очень часто возникал вопрос: а что эффективнее — привлечение дополнительной рабочей силы (например, из трудоизбыточных регионов) или же внедрение трудосберегающей техники? При переходе к рынку очень часто возникает другой вопрос: насколько оправдано внедрение трудосберегающей техники в условиях роста безработицы? Обобщая, можно выразиться иначе: что эффективнее — экстенсивный или интенсивный способ решения производственной задачи? Поэтому далее рассматривается методический подход к решению этой общей задачи [12].

В современных условиях проблема определения экономической эффективности интенсификации производства на разных уровнях хозяйственной иерархии недостаточно разработана. Несмотря на теоретическую и методическую сложность определения эффективности и эффекта интенсификации производства, отсутствие общепринятых показателей, достаточно полно и объективно отражающих эффективность интенсификации, все же необходимо попытаться количественно оценить ее.

Решения определенной производственной задачи — выпуска необходимой продукции — можно добиться и экстенсивным, и интенсивным путем. Поэтому экономическую эффективность интенсификации производства и ее различных направлений целесообразно определять на основе сравнения эффективности разных способов решения производственной задачи. Речь идет о сравнительной эффективности, когда сравниваются два возможных пути, способа — экстенсивный и интенсивный — отдается предпочтение тому способу, эффект от которого оказывается большим. Это в определенной мере аналогично определению сравнительной эффективности капитальных вложений. Эффект же каждого способа будет определяться как разница между результатом и затратами.

Как известно, в специальной литературе под эффектом, как правило, понимается какой-то производственный результат, а не разница результата и затрат. Однако, как уже отмечалось, существуют несколько значительно

различающихся между собой теоретических концепций эффективности — среди них есть и такая, в которой под эффектом понимают разницу между результатом и затратами, а под эффективностью — их отношение. Такое понимание эффекта более правильно, на наш взгляд, отражает смысл этой категории, так как в этом случае учитывается также и тот способ, каким этот результат достигнут (в противном случае, если затраты превышают результат, то вряд ли вообще можно говорить о получении обществом какого-то экономического эффекта).

При определении эффекта от внедрения новой техники, совершенствовании организации производства, помимо результата, учитываются и затраты. Поэтому понимание эффекта как разности результата и затрат вполне оправдано, хотя такая трактовка, разумеется, вовсе не исключает в других случаях и иных возможностей толкования категории «эффект». Однако для определения экономической эффективности интенсификации производства наиболее приемлемой оказывается трактовка эффекта как разности результата и затрат.

Учитывая, что в общем случае под экстенсификацией понимается процесс роста выпуска продукции исключительно за счет количественного увеличения использования ресурсов (или, используя известную фразу, за счет расширения «только поля производства»), эффект экстенсификации целесообразно определять на основе следующей формулы:

$$Y_y = \sum_{i=1}^n K_i \cdot V_i - Z, \quad (3)$$

где Y_y — эффект экстенсификации; K_i — эффективность использования i -го ресурса; V_i — объем использования i -го ресурса; n — количество различных ресурсов; Z — суммарные затраты на привлечение и эксплуатацию ресурсов.

Если правая часть данного уравнения положительна, то это означает, что экстенсивный способ решения проблемы экономически эффективен. Однако, для того, чтобы определить, какой процесс эффективнее — экстенсивный или интенсивный, необходимо также определить эффект интенсификации (об этом ниже). Данная формула определения эффекта экстенсификации в каждом

конкретном случае будет трансформироваться с учетом специфики производственной задачи, ибо и сами эти два способа решения проблемы в каждом отдельном случае будут весьма специфичны.

Рассмотрение данной проблемы позволит на практике показать «работоспособность» предложенного подхода для определения экономической эффективности интенсификации производства. В этой связи формула для определения эффекта экстенсификации в данном конкретном случае трансформируется и приобретает такой вид:

$$\mathcal{E}_э = \Pi_p \cdot P - Z_n - Z_n, \quad (4)$$

где Π_p — средняя производительность труда одного работника; P — число привлеченных из других регионов работников; Z_n — затраты на организацию набора рабочих; Z_n — заработная плата работников.

Необходимо теперь предложить метод определения экономического эффекта интенсификации производства. Интенсификация производства — комплексный процесс, включающий как свои составные части мероприятия по НТП, концентрации, специализации, совершенствованию управления и т.д. В связи с этим экономический эффект от мероприятий, направленных на дальнейшую интенсификацию производства после проведения анализа можно определять как сумму эффектов от всех мероприятий, т.е. экономический эффект интенсификации производства $\mathcal{E}_и$ равен:

$$\mathcal{E}_и = \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_i, \quad (5)$$

где \mathcal{E}_i — эффект от i -го мероприятия по интенсификации производства; n — число всех мероприятий.

В основе определения экономического эффекта от каждого из этих мероприятий лежит сравнение затрат до и после их реализации.

При определении эффекта от всех мероприятий по интенсификации необходимо рассматривать один и тот же временный интервал. Поскольку результаты интенсификации производства выявляются через определенный

период времени, желательно, чтобы при его определении временной промежуток был не менее года. Получаемый эффект измеряется в стоимостных единицах.

Приведем условный пример. Пусть на предприятии в отчетном году эффект от внедрения новой техники составил 184 тыс. руб. от НОТ — 54 тыс. руб. и за счет организационно-технических мероприятий сэкономлено 52 тыс. руб. Тогда эффект интенсификации производства на этом предприятии будет около 290 тыс. руб. Причем на различных предприятиях в разные периоды будут иметь решающее значение те или иные факторы, которые и нужно учитывать при определении эффекта интенсификации производства.

Однако данный метод определения экономической эффективности интенсификации производства не в полной мере предусматривает эффект от экономии определенного ресурса в условиях ресурсодефицитности. Чтобы более точно учесть эффект ресурсосберегающего направления интенсификации в условиях дефицита данного вида ресурса, необходимо к сумме \mathcal{E}_i прибавить эффект от реализации тех мероприятий, при которых экономится этот вид ресурса и, наоборот, вычесть эффект от реализации мероприятий, при которых расходуется ресурс. Поэтому для учета ресурсодефицитности формула определения эффекта интенсификации трансформируется и приобретает следующий вид:

$$\mathcal{E}_{\text{ри}} = \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_i + \mathcal{E}_{\text{рс}}, \quad (6)$$

где $\mathcal{E}_{\text{ри}}$ — эффект ресурсосберегающего направления интенсификации в условиях ресурсодефицитности; $\mathcal{E}_{\text{рс}}$ — суммарный эффект от реализации ресурсосберегающих и ресурсорасходующих мероприятий.

Так, например, в условиях трудодефицитности эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в соответствии с изложенным подходом можно определять следующим образом:

$$\mathcal{E}_{\text{ти}} = \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_i + \Pi_p \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_{\text{ри}}, \quad (7)$$

где $\mathcal{E}_{\text{ти}}$ — эффект трудосберегающего направления интенсификации; Π_p — средняя производительность труда одного работающего; \mathcal{E}_n — экономия численности работающих, получаемая вследствие реализации i -го мероприятия.

Приведем для наглядности конкретный пример. Скажем, эффект от замены ручного труда механизированным и автоматизированным, достигаемый главным образом за счет экономии заработной платы основных рабочих при росте затрат на содержание оборудования, амортизационных отчислений и капитальных вложений, определяется по формуле:

$$\mathcal{E} = \left[\mathcal{Z}_1 \frac{B_1}{B_2} \cdot \frac{P_1 + E_n}{P_2 + E_n} + \frac{(I_1 - I_2) - E_n(K_2 - K_1)}{P_2 + E_n} - \mathcal{Z}_2 \right] \cdot A_2; \quad (8)$$

где $\mathcal{Z}_1, \mathcal{Z}_2$ — приведенные затраты на единицу базового и нового средства труда, соответственно; B_1, B_2 — годовые объемы продукции (работы), производимой при использовании единицы базового и нового средства труда (в натуральных величинах); P_1, P_2 — доли ежегодных отчислений от балансовой стоимости на полное восстановление (реновацию) базового и нового средства труда; E_n — нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений; I_1, I_2 — годовые эксплуатационные издержки потребителя (руб.) при использовании им базового и нового средства труда; K_1, K_2 — соответствующие капитальные вложения потребителя; A_2 — годовой объем производства новых средств труда в расчетном году (в натуральных единицах).

Однако в условиях, например, реального дефицита трудовых ресурсов следует учитывать и то, что достигаемая вследствие этого мероприятия экономия численности \mathcal{E}_r , обусловленная высвобождением рабочей силы, позволит уменьшить величину потенциально недополученной продукции на $\Pi_p \cdot \mathcal{E}_r$, где Π_p — производительность труда постоянных рабочих, рассчитанная по чистой продукции. Эту величину следует приплюсовать к рассчитанному по прежней формуле экономическому эффекту. Сумма будет характеризовать экономический эффект реализации этого мероприятия трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы.

Аналогично следует поступать при определении экономического эффекта каждого мероприятия интенсификации производства. Значит, суммарный экономический эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы как раз-таки следует определять по формуле:

$$\text{Этм} = \sum_{i=1}^n \text{Э}i + \text{Пр} \sum_{i=1}^n \text{Э}ri \quad (9)$$

Может возникнуть ситуация, когда сравниваются два мероприятия трудосберегающего направления интенсификации производства, одно из которых имеет меньший экономический эффект, рассчитанный прежним способом, но большее число высвобожденных рабочих, и в итоге с учетом трудодефицитности экономический эффект от реализации первого мероприятия окажется большим, чем от второго.

В случае трудоизбыточности эта формула также «срабатывает», но вместо суммы нужно найти разность, что будет означать меньшую эффективность трудосберегающего направления интенсификации в условиях избытка рабочей силы, чем в условиях трудодефицитности, но это справедливо лишь при прочих равных условиях. В этой связи добавим, что дефицит или избыток определенного вида ресурса, например, рабочей силы, определяется на основе сравнения предложения и спроса на него, т.е. на основе сравнения потребности в нем и реального наличия этого вида ресурса, поэтому понятно, что дефицит или избыток ресурса зависит от многих факторов. Так, сегодня, когда цены на многие виды продукции чрезмерно высоки, вроде бы имеет место равновесие между спросом и предложением на многие товары, однако, это вовсе не значит, что удовлетворяются потребности в обладании этими товарами. Известно, как много сейчас населения находится за чертой бедности. Иначе говоря, следует различать видимый избыток (дефицит) ресурса и реальный избыток (дефицит).

Данные об экономических эффектах и высвобождении рабочей силы вследствие реализации мероприятий имеются в статистической отчетности предприятий. К мероприятиям трудосберегающего направления

интенсификации производства относятся все мероприятия, экономящие живой труд. Например, наиболее важными мероприятиями трудосберегающего направления интенсификации хозяйственного комплекса Южного макрорегиона являются автоматизация и комплексная механизация производства, внедрение прогрессивной техники и технологии, ввод неустановленного оборудования, аттестации рабочих мест, внедрение бригадной формы организации труда. На разных предприятиях мероприятия, направленные на экономию живого труда, могут существенно различаться.

Таким образом, экономический эффект трудосберегающего направления интенсификации производства в условиях реального дефицита рабочей силы оказывается больше эффекта таких же мероприятий при условии сбалансированности по трудовым ресурсам на величину $i_{\delta} \sum_{i=1}^n \dot{Y}_{ri}$. Такой подход правомерен, пока эта величина не превысит потенциально-недополученную продукцию, рассчитанную по чистой продукции. Величина $\Pi_p \cdot \sum_{i=1}^n \dot{E}_{ri}$ — это своего рода «плата» за трудодефицитность.

Сравнивая экономический эффект, получаемый при экстенсивном способе устранения трудодефицитности, с величиной эффекта от реализации мероприятий, направленных на экономию живого труда, можно видеть, что трудосберегающее направление интенсификации рыбообрабатывающего производства региона значительно эффективнее экстенсивного способа решения проблемы.

При сравнении экономической эффективности интенсивного пути устранения трудодефицитности в региональном производственном комплексе экстенсивным необходимо учитывать также экономию, получаемую в связи с уменьшением затрат, необходимых для переезда рабочих оргнабора (так как потребность в них при интенсификации производства должна уменьшаться при прочих равных условиях), экономию капитальных вложений в строительство жилых, коммунальных, культурно-бытовых и других объектов, а также

возможную экономию, получаемую в связи с уменьшением потерь от порчи рыбного сырья, возникшую из-за простоев по причине нехватки рабочей силы. Поэтому эти виды экономии средств должны входить как слагаемые при определении эффекта трудосберегающего направления интенсификации производства. Однако даже без такого учета эффективность трудосберегающего направления интенсификации значительно выше эффективности экстенсификации.

Все вышесказанное служит аргументом принципиальной возможности и необходимости определения экономической эффективности процессов экстенсификации и интенсификации на основе предложенного авторами общего подхода и может служить методической базой для проведения таких расчетов во многих аналогичных случаях (например, при оценке эффективности ресурсосберегающего направления интенсификации в случае дефицитности других видов ресурсов). Категории «эффективность» и «интенсификация» отнюдь не тождественны, более того, можно и нужно определять эффект и эффективность как экстенсивного, так и интенсивного путей достижения какого-то производственного результата и лишь на основе сравнения этих эффектов можно находить, какой путь эффективнее. Причем в отдельных случаях может оказаться, что эффективнее окажется экстенсивный путь вопреки распространенному мнению, считающему процесс экстенсификации совершенно неэффективным или, по крайней мере, всегда менее эффективным, чем процесс интенсификации. В противном случае совершенно непонятно, каким образом происходил рост эффективности советской экономики, развивающейся, как это сейчас общепризнано, преимущественно экстенсивным путем.

Научная новизна предлагаемой методики оценки экономической эффективности интенсификации производства заключается в следующем: в методике предлагаются общие формулы определения эффекта экстенсификации (3) и эффекта интенсификации (5), экономическая эффективность интенсификации производства определяется на основе сравнения эффектов

экстенсивного и интенсивного способов решения какой-либо производственной задачи. В методике при определении эффективности интенсификации учитывается также различная степень обеспеченности определенным видом ресурса (6).

Данная методика позволяет определять как эффективность процесса интенсификации производства в целом, так и эффективность различных направлений интенсификации (4), (7). Оценка эффективности различных вариантов интенсификации производства очень важна не только с теоретической, но и с практической точек зрения, так как позволяет выбрать вариант наиболее высокого уровня конкурентоспособности продукции.

Методика позволяет определять эффективность любого направления интенсификации, будь то материалосберегающее, фондосберегающее и т.д. Только в этом случае в ф. 3, 6 и 7 необходимо использовать не показатели производительности труда и экономии численности рабочей силы, а, соответственно, фондоотдачи и экономии фондов для фондосберегающего направления интенсификации производства, материалоотдачи и экономии материальных ресурсов для материалосберегающего и т.д. Например, эффект материалосберегающего направления интенсификации в условиях дефицита материальных ресурсов будет определяться следующим образом:

$$\mathcal{E}_{mi} = \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_i + M_o \cdot \sum_{i=1}^n \mathcal{E}_{mi} \quad (10),$$

где \mathcal{E}_{mi} — эффект материалосберегающего направления интенсификации; M_o — средняя материалоотдача; \mathcal{E}_{mi} — экономия материальных ресурсов, получаемая вследствие реализации i -го мероприятия.

Точно так же предлагаемая методика позволяет определять эффективность интенсификации не только в условиях дефицита определенного вида ресурсов, но и в условиях их избытка, только в этом случае в формулах 6, 7 и 9 вместо суммы будет разность. Это вполне соответствует здравому смыслу, когда эффективность, например, трудосберегающего направления интенсификации при прочих равных условиях оказывается тем большей, чем выше степень

дефицита трудовых ресурсов (все это справедливо и в отношении материалосберегающего, фондосберегающего направления и т.д., только в этом случае учитывается дефицит или избыток соответственно материальных ресурсов, фондов и т.д.).

Таким образом, описываемая в данной статье методика позволяет определять не только эффективность интенсификации на основе сравнения эффектов экстенсификации и интенсификации, но и эффективность различных направлений интенсификации производства.

Литература

1. Бабан-Луценко С.С. Экономическая сущность и показатели интенсификации рыбного хозяйства на внутренних естественных водоемах // Известия Государственного научно-исследовательского отдела рыбного хозяйства. — 1971. — Т. 75. — С. 161–164.
2. Баранов А.А. Интенсификация: Экономический и социальный аспект. — М.: Экономика, 1983. — 255 с.
3. Бородин И.А. О сущности и показателях интенсификации сельского хозяйства. — М.: Колос, 1965. — 22 с.
4. Буздалов И.Н. Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства. — М.: Колос, 1966. — 173 с.
5. Закономерности социалистического расширенного воспроизводства / под ред. А.И. Ноткина. — М.: Наука, 1977. — 403 с.
6. Кацура С.Н. Становление инновационной системы в Украине: национальный и региональный аспекты. — Донецк: Институт экономики промышленности НАН Украины, 2011. — 504 с.
7. Колесников С.И. Экономические основы природопользования. Учебник. — М.: Дашков и К°, 2011. — 304 с.
8. Ляшенко В.И., Павлов К.В., Шишкин М.И. Наноэкономика в славянских странах СНГ (Серия: Экономическое славяноведение). — Ижевск: Книгоград, 2011. — 348 с.
9. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Том 3, книга 3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом, часть 2 / К. Маркс; под ред. Ф. Энгельса. — М.: Политиздат, 1975. — С. 509–1082.
10. Меркин Р.М., Соловьева О.Г. Дискуссионные проблемы теории интенсификации строительного производства // Известия академии наук. Серия Экономическая. — 1984. — № 4. — С. 33–40.
11. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределенности рыночной среды. — М.: Магистр, 2007. — 271 с.
12. Павлов К.В. Патологические процессы в экономике. — М.: Магистр, 2009. — 458 с.
13. Теория инновационной экономики / Под ред. О.С. Белокрыловой. —

Ростов н/Д, 2009. — 376 с.

14. Титова Т.Д. Эффективность интенсификации на внутренних водоемах. Монография. — Калининград: Калининградский государственный университет, 1971. — 138 с.

15. Тихонов И.А. Основы интенсивного экономического развития. — М.: Мысль, 1979. — 198 с.

16. Эффективность интенсификации производства на основе внедрения достижений науки / под редакцией В. П. Лебедева. — М: Мысль, 1975. — 255 с.

17. Mitrofanova I.V., Starokozheva G.I., Mitrofanova I.A., Shkarupa E.A., Batmanova V.V. Ecological External Effects of the Functioning of the Economic Complex of the South of Russia. Regional and Sectoral Economic Studies. — 2015. — Vol. 15-1. — P. 97–114.

References

1. Baban-Lucenko S.S. Jekonomicheskaja sushhnost' i pokazateli intensivifikacii rybnogo hozjajstva na vnutrennih estestvennyh vodoemah [Economic essence and indicators of an intensification of fishery on internal natural reservoirs]. *Izvestija Gosudarstvennogo nauchno-issledovatel'skogo otdela rybnogo hozjajstva*, 1971, vol. 75, pp. 161–164.

2. Baranov A.A. *Intensifikacija: Jekonomicheskij i social'nyj aspekt* [Intensifikatsy's rams: Economic and social aspect.]. Moscow, Economy Publ., 1983. 255 p.

3. Borodin I.A. *O sushhnosti i pokazateljah intensivifikacii sel'skogo hozjajstva* [About essence and indicators of an intensification of agriculture]. Moscow, Kolos Publ., 1965. 22 p.

4. Buzdalov I.N. *Jekonomicheskaja jeffektivnost' intensivifikacii sel'skohozjajstvennogo proizvodstva* [Economic efficiency of an intensification of agricultural production]. Moscow, Kolos Publ., 1966. 173 p.

5. *Zakonomernosti socialisticheskogo rasshirennoho vosproizvodstva* [Regularities of socialist expanded reproduction] A.I. Notkin ed. Moscow, Science Publ., 1977. 403 p.

6. Kacura S.N. *Stanovlenie innovacionnoj sistemy v Ukraine: nacional'nyj i regional'nyj aspekty* [Formation of innovative system in Ukraine: national and regional aspects]. Donetsk, Institute of an industrial economy of National academy of Sciences of Ukraine Publ., 2011. 504 p.

7. Kolesnikov S.I. *Jekonomicheskie osnovy prirodopol'zovanija. Uchebnik* [Economic bases of environmental management. Textbook]. Moscow, “Dashkov and To” Publ., 2011. 304 p.

8. Ljashenko V.I., Pavlov K.V., Shishkin M.I. *Nanojekonomika v slavjanskih stranah SNG (Serija: Jekonomicheskoe slavjanovedenie)* [Nanoekonomika in the Slavic CIS countries (a Series: Economic Slavic studies)]. Izhevsk, “Knigograd” Publ., 2011. 348 p.

9. Marks K. *Kapital: Kritika politicheskoy jekonomii. Tom 3, kniga 3: Process kapitalisticheskogo proizvodstva, vzjatyj v celom, chast' 2* [Criticism of political

economy. Volume 3, book 3: The process of capitalist production taken in general, part 2]. F. Engels ed. Moscow, "Politizdat" Publ., 1975, pp. 509–1082.

10. Merkin P.M., Solov'eva O.G. Diskussionnye problemy teorii intensivnogo stroitel'nogo proizvodstva [problems of the theory of an intensification of construction production]. *Izvestija akademii nauk. Serija Jekonomicheskaja*, 1984, no. 4, pp. 33–40.

11. Pavlov K.V. *Intensifikacija jekonomiki v uslovijah neopredelennosti rynochnoj sredy* [An economy intensification in the conditions of uncertainty of the market environment]. Moscow, "Master" Publ., 2007. 271 p

12. . Pavlov K.V. *Patologicheskie processy v jekonomike* [Pathological processes in economy]. Moscow, "Master" Publ., 2009. 458 p.

13. *Teorija innovacionnoj jekonomiki* [The theory of innovative economy]. O.S. Belokrylova ed. Rostov-on-Don 2009. 376 p.

14. Titova T.D. *Jeffektivnost' intensivnogo proizvodstva na vnutrennih vodoemah. Monografija* [Efficiency of an intensification on internal reservoirs. Monograph]. Kaliningrad: Kaliningrad state university Publ., 1971. 138 p.

15. Tihonov I.A. *Osnovy intensivnogo jekonomicheskogo razvitija* [Bases of intensive economic development]. Moscow, "Thought" Publ., 1979. 198 p.

16. *Jeffektivnost' intensivnogo proizvodstva na osnove vnedrenija dostizhenij nauki* [Efficiency of an intensification of production on the basis of introduction of achievements of science]. V.P. Lebedev ed. Moscow, "Thought" Publ., 1975. 255 p.

17. Mitrofanova I.V., Starokozheva G.I., Mitrofanova I.A., Shkarupa E.A., Batmanova V.V. Ecological External Effects of the Functioning of the Economic Complex of the South of Russia. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015, vol. 15-1, pp. 97–114.

УДК 332.146

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию ФГБНУ «Северо-Восточный региональный аграрный научный центр» в 2015 г. на тему «Разработать механизмы вхождения научных, производственных, образовательных учреждений в Межрегиональный кластер по производству и переработке озимой ржи»

Костенко Ольга Владимировна

кандидат экономических наук, доцент,

проректор по экономике и стратегическому развитию,

заведующий кафедрой денег, кредита и финансов

Вятская государственная сельскохозяйственная академия, г. Киров

kostenko_ov@vgsha.info

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ: ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье изложены результаты анализа российских научных публикаций, посвященных стратегиям развития кластеров. Формирование общепринятой терминологии в этой области не завершено. В сфере региональной экономической политики преимущественно используется термин «кластерная стратегия». В отношении кластера как объекта управления употребляется термин «стратегия кластера», в качестве синонима — также термин «кластерная стратегия». Это вносит разночтения в понятийный аппарат и методологию стратегического управления кластером. Предлагается принципиально раздельное использование спорных терминов: «кластерная стратегия» в сфере государственного регулирования (кластерная политика) и «стратегия кластера» по отношению к кластеру как самостоятельной экономической системе.

Ключевые слова: кластер, теория кластеров, стратегия кластера, кластерная стратегия.

JEL classification code: L 100, D 620, O 018

Olga Kostenko

Ph.D. (economics), associate professor

Vice-Rector for Economics and Strategic Development,

Head of Money, Credit and Finance

Vyatka State Agricultural Academy, Kirov

CLUSTER DEVELOPMENT STRATEGY: CREATION OF TERMINOLOGY

The article presents the results of analysis of Russian scientific publications devoted to strategies for the development of clusters. Process of terminology formation is not completed in this sphere. The term "cluster strategy" is used predominantly in the sphere of regional economic policy. The term "the cluster's strategy" is used to the cluster systems. But the term "cluster strategy" is used as a synonym too. This leads to discrepancies in the notions and methodology of the strategic cluster management. It is proposed to separate use of the disputed terms. The term "cluster strategy" should be applied for state regulation (cluster policy). The term "the cluster's strategy" should be used for the cluster as an independent economic system.

Keywords: cluster, cluster theory, the cluster's strategy, cluster strategy.

JEL classification code: L 100, D 620, O 018

В научной среде идет активный поиск решений в области построения стратегий развития экономических кластеров. Количество научных публикаций российских исследователей в этой сфере в последние годы (особенно после 2008 года) нарастает. Среди них особо можно выделить группу исследований прикладного характера, проводимых в интересах конкретных кластеров. Например, К. В. Ряполова [1] исследует проблемы формирования стратегии развития регионального энергомашиностроительного кластера Алтайского края, К. Н. Горпинченко [2] — механизм управления развитием зернового кластера Краснодарского края. В ряде случаев на начальном этапе объектом исследования является комплекс отраслей, а в процессе выполнения работы происходит его замена на кластер (достаточно часто — в сфере агропромышленного комплекса). Например, Ю. Маленков и С. Древинг [3] в 2009 году представили данные по конкурентной стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Камчатского края, а в 2010 году С. Р. Древинг [4] защищает диссертацию по организации на его базе кластера. Работы Н. И. Пыжиковой [5] по развитию рынка зерна и зернопродуктов региона на примере Красноярского края завершаются

разработкой методических положений по формированию в регионе зернопродуктового кластера.

Особого внимания заслуживают публикации результатов НИР по разработке стратегий и программ развития кластеров, выполненных научными и консалтинговыми организациями. Так, ЗАО «НПФ «Диполь» (г. Санкт-Петербург) опубликовало в 2014 году разработанную ими Стратегию развития малых и средних предприятий в рамках Кластера информационных технологий, радиоэлектроники, приборостроения, средств связи и инфотелекоммуникаций Санкт-Петербурга, который входит в перечень пилотных кластеров России [6]. Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад» разрабатывал Концепцию «Развитие кластера судостроения в Санкт-Петербурге», документ размещен на официальном сайте Администрации Санкт-Петербурга [7]. Зарождающийся спрос на услуги по разработке стратегических документов кластеров формирует предложения и рынок таких разработок. Например, российская консалтинговая компания «MOST Marketing» (г. Москва и г. Санкт-Петербург) выполняет работы по разработке стратегии развития бизнеса, инвестиционных стратегий и стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Особо в сегменте услуг для госструктур компания выделяет направление консультирования по развитию кластеров [8]. В частности, компания разрабатывала стратегию развития Судостроительного кластера Астраханской области [9]. Считаем, что на уровне регионов такие услуги способны оказывать научные учреждения соответствующего профиля и вузовская наука. Интересны также рекомендации методического характера, разработанные по заказу и (или) при поддержке правительственных органов. Так, в 2015 году НИУ «Высшая школа экономики» опубликовал методические материалы, подготовленные Минэкономразвития России совместно с Российской кластерной обсерваторией ИСИЭЗ НИУ «Высшая школа экономики» [10].

Для оценки уровня научных исследований и консалтинговых услуг в сфере кластерных стратегий нами был проведен анализ публикаций различного плана,

посвященных разработке стратегии развития кластеров. Основной целью анализа было обобщение российской практики стратегического управления кластерами и выявление уровня научного обоснования решений в этой сфере, поэтому в качестве предмета анализа были выбраны российские публикации. Одним из частных направлений анализа стала оценка уровня сформированности терминологии в этой области.

Анализ научных публикаций (в основном за период 2011–2015 гг.) показал, что для обозначения стратегии кластера употребляются разные словосочетания: «кластерная стратегия развития», «стратегия развития кластера», «стратегия создания кластера», «стратегия формирования кластера». Оценить, насколько они идентичны или различаются, мы попытались на основе смысловой оценки текстов публикаций.

Словосочетание «*кластерная стратегия*» («кластерная стратегия развития») как правило, употребляется для обозначения одного из разделов стратегии экономического развития на уровне региона. Так, А. В. Фролов, Д. В. Фролов и В. М. Исаева [11] считают, что «результативная реализация *кластерной стратегии* регионального развития является фактором, обеспечивающим экономический рост и повышение конкурентоспособности экономики региона ...». Такая стратегия реализуется посредством создания условий для формирования и развития конкурентоспособных кластеров в регионе. В. А. Кунин и Г. А. Яшева [12, с.8] отмечают, что выполнение масштабных программ по созданию кластеров возможно только на основе четкой *кластерной стратегии*, а для этого, как показывает опыт зарубежных стран, необходима разработка кластерной политики. В. В. Лизунов, С. Е. Метелев, А. А. Соловьев [13, с.21] также подразумевают под *кластерной стратегией* стратегию по формированию и поддержке кластеров на уровне государства и в качестве примера приводят программы поддержки кластеров Германии.

Другое словосочетание — «*стратегия кластера*» — хотя и используется в разных вариациях, но чаще все же применительно к кластеру как объекту

стратегии. Так, И. Н. Ковалева [14, с.20] обосновывает методологические положения «инновационно-сетевой стратегии устойчивого развития регионального кластера». Ю. А. Ахенбах [15, с.35] делает попытку раскрыть содержание «стратегии формирования и развития научно-производственных кластеров». Ф. В. Шутилов [16, с.280] показывает этапы разработки «стратегии развития кластера». О. В. Несмачных и В. В. Литовченко [17] употребляют термин «комплексная стратегия управления кластером». А. А. Дибиров и Г. И. Степанова [18, с.56] раскрывают предмет «стратегии развития кластера», правда параллельно используют термин «стратегия кластерного развития» [18, с.57] в качестве синонима, а в заголовке раздела монографии — термин «стратегия формирования кластеров». В. А. Агафонов [19] исследует вопросы содержания «стратегии формирования и развития кластерных промышленных систем». Н.Н. Рябчикова [20, с.43] применяет термин «стратегия развития кластера» и не отождествляет его с кластерной стратегией региона, поскольку пишет о том, что разработка стратегии развития кластера является одним из обязательных мероприятий кластерной политики. Е. П. Карлина и Я. Г. Левина [21] исследуют аспекты стратегии развития Судостроительного кластера Астраханской области.

Вместе с тем имеются примеры использования терминов «кластерная стратегия» и «стратегия кластера» не в качестве разных понятий, а как прямых синонимов. Так, Г. Б. Клейнер, Р. М. Качалов, Н. Б. Нагрудная [22, глава 1] исследуют и раскрывают подходы к определению стратегии кластера. В тексте публикации в основном употребляется термин «стратегия кластера» и иногда встречается термин «кластерная стратегия» [22, с.30]. По смыслу текста работы можно сделать вывод о том, что они употребляются в одинаковом значении. С. В. Куницын [23, с.109] посвятил свою статью стратегии кластера, но одновременно использует в аналогичном смысловом значении как термин «стратегия развития кластера», так и термин «кластерная стратегия». Г. А. Яшева [24, с.5] также применяет термин «кластерная стратегия» по отношению не только к управлению кластерами на уровне государства

(национальная) и на местном уровне (региональная), но и на уровне субъектов кластера (микроуровень).

В результате можно констатировать, во-первых, что использование термина «кластерная стратегия» не для обозначения сферы экономической политики региональных (или федеральных) органов власти, а по отношению к кластеру (а также комплексу отраслей или участнику кластера) не является типичным для научных работ и стратегических документов кластеров. Во-вторых, по отношению к кластеру чаще применяется термин «стратегия кластера» («стратегия развития кластера»), однако есть примеры использования термина «кластерная стратегия» в качестве синонима. Последнее обстоятельство вносит определенную путаницу в терминологию, а впоследствии и методологию стратегического управления кластером.

В этой связи считаем уместным и удобным предложить принципиально раздельное использование спорных терминов:

- термином «кластерная стратегия» обозначать раздел стратегии социально-экономического развития региона (или страны), которая реализуется посредством разработки и реализации кластерной политики органов государственной власти. К основным разделам кластерной политики можно отнести собственно решение о применении кластерного подхода в сфере государственного регулирования экономики, а также выбор кластеров в качестве объектов поддержки в формате кластерной политики, разработку и применение комплекса мер (инструментов) в целях стимулирования формирования и развития кластеров [25];
- термином «стратегия кластера» обозначать раздел стратегического менеджмента по отношению к кластеру, являющемуся самостоятельным объектом управления и социально-экономической системой, которая занимает промежуточное положение между национальной (региональной) экономикой и отдельным предприятием (организацией) [26].

Если по первому направлению — кластерная стратегия и кластерная политика — сложилось некое общепринятое представление о предмете

изучения, сфере и совокупности инструментов кластерной политики, то в отношении второго направления — стратегия кластера, ее содержание и структура — общего понимания пока нет. Более того, немалое количество авторов публикаций не идут дальше обоснования необходимости разработки стратегии развития кластера [14, 27, 28 и другие], и, определяя стратегию кластера в качестве предмета исследования, порой даже не пытаются раскрыть ее содержание. Неправильные и поверхностные представления приводят к тому, что качество стратегических документов кластеров (стратегий и программ развития) оказывается, как правило, невысоким. Ю. Маленков и С. Древинг [3] пришли к такому выводу еще по результатам анализа ряда стратегий, разработанных для отраслей и научно-производственных комплексов. По их мнению, стратегии зачастую построены методологически неверно и не отвечают своему назначению. Мы пришли к аналогичным выводам по результатам оценки содержания стратегий кластеров из базы «Карты кластеров России» [29]. В свете этого перед российской наукой достаточно остро стоит задача развития методологии стратегического управления кластерами.

Литература

1. Ряполова, К. В. Формирование стратегии развития регионального энергомашиностроительного кластера (на примере Алтайского края): автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Барнаул, 2014. — 24с.
2. Горпинченко, К. Н. Механизм управления развитием зернового кластера инновационного типа в регионе // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. — 2013. — № 1.
3. Маленков, Ю., Древинг, С. Формирование конкурентной стратегии развития рыбохозяйственного комплекса Камчатского края // Проблемы теории и практики управления. — 2009. — № 7 — С.61-74.
4. Древинг С. Р. Кластер как организационно-экономическая форма межотраслевой народнохозяйственной системы (на материалах

рыбопромышленного комплекса Камчатского края): Автореф. дис. ... докт. экон. наук. — Санкт-Петербург, 2010. — 48с.

5. Пыжикова, Н. И. Развитие рынка зерна и зернопродуктов региона (теория, методология, практика): автореф. дис. ... докт. экон. наук. — Новосибирск, 2010. — 49с.

6. Стратегия развития малых и средних предприятий в рамках Кластера информационных технологий, радиоэлектроники, приборостроения, средств связи и инфотелекоммуникаций Санкт-Петербурга, 2014 [Электронный ресурс] // <http://www.sut.ru/doci/kafedri/aps/p1.pdf> (дата обращения 04.08.2015).

7. Концепция развития кластера судостроения в Санкт-Петербурге // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_industrial/sudostroitelnyj-klaster/ (дата обращения 14.08.2015).

8. Карта услуг MOST Marketing [Электронный ресурс] // Сайт компании MOST Marketing // <http://www.m-marketing.ru/services/government/> (дата обращения 23.12.2015).

9. Стратегия развития судостроительного кластера Астраханской области [Электронный ресурс] // <http://m-marketing.ru/presentations/6873/-/2013/> (дата обращения 03.08.2015).

10. Методические материалы по разработке и реализации программ развития инновационных территориальных кластеров и региональной кластерной политики / Минэкономразвития России, НИУ «Высшая школа экономики», — М.: НИУ ВШЭ, 2015.-256 с.

11. Фролов, А. В., Фролов, Д. В., Исаева, В. М. Кластерная стратегия развития региона [Электронный ресурс] // Вестник ОГУ. — 2014. — №8 (169) // http://vestnik.osu.ru/2014_8/27.pdf (дата обращения 04.08.2015).

12. Кунин, В. А. Яшева, Г. А. Кластерная стратегия инновационного развития экономик России и Беларуси [Электронный ресурс] // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. — № 2 //

<http://www.uecs.ru/logistika/item/2786-2014-02-27-08-31-16> (дата обращения 04.08.2015).

13. Лизунов, В. В. Кластеры и кластерные стратегии. Монография / В.В. Лизунов, С.Е. Метелев, А.А. Соловьев. Издание 2-е исправл. и дополн. — Омск: Издатель ИП Скорнякова Е.В., 2012. — 280 с.

14. Ковалева, И. Н. Устойчивое развитие региональных кластеров на основе рационального использования ресурсов: автореф. дис. ... докт. экон. наук. — Москва, 2014. — 43с.

15. Ахенбах, Ю. А. Формирование и развитие научно-производственных кластеров в регионе: теория, методология, практика: автореф. дис. ... докт. экон. наук. — Тамбов, 2012. — 43с.

16. Шутилов, Ф. В. Стратегическое управление и государственная поддержка развития промышленных кластеров // Вестник АГУ. — 2013. — Выпуск 4. — С.279-284.

17. Несмачных, О. В., Литовченко, В. В. Структурная стратегия управления кластером [Электронный ресурс] // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2014. — № 8 (часть 1) // http://www.rae.ru/upfs/?section=content&op=show_article&article_id=5674 (дата обращения 03.08.2015).

18. Дибиров, А. А., Степанова, Г. И. Стратегия развития интегрированных, кластерных формирований в АПК СЗ ФО РФ. — СПб: ГНУ СЗНИЭСХ, 2013. — 110с.

19. Агафонов, В. А. Методология стратегического планирования развития кластерных промышленных систем [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... докт. экон. наук. — Москва, 2011. // <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/1/43.php> (дата обращения 14.08.2015).

20. Рябчикова, Н. Н. Классификационные характеристики молочнопродуктового кластера Саратовской области [Электронный ресурс] // Экономические науки. //

https://www.libr.orensau.ru/component/docman/doc_download/2929-- (дата обращения 13.08.2015).

21. Карлина, Е. П., Левина, Я. Г. Развитие базовых компетенций судостроительных предприятий как основа стратегического управления кластером // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия «Экономика». — 2015. — № 1.

22. Клейнер, Г. Б., Качалов, Р. М., Нагрудная, Н. Б. Синтез стратегии кластера на основе системно-интеграционной теории [Электронный ресурс] // Наука. Инновации. Образование, выпуск 7 «Кластеризация предприятий: состояние и перспективы». — 2008. — Выпуск 7 // Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере // <http://www.riep.ru/upload/iblock/05a/05a8ef71e5e66ec13ab33bd3047ba608.pdf> (дата обращения 04.08.2015).

23. Куницын, С. В. Стратегическое планирование развития кластерного интеграционного взаимодействия профессиональных участников туристического рынка // Бизнесинформ. — 2012. — № 6. — С.108-111.

24. Яшева, Г. А. Формирование кластерной стратегии регионального развития [Электронный ресурс] // Клуб субъектов инновационного и технологического развития России // <http://innclub.info/2011/08/02/формирование-кластерной-стратегии-р/> (дата обращения 04.08.2015).

25. Костенко, О. В. Цели, направления и инструменты региональной кластерной политики // Экономика и предпринимательство // 2016. — № 3 (ч.2). — С.357-361.

26. Костенко, О. В. Кластер как объект управления и социально-экономическая система // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. — 2015. — № 6. — С.75-80.

27. Доржиева, Е. В. Стратегия развития регионального агропищевого кластера // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2014. — № 6. — С.45-53.

28. Рябчикова, Н. Н. Эффективность региональной политики развития молочнопродуктового подкомплекса и ключевые проблемы ее реформирования // Вестник казанского ГАУ. — 2015. — № 1. — С.37-44.

29. Костенко, О. В. Опыт и проблемы разработки стратегий развития кластеров // Стратегии устойчивого развития национальной и мировой экономики / Сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции. — г. Челябинск, 2016. — С.18-24.

References

1. Ryappolova, K.V. Formation of development strategy of regional power-plant engineering cluster (on an example of Altay territory): Thesis abstract ... Ph.D. (economics). — Barnaul, 2014. — 24p. (*in Russian*)

2. Gorpinchenko, K.N. The mechanism of management of development of innovative grain cluster in the region // Modern science: current problems and solutions. — 2013. — № 1. (*in Russian*)

3. Malenkov, Yu., Dreving, S. Formation of competitive strategy of development for the fishery complex of the Kamchatka Territory // Problems of the theory and practice of management. — 2009. — № 7 — P.61-74. (*in Russian*)

4. Dreving S.R. Cluster as an organizational-economic form of inter-sectoral national economic system (on the materials of the Kamchatka region fishing complex): Thesis abstract ... Doctor of economics. — St. Petersburg, 2010. — 48p. (*in Russian*)

5. Pigikova, N.I. The development of the market of grain and grain products in the region (the theory, methodology, practice): Thesis abstract ... Doctor of economics — Novosibirsk, 2010. — 49p. (*in Russian*)

6. Strategy of development for small and medium-sized enterprises within the cluster of information technology, electronics, instrumentation, communications, and information and telecommunications St. Petersburg, 2014 [electronic resource] // [http://www.sut.ru/doci/kafedri/aps/p1 .pdf](http://www.sut.ru/doci/kafedri/aps/p1.pdf) (reference date 08.04.2015).

7. The concept of shipbuilding cluster in St. Petersburg // Official site of St. Petersburg [Electronic resource] // http://gov.spb.ru/gov/otrasl/c_industrial/sudostroitelnyj-klaster/ (reference date 14.08.2015). (*in Russian*)

8. Services Map MOST Marketing [Electronic resource] // Company Website MOST Marketing // <http://www.m-marketing.ru/services/government/> (reference date 23.12.2015). (*in Russian*)

9. The development strategy of shipbuilding cluster Astrakhan region [Electronic resource] // <http://m-marketing.ru/presentations/6873/-/2013/> (reference date 08.03.2015). (*in Russian*)

10. Teaching materials for the development and implementation of development programs of innovative regional clusters and regional cluster policy / Economic Development of Russia, NRU "Higher School of Economics", — M.: Higher School of Economics, 2015.-256p. (*in Russian*)

11. Frolov A.V., Frolov, D.V., Isaev, V.M. Cluster strategy development of the region // Vestnik of OSU. — 2014. — №8 (169) // http://vestnik.osu.ru/2014_8/27.pdf (reference date 04.08.2015). (*in Russian*)

12. Kunin, V.A Yasheva, G.A. Cluster strategy of innovative development of Russian and Belarus economies // Management of economic systems: electronic scientific journal. 2014. — № 2 // <http://www.uecs.ru/logistika/item/2786-2014-02-27-08-31-16> (reference date 04.08.2015). (*in Russian*)

13. Lizunov, V.V. Clusters and cluster strategies. Monograph / V.V. Lizunov, S.E. Metelev, A.A. Solovyov. Edition 2 corrected and supplemented. — Omsk: Publisher Skorniyakov E.V., 2012. — 280p. (*in Russian*)

14. Kovalev, I.N. Sustainable development of regional clusters based on the rational use of resources: Thesis abstract ... Doctor of economics. — Moscow, 2014. — 43p. (*in Russian*)

15. Achenbach, Y. The formation and development of scientific and industrial clusters in the region: the theory, methodology, practice: Thesis abstract ... Doctor of economics. — Tula, 2012. — 43p. (*in Russian*)

16. Shytilov F.V. Strategic management and government support for the development of industrial clusters // Herald of ASU. — 2013. — Issue 4 — P.279-284. (*in Russian*)

17. Nesmachniy, O.V., Litovchenko, V.V. Structural cluster management strategy [electronic resource] // International Journal of Applied and Basic Research. — 2014. — № 8 (Part 1) // http://www.rae.ru/upfs/?section=content&op=show_article&article_id=5674 (reference date 08.03.2015). (*in Russian*)

18. Dibirov, A.A. Stepanova, G.I. The development strategy of integrated, clustered units of Agribusiness in North-West Federal District of the Russian Federation. — St. Petersburg: SNWRIAE, 2013. — 110p. (*in Russian*)

19. Agafonov, V.A. Methodology for strategic planning of cluster industrial systems [electronic resource]: Thesis abstract ... Doctor of economics. — Moscow, 2011. // <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/1/43.php> (reference date 14.08.2015). (*in Russian*)

20. Ryabchikova, N.N. Classification characteristics milk cluster of Saratov region [Electronic resource] // Economics. // https://www.libr.orensau.ru/component/docman/doc_download/2929-- (reference date 13.08.2015). (*in Russian*)

21. Carlin, E.P., Levin, J.G. The development of basic competences shipyards as the basis of the strategic cluster management // Herald of Astrakhan State Technical University. "Economy" series. — 2015. — № 1. (*in Russian*)

22. Kleiner G.B., Katchalov, R.M., Nagrydnaya, N.B. Synthesis of a cluster's strategy based on system-integration theory [electronic resource] // Science. Innovation. Education, Issue 7, "Clustering of enterprises: state and prospects". — 2008. — Issue 7 // Russian Scientific Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology // <http://www.riep.ru/upload/iblock/05a/05a8ef71e5e66ec13ab33bd3047ba608.pdf> (reference date 08.04.2015). (*in Russian*)

23. Kunitsyn, S.V. Strategic planning of development of the integration interaction of professional participants of the tourism market // Business-inform. — 2012. — № 6. — P.108-111. (*in Russian*)

24. Yasheva, G.A. Formation of the cluster strategy of regional development [electronic resource] // Club the subjects of innovation and technological development of Russia // <http://innclub.info/2011/08/02/формирование-кластерной-стратегии-р/> (reference date 04.08.2015). (*in Russian*)

25. Kostenko O.V. Goals, directions and instruments of cluster regional policy // *Economy and Entrepreneurship* // 2016. — № 3 (Part 2). — P.357-361. (*in Russian*)

26. Kostenko O.V. The cluster as object of management and socio-economic system // *Agricultural science Euro-Northeast*. — 2015. — № 6. — P.75-80. (*in Russian*)

27. Dorzhieva, E.V. The development strategy of regional agro production cluster // *Bulletin of Irkutsk State Economic Academy*. — 2014. — № 6. — P.45-53. (*in Russian*)

28. Ryabchikova, NN The effectiveness of regional policy for the dairy sector and the key issues of its reform // *Vestnik of the Kazan State Agrarian University*. — 2015. — № 1. — P.37-44. (*in Russian*)

29. Kostenko O.V. Experience and problems of cluster development strategies // *Sustainable Development Strategy for National and World Economy / Collection of scientific works of the VIII International scientific-practical conference*. — Chelyabinsk, 2016. — P.18-24. (*in Russian*)

УДК 339.543

Анисимов Владимир Георгиевич

Доктор военных наук, профессор
Профессор кафедры информационных систем в экономике и менеджменте,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Анисимов Евгений Георгиевич

Доктор военных наук, доктор технических наук, профессор
Профессор кафедры экономической теории,
Российская таможенная академия,

Богоева Екатерина Михайловна

Аспирант кафедры экономической теории,
Российская таможенная академия,

Коровина Яна Владимировна

Аспирант кафедры таможенной статистики,
Российская таможенная академия

МЕТОДИКА ОЦЕНИВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье предложена методика оценивания эффективности функционирования системы управления рисками (СУР) таможенных органов Российской Федерации. Особенность методики состоит в комплексном учете непосредственного и латентного эффектов функционирования СУР. Методика опирается на теоретико-вероятностное представление процесса возможного нарушения таможенного законодательства участниками внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: система управления рисками, эффективность, оценивание, методика, латентный эффект, непосредственный эффект.

JEL classification code: L 510

Vladimir Anisimov

Doctor of science (military science)
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University professor of the
Department of Information Systems in Economics and Management

Eugen Anisimov

Doctor of science (military science), Doctor of science (technical science)
Professor of the of the Economic Theory Department,
Russian Customs Academy

Ekaterina Bogoeva

Post-graduate student of the Economics Department
Russian Customs Academy

Yana Korovina

Post-graduate student of the Customs Statistics Department
Russian Customs Academy

METHODOLOGY FOR EVALUATION OF RISK MANAGEMENT SYSTEM EFFICIENCY OF CUSTOMS AUTHORITY IN RUSSIAN FEDERATION

The article presents the methodology of evaluation of the risk management system efficiency of customs authority in Russian Federation. The outstanding feature of the methodology consists in a complex survey of direct and the latent effects of the risk management system (RMS). The methodology is based on theoretical probability representation of the process of a possible violation the customs legislation by the participants of foreign economic activity.

Key words: risk management system, efficiency, evaluation, methodology, latent effect, direct effect.

JEL classification code: L 510

Эффективность управления рисками при таможенном контроле характеризует степень реализации возможностей СУР по снижению ущерба государству, обусловленного нарушениями участниками внешнеэкономической деятельности таможенного законодательства при перемещении товаров через таможенную границу [1, 2, 3].

Возможности СУР определяются [4]:

- системой профилей риска;
- возможностями уполномоченных должностных лиц по реализации мер минимизации риска;
- техническими средствами, используемыми при реализации этих мер и их ресурсами;
- временными и количественными ограничениями на проведение таможенного контроля, установленными таможенным законодательством и нормативными правовыми актами.

При этом их реализация подчинена принципу «слабого звена». Он заключается в том, что общие возможности СУР ограничиваются наиболее слабыми в сложившейся ситуации возможностями.

Снижение ущерба государству за счет реализации возможностей СУР включает две составляющие [4, 5, 6]:

1) *непосредственное снижение ущерба* государству в процессе углубленного таможенного контроля, обусловленного функционированием СУР;

2) *латентное снижение ущерба* вследствие обусловленного функционированием СУР снижения склонности участников внешнеэкономической деятельности к нарушению таможенного законодательства при перемещении товаров через таможенную границу.

Следовательно, показатель эффективности управления рисками должен включать *две составляющие*, отражающие непосредственное и латентное снижение ущерба государству в результате функционирования СУР.

Количественная мера степени снижения ущерба государству в результате функционирования системы управления рисками, формально представляется в виде пунктов некоторой шкалы эффективности [7, 8]. В качестве такой шкалы наиболее часто используют подмножества множества действительных чисел (абсолютную шкалу), а для стохастических процессов — ее разновидность — вероятностную шкалу. Это объясняется удобством числовых шкал, а также их

универсальностью, поскольку любая шкала может быть взаимно однозначно преобразована в числовую [9, 10].

Отображение, которое ставит в соответствие каждому результату функционирования системы пункт выбранной шкалы эффективности, принято называть показателем эффективности [11, 12, 13, 14].

Конструктивное представление показателя, прежде всего, связано с четким определением целей функционирования системы управления рисками. В самом общем виде эта *цель* состоит в максимальном при имеющихся возможностях таможенных органов снижении ущерба государству вследствие нарушения участниками внешнеэкономической деятельности таможенного законодательства.

В части непосредственного снижения ущерба государству в процессе таможенного контроля она достигается рациональным выбором объектов для углубленного таможенного контроля, установлением и проведением необходимой совокупности мероприятий углубленного контроля. Этот выбор обеспечивается действующей системой профилей рисков.

В части латентного эффекта указанная цель достигается уменьшением ущерба вследствие обусловленного эффективным функционированием СУР снижения склонности участников внешнеэкономической деятельности к нарушению таможенного законодательства. При этом, чем более эффективно функционирует СУР, тем ниже склонность участников внешнеэкономической деятельности к нарушению таможенного законодательства.

Особенность нарушений таможенного законодательства и обусловленного ими ущерба государству состоит в том, что они скрыты от непосредственного наблюдения и могут быть в полной мере выявлены только в результате тотального контроля перемещаемых через таможенную границу товарных партий. Вследствие невозможности такого контроля исходная информация для оценивания эффективности функционирования СУР исчерпывается данными контроля товарных партий, подвергнутых углубленному таможенному контролю на основании обычных и «случайного» профилей риска.

Введем обозначения:

$W_1(T)$ — множество товарных партий перемещенных через таможенную границу за период времени $[t, t+T]$;

$N_1(T)$ — мощность (количество элементов) множества $W_1(T)$;

$W_2(T)$ — множество товарных партий из $W_1(T)$, подвергнутых за период времени $[t, t+T]$ углубленному таможенному контролю на основании «обычных» профилей рисков;

$N_2(T)$ — мощность множества $W_2(T)$;

$W_3(T)$ — множество товарных партий из $W_1(T)$, подвергнутых за период времени $[t, t+T]$ углубленному таможенному контролю на основании «случайного» профиля рисков;

$N_3(T)$ — мощность множества $W_3(T)$;

$u_n(T)$ — снижение ущерба государству, вследствие мероприятий углубленного таможенного контроля в отношении n -й товарной партии из множества $W_3(T)$;

$W_3(t)$ — множество товарных партий, подвергнутых за период времени $[t_0, t]$ углубленному таможенному контролю на основании «случайного» профиля рисков;

$N_3(t)$ — мощность множества $W_3(t)$;

$u_n(t)$ — снижение ущерба государству, вследствие мероприятий углубленного таможенного контроля в отношении n -й товарной партии из множества $W_3(t)$.

С учетом принятых обозначений, множество товарных партий из $W_1(t)$ подвергнутых за период времени $[t, t+T]$ углубленному таможенному контролю определяется соотношением:

$$W(T) = W_2(T) \cup W_3(T). \quad (1)$$

Мощность этого множества равна:

$$N(T) = N_2(T) + N_3(T). \quad (2)$$

Множество товарных партий, перемещенных через таможенную границу без проведения углубленного таможенного контроля, определяется соотношением

$$W_4(T) = W_1(T) - W(T). \quad (3)$$

Его мощность равна

$$N_4(T) = N_1(T) - N(T). \quad (4)$$

Исходная информация для оценивания эффективности функционирования СУР исчерпывается знанием множеств $W_1(T)$, $W_2(T)$, $W_3(T)$, $W_3(t)$, $W_4(T)$, $W(T)$ и величин

$$u_n(T): n \in W(T), \quad (5)$$

$$u_n(t): n \in W(t). \quad (6)$$

Положим, что величины $u_n(T)$, $u_n(t)$ отражают стоимость предотвращенного ущерба (например, объем доначисленных по результатам углубленного таможенного контроля таможенных платежей). Тогда эффект функционирования СУР за период времени $[t, t+T]$ определяется соотношением:

$$U(T) = \sum_{n \in W(T)} u_n(T) + L(T), \quad (7)$$

где $\sum_{n \in W(T)} u_n(T)$ — непосредственное снижение за период времени $[t, t+T]$

ущерба государству вследствие выявленных в результате функционирования СУР нарушений таможенного законодательства;

$L(T)$ — латентное снижение за период времени $[t, t+T]$ ущерба государству вследствие функционирования СУР.

Будем полагать, что $u_n(T)$, $u_n(t)$ являются нормально распределенными случайными величинами. Тогда [15, 16, 17] латентный эффект $L(t)$ функционирования СУР определяется соотношением

$$L(T) = N_4(T)[\bar{u}(t) - \bar{u}(T)], \quad (8)$$

где $\bar{u}(t)$ — математическое ожидание ущерба государству при перемещении в период времени $[t_0, t]$, непосредственно предшествующий периоду $[t, T]$, через таможенную границу одной товарной партии;

$\bar{u}(T)$ - математическое ожидание ущерба государству при перемещении в период времени $[t, t+T]$ через таможенную границу одной товарной партии.

В имеющейся информационной ситуации величины $\bar{u}(t)$, $\bar{u}(T)$ могут определяться на основе соотношений

$$\bar{u}(t) \approx \frac{1}{N_3(t)} \sum_{n \in W_3(t)} u_n(t), \quad (9)$$

$$\bar{u}(T) \approx \frac{1}{N_3(T)} \sum_{n \in W_3(T)} u_n(T). \quad (10)$$

С учетом (7) и указанной ранее цели функционирования СУР ее эффективность определяется соотношением [18, 19, 20]

$$E(T) = \frac{U(T)}{U(T) + G(T)}, \quad (11)$$

где $G(T)$ — ущерб государству, обусловленный не вскрытыми СУР за период времени $[t, t+T]$ нарушениями таможенного законодательства.

Величина $G(T)$ в (11) при принятом предположении о нормальности распределения вероятностей случайных величин $u_n(T)$: $n \in W(T)$ определяется соотношением

$$G(T) = N_4(T) \bar{u}(T). \quad (12)$$

Таким образом, определены все величины, входящие в соотношение (11), отражающее эффективность функционирования СУР.

В целом полученные соотношения (1) — (12) отражают суть методики оценивания эффективности функционирования СУР таможенных органов Российской Федерации. В зависимости от состава множеств $W_1(T)$, $W_2(T)$, $W_3(T)$, $W_3(t)$, $W_4(T)$, $W(T)$ они позволяют оценивать эффективность ее функционирования как на уровне Федеральной таможенной службы в целом, так и на уровне отдельных таможенных органов.

Список литературы

1. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Богоева Е. М. Формализация процедуры риск-ориентированного подхода при выполнении государственными

органами контрольных функций // Вестник Российской таможенной академии. 2014. № 4. — С. 96–102

2. Анисимов Е. Г., Анисимов В. Г., Богоева Е. М., Гарькушев А. Ю., Сазыкин А. М. Основы построения моделей интеллектуализации в системах безопасности // Вопросы оборонной техники. Серия 16: технические средства противодействия терроризму. 2014. №9–10. — С. 22–27.

3. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Капитоненко В. В. Экономико-математические методы и модели в мирохозяйственных связях: учебник. — Москва: изд. Российской таможенной академии. 2011. — 179 с.

4. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Арсланов Р. Ф., Арсланова А. П., Богоева Е. М., Голоскоков В. И., Липатова Н. Г., Попов В. В., Сауренко Т. Н., Тебекин А. В. Экономический и таможенный риск-менеджмент: монография. — М.: РИО Российской таможенной академии, 2015. — 180 с.

5. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Богоева Е. М., Сауренко Т. Н., Гарькушев А. Ю. Методологические основы построения показателей эффективности контрольной деятельности органов государственной власти// Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2015. № 3–4. — С. 17–20.

6. Анисимов Е. Г., Арсланов Р. Ф., Арсланова А. П., Афонин П. Н., Кожуханов Н. М., Липатова Н. Г., Попов В. В., Сомов Ю. И. Теоретические основы применения системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации/Научно-методическое пособие. — М.: Изд-во Российской таможенной академии. 2015. — 282 с.

7. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Ведерников Ю. В., Матросов В. В., Черныш А. Я. Модели и методы решения задач управления инновационными проектами. — М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2009. — 92 с.

8. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Кежаев В. А., Свертилов Н. И., Шатохин Д. В. Методы и модели стандартизации и унификации в управлении развитием военно-технических систем. — Москва: Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, 2004. — 279 с.

9. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Быстров А. Г., Лобас Е. В. Метод оценивания обоснованности управленческих решений // Вестник Российской таможенной академии. 2008. № 2. — С. 103–106.

10. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Ботвин Г. А., Черныш А. Я., Чечеватов А. В. Анализ и оценивание эффективности инвестиционных проектов в условиях неопределенности. — Москва: Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации. 2006. — 288 с.

11. Ильин И. В., Суомалайнен Ю. С. Разработка методики оценки инвестиционных проектов на основе метода реальных опционов и теории нечетких множеств // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2009. № 6–2 (90). — С. 114–119.

12. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г. Математические модели и методы в управлении развитием сложных технических систем. — СПб.: Изд-во «Политехника». 2004. — 280 с.

13. Силкина Г. Ю., Юрьев В. Н. Экономико-математическое моделирование в принятии инновационных решений // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 3. — С. 43–53.

14. Маслаков М. Д., Черных А. К. Об одном подходе к оценке эффективности математических моделей // Проблемы управления рисками в техно сфере. — 2013. № 3 (27). — С. 67–73.

15. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Мартыщенко Л. А., Шатохин Д. В. Методы оперативного статистического анализа результатов выборочного контроля качества промышленной продукции. Международная академия информатизации. — Санкт-Петербург, Тула, 2001. — 72 с.

16. Авдеев М. М., Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Мартыщенко Л. А., Шатохин Д. В. Информационно-статистические методы в управлении микроэкономическими системами. Международная академия информатизации. Санкт-Петербург; Тула. 2001. — 139 с.

17. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Ботвин Г. А. Инвестиционный анализ в условиях неопределенности. — Санкт-Петербург. 2006. — 288 с.
18. Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Герцев В. Н. Оценивание эффективности системы ракетно-артиллерийского вооружения ракетных войск и артиллерии // Военная мысль. 2001. № 4. — С. 39–46.
19. Изотов А. В., Ростова О. В. Оценка инвестиционной привлекательности регионов с использованием статистических методов// В сборнике: Современные технологии управления — 2014: сборник материалов международной научной конференции. — Киров, 2014. — С. 967–978.
20. Ильин И. В., Лемякин Е. Д. Использование реальных опционов при моделировании и оценке экономической динамики предприятия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2007. № 3–1 (51). — С. 121–126.

References

1. Anisimov V.G., Anisimov E.G., Bogoeva E.M. Formalizacija procedury risk-orientirovannogo podhoda pri vypolnenii gosudarstvennymi organami kontrol'nyh funkcij // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2014. № 4. — p. 96–102 (*in Russian*)
2. Anisimov E. G., Anisimov V. G., Bogoeva E. M., Gar'kushev A. Ju., Sazykin A. M. Osnovy postroeniya modelej intellektualizacii v sistemah bezopasnosti // Voprosy oboronnoj tehniki. Serija 16: tehicheskie sredstva protivodejstvija terrorizmu. 2014. №9–10. — p. 22–27. (*in Russian*)
3. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Kapitonenko V. V. Jekonomiko-matematicheskie metody i modeli v mirohozjajstvennyh svjazjah: uchebnik. — Moskva: izd. Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2011. — 179 p. (*in Russian*)
4. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Arslanov R. F., Arslanova A. P., Bogoeva E. M., Goloskokov V. I., Lipatova N. G., Popov V. V., Saurenko T. N., Tebekin A.V. Jekonomicheskij i tamozhennyj risk-menenedzhment: monografija. — M.: RIO Rossijskoj tamozhennoj akademii, 2015. — 180 p. (*in Russian*)

5. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Bogoeva E. M., Saurenko T. N., Gar'kushev A. Ju. Metodologicheskie osnovy postroenija pokazatelej jeffektivnosti kontrol'noj dejatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti// Voprosy oboronnoj tehniki. Serija 16: Tehnicheskie sredstva protivodejstvija terrorizmu. 2015. № 3–4. — p. 17–20. (*in Russian*)

6. Anisimov E. G., Arslanov R. F., Arslanova A. P., Afonin P. N., Kozhuhanov N. M., Lipatova N. G., Popov V. V., Somov Ju. I. Teoreticheskie osnovy primeneniya sistemy upravlenija riskami v tamozhennoj sluzhbe Rossijskoj Federacii/Nauchno-metodicheskoe posobie. — M.: Izd-vo Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2015. — 282 p. (*in Russian*)

7. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Vedernikov Ju. V., Matrosov V. V., Chernysh A. Ja. Modeli i metody reshenija zadach upravlenija innovacionnymi proektami. — M.: Izd-vo Rossijskoj tamozhennoj akademii, 2009. — 92 p. (*in Russian*)

8. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Kezhaev V. A., Svertilov N. I., Shatohin D. V. Metody i modeli standartizacii i unifikacii v upravlenii razvitiem voenno-tehnicheskikh sistem. — Moskva: Voennaja akademija General'nogo shtaba Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii, 2004. — 279 p. (*in Russian*)

9. Anisimov V. G., Anisimov E. G., Bystrov A. G., Lobas E. V. Metod ocenivaniya obosnovannosti upravlencheskih reshenij // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2008. № 2. — p. 103–106. (*in Russian*)

10. Anisimov V.G., Anisimov E.G., Botvin G.A., Chernysh A.Ja., Chechevatov A.V. Analiz i ocenivanie jeffektivnosti investicionnyh proektov v uslovijah neopredelennosti. — Moskva: Voennaja akademija General'nogo shtaba Vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii. 2006. — 288 p. (*in Russian*)

11. Il'in I. V., Suomalajnen Ju. S. Razrabotka metodiki ocenki investicionnyh proektov na osnove metoda real'nyh opcionov i teorii nechetkih mnozhestv // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Jekonomicheskie nauki. 2009. № 6-2 (90). — p. 114–119. (*in Russian*)

12. Anisimov V.G., Anisimov E.G. Matematicheskie modeli i metody v upravlenii razvitiem slozhnyh tehniceskikh sistem. — SPb.: Izd-vo «Politehnika». 2004. — 280 p. (*in Russian*)
13. Silkina G.Ju., Jur'ev V.N. Jekonomiko-matematicheskoe modelirovanie v prinjatii innovacionnyh reshenij // Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2014. № 3. — p. 43–53. (*in Russian*)
14. Maslakov M.D., Chernyh A.K. Ob odnom podhode k ocenke jeffektivnosti matematicheskikh modelej // Problemy upravlenija riskami v tehno sfere. — 2013. № 3 (27). — p. 67–73. (*in Russian*)
15. Anisimov V.G., Anisimov E.G., Martyshhenko L.A., Shatohin D.V. Metody operativnogo statisticheskogo analiza rezul'tatov vyborochnogo kontrolja kachestva promyshlennoj produkcii. Mezhdunarodnaja akademija informatizacii. — Sankt-Peterburg, Tula, 2001. — 72 p. (*in Russian*)
16. Avdeev M.M., Anisimov V.G., Anisimov E.G., Martyshhenko L.A., Shatohin D.V. Informacionno-statisticheskie metody v upravlenii mikrojekonomicheskimi sistemami. Mezhdunarodnaja akademija informatizacii. Sankt-Peterburg; Tula. 2001. — 139 p. (*in Russian*)
17. Anisimov V.G., Anisimov E.G. Botvin G.A. Investicionnyj analiz v uslovijah neopredelennosti. — Sankt-Peterburg. 2006. — 288 s.
18. Anisimov V.G., Anisimov E.G., Gercev V.N. Ocenivanie jeffektivnosti sistemy raketno-artillerijskogo vooruzhenija raketnyh vojsk i artillerii // Voennaja mysl'. 2001. № 4. — p. 39–46. (*in Russian*)
19. Izotov A.V., Rostova O.V. Ocenka investicionnoj privlekatel'nosti regionov s ispol'zovaniem statisticheskikh metodov// V sbornike: Sovremennye tehnologii upravlenija — 2014: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. — Kirov, 2014. — p. 967–978. (*in Russian*)
20. Il'in I.V., Lemjakin E.D. Ispol'zovanie real'nyh opcionov pri modelirovanii i ocenke jekonomicheskoi dinamiki predprijatija // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Jekonomicheskie nauki. 2007. № 3-1 (51). — p. 121–126. (*in Russian*)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.2

Везиров Тимур Гаджиевич

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала

Коренькина Татьяна Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

СРЕДСТВА ИНФОРМАТИЗАЦИИ И КОММУНИКАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена роли и места средств информатизации и коммуникации в подготовке бакалавров педагогического образования. Подчеркивается, что их реализация повышает продуктивность усвоения учебного материала за счет стимулирования интереса обучаемых с использованием электронных учебных курсов, предъявления более высокого объема информации, предусматривающего увеличение скорости ее переработки и усвоения; расширения круга субъектов, участвующих в образовательном пространстве, благодаря применению дистанционных образовательных технологий и средств электронного обучения.

Ключевые слова: средства информатизации и коммуникации, образовательное пространство, подготовка бакалавров, электронные учебные курсы, дистанционные образовательные технологии, электронное обучение, мультимедийные презентации, информационно-коммуникационная среда.

Timur Vezirov

Doctor of pedagogical sciences, professor
Professor of department of a technique of teaching mathematics and informatics Dagestan state pedagogical university, Makhachkala

Tatyana Korenyakina

Ph.D. (Pedagogy science),
Associate professor of preschool and primary education Astrakhan state university

MEANS OF INFORMATIZATION AND COMMUNICATION IN TRAINING OF BACHELORS OF PEDAGOGICAL EDUCATION

Article is devoted roles and places of means of informatization and communication in training of bachelors of pedagogical education. It is emphasized that their realization increases efficiency of assimilation of a training material due to stimulation of interest of the electronic training courses trained with use, presentation of higher volume of information providing increase in speed of her processing and assimilation; expansions of a circle of the subjects participating in educational space thanks to application of remote educational technologies and means of electronic training.

Keywords: means of informatization and communication, the educational space, training of bachelors, electronic training courses, remote educational technologies, electronic training, the multimedia presentations, information and communication environment.

Проблема использования средств информатизации и коммуникации в процессе обучения студентов бакалавриата крайне актуальна, т. к. невозможно представить организацию современного учебно-воспитательного процесса вуза без стимулирования интереса обучающихся с помощью разнообразных средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ).

В монографии [4] И. В. Роберт под средства ИКТ определяет, как программные, программно-аппаратные и технические средства и устройства, функционирующие на базе микропроцессорной, вычислительной техники, а также современных средств и систем транслирования информации, информационного обмена, обеспечивающие операции по сбору, продуцированию, накоплению, хранению, обработке, передаче информации и возможность доступа к информационным ресурсам локальных и глобальной компьютерных сетей.

В этой же работе средства информатизации и коммуникации определяют, как средства ИКТ, используемые вместе с учебно-методическими, нормативно-техническими и организационно-инструктивными материалами, обеспечивающими реализации оптимальной технологии их педагогического использования [4].

Одним из таких средств является электронный учебный курс, представляющий собой, по мнению И. Г. Захаровой, учебные материалы, структурированные особым образом и записанные на магнитные носители или доступные через компьютерную сеть (локальную или Интернет) [2].

Применение средств информатизации и коммуникации в образовательном пространстве высшего учебного заведения традиционно сводится к двум основным направлениям. Первое состоит в использовании возможностей этих средств для увеличения доступности образования, что осуществляется путём включения в систему образования тех лиц, для которых иной способ может быть вообще недоступен — через дистанционные образовательные технологии и средства электронного обучения. Второе направление предполагает использование средств ИКТ для изменения того, чему учить и как учить, т. е. содержания и способов обучения.

Для того чтобы, эти направления могли осуществляться, необходимо создание общей, информационной образовательной среды вуза. Безусловно, это и *Internet*-библиотеки с наглядным и доступным для обучающихся структурированным предоставлением информации, использование мультимедийных средств, электронных ресурсов, представленных электронными учебниками и электронными учебно-методическими комплексами. Все это открывает широкие возможности для обучения, но при этом обучаемые должны быть подготовлены к пользованию указанным арсеналом средств. Следовательно, важна перестройка учебно-образовательного процесса, с тем чтобы уже на первом этапе студенты получали знания и умения использования электронных учебных курсов на уровне уверенных пользователей. С другой стороны, возникает и трудность в

том, что в современном информационном пространстве Интернета имеется огромное количество информации, которая представлена для пользования в открытом доступе, но может быть ошибочной, так как представляет лишь точку зрения конкретного автора, или просто недобросовестной, когда используется материал без согласования с автором.

Преподаватель должен помочь обучаемому не только разобраться в значительном объеме бесполезной, неверной информации, отобрать крупинцы именно той, которая нужна, но и повысить его ответственность за пользование ресурсами, т.е. организовать их деятельность в образовательном пространстве с использованием дистанционных образовательных технологий и электронного обучения.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» в статье 16 «Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» отмечается, что «под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредственном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [5, с.30].

Развитие и совершенствование автоматизированных систем управления образовательным процессом в направлении интеграции технических, программных и программно-аппаратных средств ИКТ создают условия для формирования и функционирования сетевого пространства, в частности единой информационно-коммуникационной среды в сфере образования.

С. В. Панюкова информационно-коммуникационную среду определяет как совокупность условий, обеспечивающих осуществление деятельности пользователя с информационным ресурсом с помощью интерактивных средств ИКТ и взаимодействующих с ним как с субъектом информационного общения и личностью [3].

В качестве системы управления обучением нами выбрана среда LMS Moodle, включающая электронные учебные курсы в составе СКИФ — сайт портала дистанционного обучения Донского государственного технического университета, синхронное и асинхронное общение студентов с преподавателем.

В настоящее время нами в образовательном пространстве Астраханского государственного университета и Дагестанского государственного педагогического университета используются электронные учебные курсы по различным дисциплинам.

Работая с электронным учебным курсом, содержащим тестовые задания, студент может получить моментальную информацию о собственном уровне усвоения материала и тут же с помощью методического материала компенсировать недостаток знаний.

Современный электронный учебный курс размещается на специализированном образовательном Web-сервере учебного заведения и серверах отдельных подразделений, представляющих различные учебно-методические, демонстрационные и обзорные материалы.

В учебном процессе бакалавриата факультета математики, физики и информатики Дагестанского государственного педагогического университета используются электронные учебные курсы, разработанные совместно со студентами и преподавателями и размещены в образовательном web-сайте факультета, а также на сайте дистанционного и электронного обучения Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону) (<http://skif.donstu.edu.ru>) в разделе «Дагестанский государственный педагогический университет»

Безусловно огромное значение имеет использование мультимедийного оборудования. Мультимедиа (multi — много, media — среда) — богатейший арсенал способов иллюстрации изучаемого явления. Продукты мультимедиа представляют собой многообразные разновидности информации: компьютерные данные, теле- и видеоинформацию, речь и музыку. Такое объединение ведет к использованию разнообразных технических устройств регистрации и воспроизведения информации, допускающих управление от компьютера телевизором, видеомагнитофоном, HiFi-аудиосистемой, проигрывателем компакт-дисков (CD), магнитофоном и электронными музыкальными инструментами. Мультимедиа-средства по своей природе интерактивны, то есть зритель и слушатель мультимедиа-продуктов не остается пассивным.

Как отмечают авторы монографии [1] Т. Г. Везиров и А. В. Бабаян, мультимедиа повышает качество обучения и позволяет удерживать внимание обучаемого

Мультимедийные презентации, разработанные нами по дисциплине «История образования», которые используются в учебном процессе бакалавриата ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» по направлению подготовки «Педагогическое образование» позволяют воссоздать атмосферу эпохи посредством фото (архивные материалы), музыку, что, безусловно, «погружает» в материал и активизирует интерес. Использование презентации на занятиях педагогического цикла позволяет сравнить преимущество той или иной технологии обучения, стимулировать студента отстаивать собственную позицию в учебном диалоге на основе представленных материалов.

Подготовка самими студентами презентации к практическому занятию, учит кратко систематизировать достаточно большой объем информации и при этом его иллюстрировать. Если мультимедийная презентация готовится студентом для детей (дошкольного, младшего школьного возраста) и представляется на занятии, то преподаватель не только оценивает степень

владения материалом, но и понимание методических принципов при осуществлении процесса воспитания и обучения детей.

В качестве эффективных вариантов современных технологий использования на занятии может рассматриваться «кейс метод» (разработанная американскими учеными методика преподавания на основе конкретных ситуаций (case-method), где студентам предлагается не только текстовый материал, но и фотографии, рисунки. Очень эффективно применение данного метода при изучении дисциплины «История образования», или при выборе оптимальной наглядности в качестве средства обучения при изучении педагогики начального образования; предложение произвести отбор соответствующих игр и игрушек при изучении дошкольной педагогики.

Для того, чтобы занятия с использованием средств информатизации и коммуникации в образовательном пространстве вуза были эффективными важно владение, как мы уже подчеркивали, умениями вводить и редактировать информацию (текстовую, графическую), пользоваться дистанционными образовательными технологиями и средствами электронного обучения, обрабатывать получаемые количественные данные с помощью программ электронных таблиц, пользоваться базами данных, распечатывать информацию на принтере; самостоятельно интегрировать ранее полученные знания по разным учебным предметам для решения познавательных задач, содержащихся в телекоммуникационном проекте и т.д.

Соответственно, образовательное пространство вуза представляет открытую систему, достаточно гибкую, ориентируемую на потребности различного контингента обучающихся и благодаря средствам информатизации и коммуникации, позволяющую получать большой объем информации, необходимый и достаточный для удовлетворения запросов рынка образовательных услуг.

Список литературы

1. Везиров Т. Г., Бабаян А. В. Профессиональная подготовка магистров педагогического образования средствами электронного обучения. Монография. Ульяновск: Зебра, 2015. 140 p.

2. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании: учеб.пособие для студ.высш.учеб.заведений / И. Г. Захарова. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 192 с.

3. Панюкова С. В. Использование информационных и коммуникационных технологий в образовании: учеб.пособие для студ.высш.учеб.заведений / С. В. Панюкова. М.: Издательский центр «Академия», 2010. — 224 с.

4. Роберт И. В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты) / И. В. Роберт. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. — 398 с.

5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». — М.: Эксмо, 2014. — 208 с.

References

1. Vezirov T. G., Babayan A. V. Vocational training of masters of pedagogical education means of electronic training. Monograph. Ulyanovsk: Zebra, 2015. 140 p. (*in Russian*)

2. Zakharova I. G. Information technologies in education: ucheb.posoby for stud.vyssh.ucheb.zavedeniye / I. G. Zakharova. — M.: Publishing center "Akademiya", 2008. — 192 p. (*in Russian*)

3. Panyukova S. V. Use of information and communication technologies in education: ucheb.posoby for stud.vyssh.ucheb.zavedeniye / S. V. Panyukova. M.: Publishing center "Akademiya", 2010. — 224 p. (*in Russian*)

4. Robert I. V. Theory and technique of informatization of education (psychology and pedagogical and technological aspects) / I. V. Robert. — M.: BINOMIAL. Laboratoryofknowledge, 2014. — 398 p. (*in Russian*)

5. The federal law "About education in the Russian Federation". — M.: Eksmo, 2014. — 208 p. (*in Russian*)

УДК 37.018.2

Чистякова Наталия Николаевна

Кандидат педагогических наук

Доцент, ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

Лашкова Галина Николаевна

Старший преподаватель

ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

ФОРМИРОВАНИЕ У БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИКИ (НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ — НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ) ГОТОВНОСТИ К ВОСПИТАНИЮ ПАТРИОТИЗМА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматриваются проблемы подготовки бакалавров педагогики к воспитанию у младших школьников патриотизма. Дано теоретическое обоснование проблемы формирования готовности к воспитанию патриотизма, представлены результаты эмпирического исследования (констатирующего эксперимента) и направления дальнейшей работы по совершенствованию методологии в указанной предметной области исследования.

Ключевые слова: готовность, профессиональная деятельность, компоненты готовности, патриотизм, воспитание патриотизма.

Natalia Chistyakova

Associate professor

Cherepovets state university

Russian Federation, Cherepovets

Galina Lashkova

Senior teacher

FGBOU VPO "Cherepovets state university"

Russian Federation, Cherepovets

FORMATION AT BACHELORS OF PEDAGOGICS (THE DIRECTION OF PREPARATION — PRIMARY EDUCATION) READINESS FOR FOSTERING PATRIOTISM OF YOUNGER SCHOOL STUDENTS

The article examines problems of training of bachelors of pedagogy to the education of Junior schoolchildren patriotism. The theoretical substantiation of the problem of formation of readiness for patriotism, presented the results of empirical research (the ascertaining experiment) and directions for future work on improving the methodology in the specified subject area of research.

Keywords: readiness, professional activity, readiness components, patriotism, fostering patriotism.

В соответствии с требованиями ФГОС НОО к воспитанию духовно-нравственных ценностей учащихся, в связи с многонациональностью состава обучающихся в школах актуальным является формирование готовности бакалавров педагогики (направление подготовки — начальное образование) к воспитанию патриотизма у младших школьников.

В процессе подготовки бакалавров к профессиональной деятельности необходимо искать наиболее оптимальные пути решения указанной проблемы (диагностика, планирование работы, использование эффективных методов и приемов воспитания и обучения и др.)

Категорию «готовность» мы рассматриваем как конечный продукт профессиональной подготовки педагогической деятельности; как состояние и качество профессионала и как условие его включения в педагогическую деятельность.

По определению А. Н. Леонтьева, «деятельность — это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие» [4, с. 65]. В структуре человеческой деятельности А. Н. Леонтьев выделяет следующие составляющие: потребность, мотив, цель, условие достижения цели, действие, операции.

Как отмечал В. В. Давыдов, «каждый вид деятельности имеет вполне определенное содержание своих потребностей, мотивов, задач и действий» [2, с. 21]. Так, в профессиональной деятельности учителя начальных классов мотивом включения в педагогическую деятельность может быть потребность

в достижении успеха, самореализации и профессиональном саморазвитии. В процессе педагогической деятельности возникает необходимость решения задач по определению целей образования, воспитания и развития обучающихся, планированию работы, оценки эффективности технологий, методов и приемов, поиску средств активизации познавательной и самостоятельной деятельности обучающихся, разработки и внедрению в свою профессиональную деятельность новых технологий и т. д. Решение поставленных задач требует выполнения соответствующих операций.

Такой подход к педагогической деятельности будущего учителя начальных классов позволяет выделить следующие компоненты готовности: когнитивный, мотивационный, ориентировочный, технологический.

Когнитивный компонент готовности — это совокупность знаний и понятий, которые необходимы педагогу, чтобы ставить и решать педагогические задачи в своей профессиональной деятельности.

Мотивационный компонент готовности — это направленность будущего учителя на развитие своих профессиональных способностей и на достижение более высоких результатов.

Ориентировочный компонент готовности — это совокупность умений (ставить задачи, планировать, выбирать адекватные методы, оценивать качество), обеспечивающих выявление потребности в знаниях.

Технологический компонент готовности — это совокупность умений выполнять действия, необходимые для решения педагогических задач.

Названные компоненты готовности к педагогической деятельности могут служить основой формирования у бакалавров готовности к воспитанию патриотизма младших школьников.

Современная школа является наиболее устойчивым институтом социализации личности, в котором учащиеся приобретают необходимую для полноценной гражданской жизни систему знаний, способов деятельности, ценностных ориентаций, образцов поведения.

Проблема патриотического воспитания личности всегда была в центре исследования философов, социологов, психологов, педагогов, которые рассматривали ее в соответствии с общей тенденцией развития общества и государства. Вопросы формирования гражданственности и патриотизма, гражданского становления личности школьника освещались в работах классиков отечественной педагогики К. Д. Ушинского, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского и др.

На современном этапе данное направление разрабатывается в исследованиях И. В. Следзевского, Н. Ю. Синягиной, Л. В. Кузнецовой, Е. Е. Вяземского, Т. М. Толкачевой, С. В. Колотий и др.

Следует отметить, что большинство исследований, посвященных проблеме патриотического воспитания, раскрывают особенности формирования гражданственности в подростковом и юношеском возрасте, а возможности младшего школьного возраста в становлении гражданского самосознания подрастающего поколения остаются малоизученными.

Специфика патриотического воспитания заключается в том, что оно приобщает ребенка к коллективному целому — народу, национально-государственной общности, локально-региональному сообществу. Дети с раннего возраста должны освоить ценности общества, в котором живут, знать свои права и обязанности и уважать права других. Необходимо не только передавать знания, но и формировать определенное мировоззрение. В условиях внедрения ФГОС НОО патриотическое воспитание младших школьников направлено на формирование у них идентичности гражданина России, основ социально ответственного поведения в обществе и в семье.

Понятие «патриотизм» рассматривается как «осознание своего «Я» как гражданина России, чувство сопричастности и гордости за свою Родину, народ и историю, осознание ответственности человека за общее благополучие, осознание своей этнической принадлежности.

Осознание младшим школьником своего «Я» как гражданина России включает несколько взаимосвязанных ступеней: понимание своей значимости в

жизни семьи, школьного коллектива, города (села, деревни), области (края), страны.

Формирование патриотизма призвано обеспечить интеграцию, единство и целостность самосознания личности как гражданина поликультурного общества на основе присвоения системы общечеловеческих нравственных ценностей, свободу его самовыражения на основе учета многообразия социальных установок и норм.

Патриотизм — это ценностное и деятельностное отношение личности к Отечеству, отражающее связь с определенным пространственно-временным, социокультурным, национально-государственным континуумом. Патриотизм выступает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, социальной группы, общности, осознающих свою нераздельную связь с Отечеством, реализующих социокультурную значимость Отечества в своей деятельности. В таком понимании патриотизм выступает как важнейший компонент общенациональной идеи и основание для формирования позитивной гражданской идентичности.

В современной науке есть разные мнения по вопросу о сущности патриотизма. Некоторые философы (Н. И. Матюшкин, М. В. Митин, П. М. Рогачёв и др.) определяют патриотизм как высшее нравственное чувство. В педагогических исследованиях ряд ученых (Н. И. Болдырев, Н. К. Гончаров, И. П. Тугаев) считают патриотизм политическим принципом. К нравственным качествам относят патриотизм В. В. Белоусов, А. Н. Выршиков, Д. Н. Щербаков, Н. Е. Щуркова. Однако большинство педагогов (Н. П. Егоров, Л. Р. Болотина, А. К. Быков, Т. А. Ильина, Т. Н. Мальковская, И. С. Марьенко, Р. А. Полуянова, Ю. П. Сокольников) определяют патриотизм как сложное нравственное качество. Такое множество мнений обусловлено сложностью рассматриваемого явления. Исходя из этого, необходимо уточнить сущность и содержание патриотизма, так как эффективность патриотического воспитания зависит от точного определения исходных понятий и положений.

В философском словаре дается следующее истолкование понятия «патриотизм» (от греч. *patris* — отечество): «это нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины» [6, с. 483].

Большой энциклопедический словарь определяет «патриотизм» как «любовь к Родине; привязанность к месту своего рождения, месту жительства» [1].

Патриотизм предполагает переживания личностью своего отношения к Родине, Отечеству, осознание своего патриотического долга, а также стремление к его реализации. Таким образом, рассматривая патриотизм, на наш взгляд, необходимо остановиться на базовых, глубинных и наиболее устойчивых элементах, выраженных в таких понятиях, как «Отечество» и «Родина». Анализ литературы показывает, что понятие «Родина» можно понимать как территорию, географическое пространство, где человек родился; социальную и духовную среду, в которой он вырос, живет и воспитывается. Условно различают большую и малую Родину. Под большой Родиной подразумевают страну, где человек вырос, живет, и которая для него стала родной и близкой. Малая Родина — это место рождения и становления человека как личности. Малая и большая Родина предстает в сознании человека как совокупность образов, отражающих картины природы и культуры, истории и современности. В педагогической литературе отмечается, что патриотизм проявляется в понимании личностью гражданского долга, в самоотверженном труде во имя укрепления Родины.

По мнению Н. Д. Никандрова, патриотизм всегда конкретен, направлен на реальные объекты. Деятельная сторона патриотизма является определяющей, именно она способна преобразовать чувственное начало в конкретные для Отечества и государства дела и поступки [5, с. 246].

И. Ф. Харламов рассматривает патриотизм как взаимосвязанную совокупность нравственных чувств и черт поведения, включающую любовь к Родине, активный труд на благо Родины, следование и умножение трудовых

традиций народа, бережное отношение к историческим памятникам и обычаям родной страны, привязанность и любовь к родным местам, стремление к укреплению чести и достоинства Родины, готовность и умение защищать ее, воинскую храбрость, мужество и самоотверженность, братство и дружбу народов, нетерпимость к расовой и национальной неприязни, уважение обычаев и культуры других стран и народов, стремление к сотрудничеству с ними [7].

Реализация содержания подготовки студентов к патриотическому воспитанию учащихся требует применения таких методов и приёмов педагогического воздействия, которые способствовали бы выработке активной позиции обучаемых. Известная педагогическая аксиома: «Только личность может воспитать личность» определяет необходимость реализации личностно ориентированного учебно-воспитательного процесса, направленного на создание условий для развития личности обучаемых.

Студенты вузов — взрослые люди с устоявшимися взглядами на жизнь, с вполне сложившимися характерами и психическими складами личности.

Задачей педагогов является укрепление того, чтобы эти устоявшиеся черты характера в подготовке в них чувства гражданского долга перед своим Отечеством, желание донести до сознания своих учеников усвоенное, стало их самоцелью.

В патриотическом воспитании учащихся, в подготовке будущих специалистов важнейшая роль отводится воспитанию их личностных качеств: принципиальности, развития памяти, гражданского долга, патриотических чувств. Необходимо формировать глубокую идейную убежденность, знание предмета, разностороннюю эрудицию и культуру речи.

Поскольку данная подготовка составляет элемент общей системы профессионально-педагогической подготовки студентов педвуза и отражает характерные особенности этой системы, при её организации необходимо учитывать общие принципы целостного педагогического процесса и учебно-воспитательного процесса в вузе. На основании анализа работ по данной проблеме выделена совокупность принципов, к которым относятся: научность,

системность и целостность, систематичность и последовательность, связь теории с практикой, взаимодействие общего, особенного и индивидуального в содержании и методах подготовки, единство образовательных, воспитательных и развивающих результатов обучения, оптимальное сочетание репродуктивной и продуктивной деятельности, создание положительного эмоционального фона и соответствующей характеру деятельности мотивации.

Кроме принципов, отражающих внешние закономерности и профессионально-педагогической подготовки будущих учителей, целесообразно выделить принципы, отражающие специфические закономерные связи подготовки студентов к патриотическому воспитанию учащихся. К ним следует отнести народность, единство дискретности и непрерывности. Данные принципы обусловлены сущностью и задачами гражданско-патриотического воспитания в современных условиях и особенностями подготовки студентов к данному направлению воспитательной работы на основе интегративно-деятельностного подхода.

Одним из принципов подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся является народность.

Принцип народности в подготовке студентов к патриотическому воспитанию учащихся предполагает использование в учебно-воспитательном процессе огромного опыта патриотического воспитания молодого поколения, накопленного народной педагогикой; знакомство с народными традициями, обычаями в воспитании учащихся; историей родного края и т. д. Обеспечение будущих учителей необходимыми знаниями создаёт базу для их успешной самостоятельной педагогической деятельности в школе.

Как показывает изучение материалов народной педагогики, реализация данного принципа в подготовке студентов к патриотическому воспитанию учащихся является необходимым условием эффективности формирования готовности будущих учителей к рассматриваемому направлению воспитательной работы. Правомерность выделения данного принципа обусловлена сущностью понятия «патриотизм», отражающего любовь народа к

своей Родине; особенностями патриотического воспитания в современных условиях, характеризующихся ростом национального самосознания народа, усилением внимания к истории, культуре и т. д. Другим специфическим принципом подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся является единство дискретности и непрерывности.

Единство прерывности и непрерывности характеризует также процесс развития различных явлений, систем. Непрерывность в развитии системы выражает ее относительную устойчивость, а прерывность выражает переход системы в новое качество.

Рассмотрение подготовки студентов к патриотическому воспитанию учащихся как сложной системы основано на принципе дискретности, обеспечивающей возможность сложного, внутренне дифференцированного строения явлений. Кроме того, дискретность составляет необходимое условие для того, чтобы каждый элемент данной структуры выполнял определенную функцию в составе целого. Выделение элементов, составляющих систему подготовки будущих учителей к гражданско-патриотическому воспитанию учащихся и выявление их функций, становится возможным на основе принципа дискретности.

Анализ подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся показывает, что его осуществление предполагает использование возможностей учебной и внеучебной деятельности, семьи и различных общественных институтов, что требует от учителя умений исследовать целостный педагогический процесс во всех взаимосвязях, решать задачи патриотического воспитания как составной его части на основе использования различных видов деятельности воспитанников, учёта влияния различных факторов, постоянного повышения уровня самообразования, объединения усилий всех участников воспитательного процесса.

В рамках указанной проблемы проводилось исследование, направленное на выявление уровня готовности бакалавров 2 и 3-х курсов по направлению подготовки — педагогическое образование, профиль — начальное образование.

В основу исследования положены указанные выше компоненты готовности бакалавров к профессиональной деятельности, связанной, в частности, с патриотическим воспитанием учащихся: мотивационный, ориентировочный, когнитивный и технологический.

Вышеуказанные компоненты позволили выявить уровни готовности будущих учителей начальных классов к воспитанию патриотизма у младших школьников (высокий, средний, ниже среднего, низкий).

Для выявления уровня воспитанности патриотизма у студентов были использованы следующие методики: Кто Я? (рассказ о себе); «Девиз» (создание своего личного герб и девиз, отражающие собственную гражданскую позицию, «Мое отношение к малой родине» (анкета).[3]

По данным трех методик был выявлен уровень сформированности патриотизма у будущих учителей начальных классов. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровни сформированности патриотизма у будущих учителей начальных классов (по данным констатирующего эксперимента)

Уровни	Методика 1	Методика 2	Методика 3	%
высокий	64	0	25	29,7
средний	32	0	65	32,3
ниже среднего	4	8	10	7,3
низкий	0	92	0	30,7
Итого	100	100	100	100

Таким образом, большинство (32,3 %) студентов обладают средним уровнем готовности к воспитанию патриотизма у младших школьников; 30,7% имеют низкий уровень; 29,7% — высокий и 7,3% — ниже среднего.

Возможными направлениями работы по проблеме исследования являются создание учебных курсов, модели формирования компетентности будущих учителей начальных классов к воспитанию патриотизма у обучающихся, программы «Я — гражданин России».

Эффективному формированию профессиональных компетенций студентов в условиях выполнения опытно-экспериментальной работы по заявленной проблеме будут способствовать следующие педагогические условия:

- организация жизнедеятельности учеников, учителей и руководителей на этнокультурном подходе;
- ведение диагностирования и контроля; наличие мониторинга воспитания патриотизма у младших школьников;
- наличие эффективной системы информационного обеспечения и коммуникаций, позволяющей эффективно управлять процессом воспитания патриотизма у обучающихся в начальной школе.

Реализация в процессе обучения бакалавров выделенных педагогических условий будет эффективно влиять на уровень подготовки будущих учителей к воспитанию патриотизма у младших школьников

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / Ред. А. М. Прохоров . — 2-е изд., перераб. и доп . — М. : Большая Российская энциклопедия, 2000.
2. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. — М.: Просвещение, 1996.
3. Ильинская И. В., Лашкова Г. Н., Чистякова Н. Н. «Воспитание патриотизма у младших школьников как одно из направлений подготовки будущих учителей начальной школы». Материалы I Всероссийской (заочной) научно-практической конференции (с международным участием); том 1 (секция «Общегуманитарные науки») / под общ. ред. А.И. Вострецова. — Нефтекамск: РИО ООО «Наука и образование», 2014. — С.56-59.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Просвещение, 2004.
5. Никандров Н. Д. Россия: ценности общества на рубеже XXI в. — М., 1997.

6. Философский словарь /Под ред. И. Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: «Республика», 2001.

7. Харламов И. Ф. Педагогика. — М.: Гардарики, 1999.

References

8. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar' / Red. A. M. Prohorov . — 2-e izd., pererab. i dop . — М. : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2000. (*in Russian*)

9. Davydov V.V. Teorija razvivajushhego obuchenija. — М.: Prosveshhenie, 1996. (*in Russian*)

10. Il'inskaja I.V., Lashkova G.N., Chistjakova N.N.. «Vospitanie patriotizma u mladshih shkol'nikov kak odno iz napravlenij podgotovki budushhih uchitelej nachal'noj shkoly». Materialy I Vserossijskoj (zaочноj) nauchno-prakticheskoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem); tom 1 (sekcija «Obshhegumanitarnye nauki») / pod obshh. red. A.I. Vostrecova. — Neftekamsk: RIO ООО «Nauka i obrazovanie», 2014. — p.56-59. (*in Russian*)

11. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. — М.: Prosveshhenie, 2004. (*in Russian*)

12. Nikandrov N. D. Rossija: cennosti obshhestva na rubezhe XXI v. — М., 1997. (*in Russian*)

13. Filosofskij slovar' /Pod red. I. T. Frolova. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: «Республика», 2001. (*in Russian*)

14. I. F. Harlamov. Pedagogika. — М.: Gardariki, 1999. (*in Russian*)

УДК 373.31

Карпенко Виктор Николаевич

Кандидат педагогических наук, доцент,
Кафедра теории и методики хореографического искусства
Белгородский государственный институт искусств и культуры

Шастун Анастасия Сергеевна

Магистрант кафедры теории и методики хореографического искусства

Карпенко Ирина Анатольевна

Доцент кафедры хореографического творчества
Белгородский государственный институт искусств и культуры

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ ХОРЕОГРАФИИ

В статье освещаются и обосновываются особенности формирования толерантности у детей младшего школьного возраста в процессе хореографической деятельности. Воспитание в духе толерантности следует рассматривать в качестве неотложной задачи современного российского общества.

Ключевые слова: народная хореография, толерантность, нравственное воспитание, педагогическая деятельность, творчество.

Victor Karpenko

Ph.D. (Pedagogy), Associate Professor
Associate Professor of theory and methodology of choreographic art chair
Belgorod State Institute of Arts and Culture

Anastasia Shastun

Graduate student of the Department of theory and methodology of
choreographic art chair, Belgorod State Institute of Arts and Culture

Irina Karpenko

Associate Professor of theory and methodology of choreographic art chair
Belgorod State Institute of Arts and Culture

**FEATURES OF TOLERANCE FORMATION FOR ELEMENTARY SCHOOL
CHILDREN BY OF CHOREOGRAPHY MEANS**

The article highlights the features and justified the formation of tolerance in children of primary school age in the process of choreographic work. Education for tolerance should be considered an urgent task of modern Russian society.

Keywords: folk dance, tolerance, moral education, teaching activities, creativity.

Мы живем в третьем тысячелетии, в век экономической глобализации и прогрессирующей мобильности, формирования средств массовой коммуникации, которые ведут к интернационализации, интеграции и взаимозависимости всех сторон человеческого существования, в век масштабных миграций населения, сосредоточения и преобразования социальной структуры.

В связи с изменениями среды обитания людей возникла необходимость выведения мышления молодого поколения человечества на новый уровень. Такие качества как толерантность, способность понимания, доброжелательность по отношению ко всем людям в мире должны способствовать формированию каждой личности [1, с. 23].

Значительная роль в этом процессе принадлежит учреждениям дополнительного образования, в деятельности которых реализуются идеи гуманизации, гуманитаризации и жизнотворчества воспитанников. Особую категорию воспитанников таких учреждений составляют дошкольники, активно осваивающие популярные программы раннего эстетического развития, среди которых, пожалуй, наибольшую востребованность составляют программы освоения танцевального искусства [2, с. 30].

Танцевальное искусство закладывает то духовное зерно, которое возрождает интерес к жизни в каждом человеке, вот поэтому элементы народной хореографии, изучаемые в учреждениях дополнительного образования, воспитывают этническую толерантность в детях младшего школьного возраста.

Актуальность научных исследований, посвященных толерантности, понятие само по себе очевидное. Появилась на свет ненависть ко всему непохожему, нетерпимость к людям, пользующимся незнакомым языком, имея необычный цвет кожи, придерживающихся другой системы ценностей. Нетерпимость, по мнению авторов, является ключевой причиной, под действием которой происходят террористические акты, преследуются национальные меньшинства и расширяется движение беженцев. К сожалению, данный социальный процесс стал в настоящее время повсеместным.

В наших интересах, интересах всего международного сотрудничества важно, чтобы не только отдельные люди, но и все нации стали относиться с уважением и признали культуру человеческого сообщества. Несмотря на процессы взаимодействия, происходящие в мире, культурные различия могут привести к непониманию и даже конфликтам, если учитывать, что, с одной стороны, мир все более становится единым на основе экономической, технологической, информационной интеграции. С другой стороны, усиление интеграции оказывает влияние на рост культурного самосознания, в результате чего складывается конгломерат различных по своей истории, языку, традициям, религии культурных пространств, которые развиваются и переплетаются друг с другом [4, с. 9]. Необходимым условием для мира и социально-экономического развития, является толерантность.

В целом человечество понимает необходимость во взаимопонимании, взаимоуважении и терпимости разных народов друг к другу. Поэтому 16 ноября отмечен в календаре как «Международный день толерантности», а 1995 год был объявлен ООН «Годом Толерантности».

«Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости, дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами и должно содействовать деятельности ООН по поддержанию мира» — гласит всеобщая декларация прав человека. Поэтому, педагогике отводится главная роль в распространении принципов толерантности.

Положение о разработке простых принципов толерантности распространяется в первую очередь на младший школьный возраст. Именно в этом возрасте формируется первичное становление личности. В возрасте пяти-семи лет закладываются значимые для каждого человека основные нормы поведения, моральные ценности, формируется представление о собственном достоинстве, происходит понимание ценности себя и других людей, воспитывается уважение к ним, толерантность, стремление к сотрудничеству, чувство солидарности, ребенок учится сам разрешать конфликтные ситуации.

Формирование толерантности актуальная проблема, но по причине недавнего возникновения, мало изученная. За последние десять лет исследованиям по проблемам толерантности уделяется повышенное внимание. В своих работах зарубежные и отечественные ученые сформировали и раскрыли представление о толерантности. Среди них: П. Кинг, Дж. Милль, К. Поппер, А. Тейлор, а также А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, М. Поташник, Г. У. Солдатова. Ученые сошлись во мнении, что в понятии слова толерантность лежит в первую очередь уважение прав человека, показана забота о людях, принятие другого человека таким, каков он есть, отстаиваются его свобода, принципы и достоинства.

В ходе психолого-педагогических исследований было доказано, что формирование нравственности ребенка происходит в младшем школьном возрасте. Это время, когда дети учатся прислушиваться к себе, развивают способы отношения с другими людьми, с природой и культурой. Л.С. Выготский доказал, что психическое развитие ребенка связано с его социальными отношениями, которые образуются в ходе индивидуальной или совместной деятельности.

Отношения детей друг с другом и с миром в целом обуславливаются тем типом видения мира, который является ведущим на данном возрастном этапе. Благодаря своей общительности у учащихся младших классов появляется способность управлять своим поведением при взаимодействии не только со сверстниками, но и с окружающими людьми. В своих исследованиях

И.Э. Куликовская утверждает, что в младшем школьном возрасте у детей преобладает мифопоэтическое мировидение, характеризующееся отношением к миру как партнеру по общению, взаимодействию. Причем мир воспринимается им как живой, чувствующий, думающий.

Воспитание толерантного отношения к окружающему миру у детей младшего школьного возраста является актуальной проблемой, потому как именно в этом возрасте у ребенка формируется опыт выражения отношения к людям [3, с. 27].

Большая роль в зарождении этих качеств в ребенке отводится в первую очередь педагогам детских садов, школ, дополнительных учебных учреждений, кружков. Именно они вкладывают то зерно, которое отвечает за становление личности, формирует творческий этап в общественной жизни, привлекает к социокультурным ценностям. Наряду с вышеуказанными задачами перед педагогом стоит еще одна — воспитание терпимости, взаимоуважения, толерантности межличностных отношений.

Благодаря искусству и народному творчеству мы учимся познавать красоту культурных традиций разных народов. Именно через искусство протекает путь к культуре и истории, знание которого является важнейшей частью в воспитании толерантного понимания.

Еще в самые древние времена танец был одним из первых языков, которым люди могли выразить свои чувства. Танец таит в себе огромное богатство, для успешного художественного и нравственного воспитания, он сочетает в себе не только эмоциональную сторону искусства, приносит радость, как исполнителю, так и зрителю — танец раскрывает и растит духовные силы, воспитывает художественный вкус и любовь к прекрасному [5, с. 44].

Занимаясь танцами, дети не только развиваются физически, но и обогащаются духовно. Это гармоничное занятие привлекает и детей, и родителей. Ребенок, владеющий балетной осанкой, восхищает не только сверстников, а также окружающих его людей. Чтобы этого добиться ребенку приходится пройти длительный и требующий многих качеств путь. Качества,

которые годами прививают педагоги-хореографы детям — это, несомненно, дисциплинированность, трудолюбие и терпение.

В хореографических кружках, либо танцевальных школах, студиях, педагоги знакомят детей с танцами народов мира, в которых отражается жизнь, быт и культура той или другой страны. Будь то восточный танец, аргентинское танго, фламенко или лезгинка, в каждом из них отображена жизнь народа, что делает танец индивидуальным и непохожим на другие. Впитывая в себя красоту народных танцев, дети начинают понимать и чувствовать танцевальную культуру других народов, что воспитывает толерантное отношение к обычаям и традициям народов мира, через народный танец можно многое понять о другом народе и принять его.

Толерантность в учебно-воспитательном процессе содержит взаимосвязь духовного единства русской национальной культуры с культурой мира. Само понятие толерантности не врожденное, а осознанное и добровольное, накопленное в процессе воспитания и жизненного опыта каждого человека. Хореографическое искусство, в частности народные танцы — это один из способов зарождения толерантного отношения к другим людям.

Литература

1. Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности / А. Г. Асмолов // На пути к толерантному сознанию — М., 2000. — 230с.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. — М.: Просвещение, 1968. — 272с.
3. Барышникова Т. Азбука хореографии. Методические указания в помощь учащимся и педагогам детских хореографических коллективов, балетных школ и студий. — СПб.: «ЛЮКСИ», «РЕСПЕКС». — 256с.
4. Карпенко В. Н. Основы межкультурного взаимодействия в хореографическом образовании: учебно-методическое пособие / В.Н. Карпенко, И.А. Карпенко. — Белгород, БГИИК, 2014. — 144с.

5. Сценическая хореография как феномен художественной культуры: Материалы открытой региональной научно-практической конференции. Региональный учебно-методический центр по художественному образованию Белгородского государственного института искусств и культуры — Белгород: ЛитКараВан, 2013. — 218с.

References

1. Asmolov A.G. Tolerantnost': ot utopii k real'nosti / A.G. Asmolov // Na puti k tolerantnomu soznaniju — M., 2000. — 230 p.

2. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste / L.I. Bozhovich. — M.: Prosveshhenie, 1968. — 272 p.

3. Baryshnikova T. Azbuka horeografii. Metodicheskie ukazanija v pomoshh' uchashhimsja i pedagogam detskih horeograficheskikh kollektivov, baletnyh shkol i studij. — SPb.: «LJuKSI», «RESPEKS». — 256 p.

4. Karpenko V.N. Osnovy mezhkul'turnogo vzaimodejstvija v horeograficheskom obrazovanii: uchebno-metodicheskoe posobie / V.N. Karpenko, I.A. Karpenko. — Belgorod, BGIK, 2014. — 144 p.

5. Scenicheskaja horeografija kak fenomen hudozhestvennoj kul'tury: Materialy otkrytoj regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Regional'nyj uchebno-metodicheskij centr po hudozhestvennomu obrazovaniju Belgorodskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kul'tury — Belgorod: LitKaraVan, 2013. — 218 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / JURIDICAL SCIENCES

УДК 343.1

Исламова Эльнара Рафисовна

Кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург

Чубыкин Александр Викторович

кандидат юридических наук
Заместитель прокурора Санкт-Петербурга

**МОТИВИРОВАННОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРОКУРОРА
О НАПРАВЛЕНИИ МАТЕРИАЛОВ В ОРГАН ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА ОБ УГОЛОВНОМ
ПРЕСЛЕДОВАНИИ (ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ)**

В статье рассматриваются проблемы, связанные с вынесением прокурором мотивированного постановления о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. На основании анализа законодательства, мнений ученых, а также прокурорских работников обосновывается необходимость замены данного полномочия правом прокурора возбуждать уголовные дела в целях эффективной реализации функций прокурорского надзора, а также уголовного преследования.

Ключевые слова: прокурор, полномочие, повод, возбуждение уголовного дела, органы предварительного следствия и дознания, постановление, уголовно-процессуальное законодательство.

Elnara Islamova

Ph.D. (Law)

Saint-Petersburg Law Institute (branch)
of Federal Establishment of Higher Professional Education
«Academy of the Office of the Prosecutor General
of the Russian Federation», Saint Petersburg

Alexander Choubykyn

Ph.D. (Law)

Deputy Prosecutor of Saint-Petersburg

A REASONED RESOLUTION OF THE PROSECUTOR ON SENDING MATERIALS TO THE PRELIMINARY INVESTIGATION BODY TO DECIDE THE ISSUE OF CRIMINAL PROSECUTION (PROBLEMS OF IMPLEMENTATION)

This article considers problems regarding a reasoned resolution of the prosecutor on sending materials to the preliminary investigation body to decide the issue of criminal prosecution. On the basis of the analysis of legislation, opinions of scientists as well as prosecutors, the need to replace this authority with the right of the Prosecutor to initiate criminal proceedings is justified.

Keywords: Prosecutor, authority, reason, initiation of a criminal case, preliminary investigation bodies, resolution, criminal procedural legislation.

Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ в УПК РФ были внесены изменения, повлекшие сокращение процессуальных полномочий прокурора (прокурор был лишен права возбуждать уголовные дела, участвовать в производстве предварительного расследования и давать письменные указания о направлении расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий, лично производить отдельные следственные и иные процессуальные действия, давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, и многих других полномочий) [6; 7].

Представляется, что лишение прокурора такого эффективного средства реагирования как возбуждение уголовного дела в случаях выявления нарушений уголовного закона не соответствует традиционному представлению о роли прокурора в уголовном процессе.

В целях компенсации исключения данного полномочия законодатель наделил прокурора правом вынесения мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам

выявленных нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Указанное постановление согласно Федеральному закону от 28.12.2010 № 404-ФЗ в ст. 140 УПК РФ получило статус повода для возбуждения уголовного дела. Названные нормы закона существенно усложнили процедуру возбуждения уголовного дела при обнаружении прокурором признаков преступления.

Следует отметить, что в истории уголовного процесса уже существовало подобное анализируемому полномочие прокурора. Согласно п. 4 ст. 96 УПК РСФСР прокурор обладал полномочием по внесению органам расследования предложений о возбуждении уголовного дела, которые являлись самостоятельным поводом к возбуждению уголовного дела. Целесообразность сохранения в УПК РСФСР предложения прокурора как самостоятельного повода к возбуждению уголовного дела среди учёных-процессуалистов вызывала сомнения и обоснованно критиковалась, указывалось, что не было необходимости в существовании данного полномочия прокурора [10]. Правильно отмечалось, что предложение прокурора, сделанное на основании поступившего к нему заявления гражданина или явки с повинной лица, совершившего преступление, не могло являться первоначальным источником сведений, и, следовательно, поводом к возбуждению уголовного дела. По мнению В. М. Савицкого, предложения прокурора, сделанные в тех случаях, когда преступление выявлено им при осуществлении общего надзора или надзора за расследованием конкретного дела, а также, когда он был очевидцем преступления, действительно являются поводом к возбуждению дела, основу которого составляет непосредственное усмотрение прокурора. Учёный обоснованно отмечал: «непонятно, почему для прокурора его непосредственное усмотрение не могло служить в качестве такого повода, почему прокурор, обнаружив преступление, должен был составить «предложение» органу расследования о возбуждении дела вместо того, чтобы самому возбудить дело по собственному усмотрению». С точки зрения В. М. Савицкого, направление прокурором органам расследования своих предложений о возбуждении уголовных дел не вызывалось никакой необходимостью, более того, оно

создавало волокиту в начальной стадии процесса, а главное — способствовало самоустранению отдельных прокуроров от непосредственного возбуждения дела и переложению ими ответственности за этот важнейший процессуальный акт на следователей и органы дознания [10].

Полномочие прокурора выносить мотивированное постановление о направлении в следственный орган или орган дознания соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) неоднозначно воспринято и современным научным сообществом.

Одни ученые полагают закономерным появление четвертого повода возбуждения уголовного дела как результата прокурорской проверки в случае выявления признаков совершенного преступления [8], отмечают, что это совершенно правильное решение законодателя [5], одна из новелл, относительно безупречная с точки зрения законодательной техники, содержащая позитивный потенциал для совершенствования организации уголовного процесса [3]. Однако даже учеными, позитивно оценивающими постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела, высказываются замечания по поводу его наименования, содержания и практики применения [4].

Другая группа исследователей совершенно обоснованно указывает, что невозможно увидеть какое-то положительное значение нового закона, когда по нему правовое положение прокурора законодателем сведено до положения обычного заявителя, просителя [2], законодатель в данном случае вместо совершенствования правовых предписаний внес дисбаланс в имеющиеся нормы [11].

М. Т. Аширбекова справедливо обращает внимание на то, что, рассматриваемое постановление является по своей правовой природе актом прокурорского реагирования на нарушения закона, обнаруженные в результате прокурорских проверок исполнения закона в тех сферах деятельности, которые охватываются отраслями прокурорского надзора. В этом смысле постановление прокурора и материалы прокурорской проверки, на которых оно основывается,

не могут рассматриваться только лишь как информация о преступлении. В них отражаются основания возбуждения уголовного дела [11]. Поэтому, беря во внимание природу прокурорской власти, постановление прокурора не может пониматься в значении повода [1].

Наделение прокурора полномочием выносить постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, призвано, видимо, компенсировать лишение его права возбуждать уголовные дела. Однако в действительности вынесение подобного постановления явно недостаточная мера прокурорского реагирования на выявляемые прокурором в ходе «общенадзорных проверок» нарушения уголовного закона, что отрицательно влияет на обеспечение своевременности, законности и обоснованности возбуждения уголовных дел.

Однако в условиях отсутствия у прокуроров возможности возбуждать уголовные дела, они, испытывая потребность надлежащим образом осуществлять возложенную на них обязанность обеспечивать законность в стадии возбуждения уголовного дела активно используют п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

81,4% опрошенных сотрудников прокуратуры положительно оценивают наличие в п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ такого повода для возбуждения уголовного дела как постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании в условиях отсутствия у прокурора права возбуждать уголовные дела, 88% респондентов в указанных условиях не считают необходимым признать утратившим данное положение уголовно-процессуального закона [12].

Поскольку постановление прокурора выносится на основании информации, уже установленной в ходе проверки, по верному мнению Д. А. Неганова, оно вряд ли может расцениваться как повод к возбуждению уголовного дела, поскольку в нем содержатся достаточные данные,

указывающие на признаки преступления. Логичнее и эффективнее было бы наделить прокурора полномочием на возбуждение уголовного дела [9].

Такой же вывод вытекает и из анализа ч. 2 ст. 21 УПК РФ, согласно которой в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. В п. 2 ст. 27 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» также указывается, что при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор принимает меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом. Такой действенной мерой и должно быть право прокурора на возбуждение уголовного дела.

Поэтому представляется, что отказ законодателя от включения в число поводов к возбуждению уголовного дела «предложения прокурора», усложняющего процедуру возбуждения уголовного дела, как в УПК РСФСР 1960 г., так и в последующем в УПК РФ вполне обоснован.

В связи с этим предусмотренное в законе полномочие прокурора выносить мотивированное постановление о возбуждении уголовного дела по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства подлежит замене на полномочие при выявлении указанных фактов непосредственно в ходе осуществления надзора за исполнением законов возбуждать уголовное дело. Соответственно необходимо скорректировать содержание п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, предусмотрев в ней также полномочие прокурора возбуждать уголовное дело при отмене постановления следователя, руководителя следственного органа, дознавателя и органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела, обоснование чего будет изложено в параграфе третьем главы третьей диссертации.

Одновременно следует внести изменения в ч. 2 ст. 140 УПК РФ: исключить пункт 4, предусматривающий в качестве повода для возбуждения

уголовного дела постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Соответственно статью 146 необходимо изложить в следующей редакции: «1. при наличии повода и основания, предусмотренных статьей 140 настоящего Кодекса, прокурор, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление».

Литература

1. Аширбекова М. Т. Поводы к возбуждению уголовного дела // Законность. — 2012. — № 10. — С. 16-19.
2. Быков В. М. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. — С. 50.
3. Григорьев В. Постановление прокурора — новый повод для возбуждения уголовного дела? // Законность. — 2011. — № 8. — С. 47.
4. Гриненко А. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела // Законность. — 2012. — № 11. — С. 22-24.
5. Дикарев И. С. Четвертый повод для возбуждения уголовного дела // Законность. — 2012. — № 3. — С. 54.
6. Исламова Э. Р. Прокурор и руководитель следственного органа: соотношение процессуальных полномочий // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 112-114;
7. Исламова Э. Р. К вопросу о соотношении процессуальных полномочий прокурора и руководителя следственного органа // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 2. С. 22.
8. Колосович М. С. Теоретические и практические проблемы возбуждения уголовного дела по постановлению прокурора // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2011. — № 1(20). — С. 110-116.

9. Неганов Д. А. Кризис стадии возбуждения уголовного дела и выход из него // «Черные дыры» в Российском законодательстве. — 2013. — № 1. — С. 121.
10. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия / В. М. Савицкий; под ред. М. С. Строговича, Г. Н. Александрова. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1959. — С. 149-152.
11. Химичева Г. П. Уточнить процедуру доследственной проверки // Уголовное судопроизводство. — 2012. — № 1. — С. 23-26.
12. Чубыкин А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 202 с.

References

1. Ashirbekova M. T. Povody k возбуждению уголовного дела // *Zakonnost'*. — 2012. — № 10. — p. 16-19. (in Russian)
2. Bykov V. M. Prava prokurora na stadii возбуждения уголовного дела. — p. 50. (in Russian)
3. Grigor'ev V. Postanovlenie prokurora — novyj povod dlja возбуждения уголовного дела? // *Zakonnost'*. — 2011. — № 8. — p. 47. (in Russian)
4. Grinenko A. Postanovlenie prokurora kak povod k возбуждению уголовного дела // *Zakonnost'*. — 2012. — № 11. — p. 22-24. (in Russian)
5. Dikarev I. S. Chetvertyj povod dlja возбуждения уголовного дела // *Zakonnost'*. — 2012. — № 3. — p. 54. (in Russian)
6. Islamova E. R. Prokuror i rukovoditel' sledstvennogo organa: sootnoshenie processual'nyh polnomochij // *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo*. 2016. № 2. p. 112-114 (in Russian)
7. Islamova E. R. K voprosu o sootnoshenii processual'nyh polnomochij prokurora i rukovoditelja sledstvennogo organa // *Baikal Research Journal*. 2016. T. 7. № 2. p. 22. (in Russian)

8. Kolosovich M. S. Teoreticheskie i prakticheskie problemy возбуждения уголовного дела по постановлению прокурора // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. — 2011. — № 1(20). — p. 110-116. *(in Russian)*
9. Neganov D. A. Krizis stadii возбуждения уголовного дела i vyhod iz nego // «Chernye дыры» v Rossijskom zakonodatel'stve. — 2013. — № 1. — p. 121. *(in Russian)*
10. Prokurorskij nadzor za sobljudeniem zakonnosti v dejatel'nosti organov doznaniya i predvaritel'nogo sledstvija / V. M. Savickij; pod red. M. S. Strogovicha, G. N. Aleksandrova. — M.: Gos. izd-vo jurid. lit., 1959. — p. 149-152. *(in Russian)*
11. Himicheva G. P. Utochnit' proceduru dosledstvennoj proverki // Uголовное судопроизводство. — 2012. — № 1. — p. 23-26. *(in Russian)*
12. Chubykin A.V. Processual'nyj status prokurora v stadii возбуждения уголовного дела: dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2014. — 202 p. *(in Russian)*

УДК 342.31

Синцов Глеб Владимирович

Доктор юридический наук, профессор
з\Заведующий кафедрой Частного и публичного права
ФГОУВПО «Пензенский государственный университет»

Битюцкий Евгений Владимирович

аспирант кафедры Частного и публичного права
ФГОУВПО «Пензенский государственный университет», г. Пенза

ПРОБЛЕМЫ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СУВЕРЕНИТЕТА В ФЕДЕРАТИВНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Среди ученых-правоведов нет единства мнений относительно толкования и классификации терминов: «государственный», «народный» и «национальный суверенитет». Однако лишь четкое разграничение подобных понятий играет значительную роль в соблюдении режима законности, конституционализма и федерализма в Российской Федерации.

Ключевые слова: федерализм, суверенитет государства, суверенитет народа, суверенитет нации.

Gleb Sintsov

Doctor of science (Pedagogy), professor
Head of The Department of Private and Public Law
The Penza State University

Evgeny Bityutskiy

Postgraduate student of The Department of Private and Public Law
The Penza State University

SOVEREIGNTY ACCESSORY PROBLEMS IN A FEDERAL STATE

Among scientists-jurists there is no unity of opinions concerning interpretation and classification of terms: «state sovereignty», «national sovereignty» and «national sovereignty». However, only distinct differentiation of such concepts plays a significant role in observance of the mode of legality, constitutionalism and federalism in the Russian Federation.

Keywords: federalism, sovereignty of the state, sovereignty of the people, sovereignty of the nation.

Статьей 5 Конституции России, предопределяющей видовой состав субъектов Федерации и устанавливающей принцип их равноправия, только республики определены как государства, в то время как другие субъекты Федерации такого определения не имеют. Подобная правовая особенность не наделяет республики суверенитетом в силу того, что ни правовой статус субъектов Федерации, ни правовой статус целого федеративного государства не подвержены влиянию норм, противоречащих основному закону государства. Тем самым, и дублирование определения «государство» в конституциях ряда республик в составе Российской Федерации не должно порождать правовых последствий, касающихся правового статуса данных субъектов.

Однако, по мнению ряда российских ученых-правоведов, республики представляют собой государства со всеми присущими им признаками, а другие субъекты Федерации, по их мнению, представляют собой различные по форме политико-территориальными образования, которые дифференцируются по объему своих правомочий¹. Например, Ф. Х. Мухаметшин выдвигает достаточно спорную идею равенства конституционно-правового статуса республик и конституционно-правового статуса Российской Федерации².

При этом рассматривать республики в качестве государств было традицией советского государственного права, в соответствии с которым союзные республики провозглашались как суверенные государства, а автономные республики — как государства, однако, в то же время, отсутствовало упоминание об их суверенитете³. Подобная правовая традиция привела к распространению в науке государственного права СССР так

¹ См., например, Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право. Учебник для вузов. М.: Юристъ, 2000; См.: Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации, М., Проспект, 2010// Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения — 21.12.2015); Теория государства и права. Под ред. Карельского В.М. Перевалова В.Д. Изд. группа «Инфра-М». Москва. 1997 г. С.183.

² Мухаметшин Ф.Х. Российский федерализм: проблемы формирования отношений нового типа (политико-правовые аспекты) // Государство и право. — 1994. — № 3. — С. 55.

³ См., например: Советское государственное право / Под ред. Е.И. Козловой и В.С. Шевцова. 1978. С. 252 — 257; Хафизов Р.Ш. Правовой статус автономной республики в составе РСФСР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 7.

называемой концепции «несуверенного» или «полусуверенного» государства, изначально разработанной в целях объяснения федеративных начал Германской империи Лабандом, Еллинеком и рядом других авторов. В дальнейшем советская модель несuverенного государства была определенным образом видоизменена применительно к современной России: автономные республики и часть автономных областей переименованы в республики в составе России с сохранением особых элементов государственности, свойственных данному виду субъектов Российской Федерации⁴.

Конституционное закрепление в 1993 году положения «республика (государство)» выступило в качестве своеобразного политического компромисса между правящими группами республик, заявивших в собственных конституциях о республиканском суверенитете, и федеральным центром, понимавшим, что дальнейшее развитие суверенизации обусловит распад всего федеративного государства. При этом налицо уязвимость подобной формулировки как с точки зрения науки государственного права, так и с точки зрения практики государственного строительства⁵. В соответствии с теорией федерализма и международно-правовой практикой субъект, входящий в состав федерации, не может являться суверенным государством, даже если ранее он им являлся. Государства в процессе вхождения в состав федерации теряют признаки своей собственной государственности, признавая верховенство самого федеративного государства. Представление о субъектах Российской Федерации как о суверенных государствах противоречит принципу двухуровневой организации государственной власти в федерации при верховенстве государственной власти федерации. Усугубляет решение подобной проблемы и тот факт, что Конституцией России не указывается на существование суверенитета республик, а в ряде других официальных документов об этом прямо говорится.

⁴ См.: Бородач М.В. Правовой статус субъектов Российской Федерации. Учебное пособие. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008.

⁵ Чертков А.Н. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации (постатейный). М.: ЗАО Юстицинформ, 2006. С. 58–60.

Многообразие точек зрения относительно принадлежности суверенитета в Российской Федерации является результатом существования различных подходов к пониманию сущности данного правового института. Однако всё разнообразие мнений ученых-правоведов, впитавших в себя научные труды как зарубежных, так и советских ученых умов, относительно проблемы суверенитета субъектов Российской Федерации можно подвести под классификацию, о которой упоминают Е. А. Кремянская⁶ и А. А. Ларичев⁷. Согласно данной классификации все мнения относительно проблем суверенитета субъектов Федерации можно свести к трем основным подходам.

В основе первого подхода лежит первичность суверенитета так называемых «государственных образований», которые входят в состав Российской Федерации, представляющей собой, в соответствии с данной концепцией, некий результат их добровольного объединения⁸. Приверженцы подобных взглядов зачастую ссылаются на Федеративный договор⁹, который, по их мнению, является основой сложившейся в России в конце XX века

⁶ См.: Кремянская Е.А. Вопросы суверенитета в практике конституционного суда России//Право и власть. — 2002. — N 2.

⁷ См.: Ларичев А.А. Республика Карелия — субъект Российской Федерации или государство?//Конституционное и муниципальное право. — 2007. — N 18.

⁸ См., например: Исхаков И.И. Республика (государство) в составе Российской Федерации: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001. С. 17; Юсупов Т.З. Татарстан — государство в Российской Федерации // Конституция как символ эпохи: В 2 т. / Под ред. проф. С.А. Авакьяна. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 34–35.

⁹ См.: Федеративный договор от 31.03.1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации»)// «Федеративный договор: Документы. Комментарий», М., 1994; Федеративный договор от 31.03.1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации»)// «Федеративный договор: Документы. Комментарий», М., 1994; Федеративный договор от 31.03.1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации»// «Федеративный договор: Документы. Комментарий», М., 1994.

федеративной модели. Однако их противники приводят в противовес учредительный характер данного документа.

Основой второго подхода выступает дуализм суверенитета Российской Федерации и входящих в её состав субъектов¹⁰. Тем самым, данная концепция развивает положения разработанной А. С. Яценко теории так называемого «синтетического суверенитета», в соответствии с которой суверенитет одновременно неразрывно принадлежит центральной и региональной властям¹¹. Сторонниками подобной концепции выступают разного рода сепаратистки настроенные меньшинства (национальные, этнические, религиозные и иные), поэтому она выражает не политическую волю и взгляды всей (либо большинства) нации, а цели лидеров малой части общества. Данная концепция, как отмечает Е. А. Кремянская, отражает ранний этап развития федераций¹². Теории «синтетического суверенитета» близка теория «ограниченного суверенитета», согласно которой суверенитет в определенной пропорции распределяется между федерацией в целом и её субъектами¹³. В соответствии с данной теорией при создании федеративного государства субъектам федерации в целях обеспечения общегосударственных интересов приходится пойти на самоограничение своего суверенитета, в результате чего за субъектами федерации сохраняется так называемый «ограниченный» суверенитет, дающий основание рассматривать субъекты федерации как государства¹⁴. Сторонники подобной теории полагают, что субъекты федеративного государства могут обладать рядом суверенных прав, которые применительно к России находят свое

¹⁰ См.: Киселева А.В., Нестеренко А.В. Теория федерализма. М., 2002. С. 119–126.

¹¹ Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. С. 319–322.

¹² См.: Кремянская Е.А. Вопросы суверенитета в практике конституционного суда России//Право и власть. — 2002. — N 2.

¹³ См.: Лраповский К.В. Суверенитет в системе федеративных отношений. // Право и политика. — 2000. — N 1. — С. 14; Палиенко Н.Н. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и её правовое значение. Ярославль. 1903. С.331-560; Пустагарт В.В, Субъекты федерации. Правовые проблемы международной деятельности. Учебное пособие. Уфа. 1995. С.5.

¹⁴ См.: Саленко А.В. Федерализм в России и Германии (сравнительный анализ). Диссертация кандидата юридических наук: 12.00.02 / — С.-Пб., 2002.

выражение в принадлежности субъектам Федерации сферы исключительных предметов ведения, в которую федеральный центр не вправе вторгаться. Например, Л.М. Карапетян вводит понятия «государственности» и «суверенности» субъектов Федерации, в отличие от понятий «государство» и «суверенитет», применимых к Федерации. При этом по мнению Ф. Ф. Конева, суверенность по существу означает опять же «ограниченный суверенитет»¹⁵. Противники данной концепции вообще отрицают существование у субъектов государственного суверенитета¹⁶.

Основой третьего подхода служит единство и неделимость государственного суверенитета, принадлежащего только Российской Федерации. Как отмечают некоторые ученые-правоведы, делиться могут лишь права Федерации и её составных частей¹⁷. В свою очередь, государственный суверенитет является единым, неделимым, неограниченным и может принадлежать только одному носителю в рамках конкретной территории (**теория «исключительного суверенитета»**)¹⁸. Таким образом, только федерация в целом обладает суверенитетом, а её субъекты, не обладая суверенитетом, не могут являться государствами, представляя собой лишь государственно-подобные образования¹⁹. Сторонниками данной концепции является большинство отечественных и зарубежных ученых-правоведов.

¹⁵ Конев Ф.Ф. Федерализм: теоретико-правовые аспекты и опыт России. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 — М., 2004. С. 101-102.

¹⁶ См.: Каюмова А.Р. Суверенитет и юрисдикция государства: проблемы соотношения//Конституционное и муниципальное право. — 2008. — N 9.

¹⁷ См., например: Пихов А.Х. Конституционное развитие Кабардино-Балкарской Республики / Под ред. В.Т. Кабышева. М.: Формула права, 2006. С. 57; Айбазов Р.У. Конституция и управление федеративным строительством России в условиях глобализации / Под ред. Б.С. Эбзеева. М., 2005. С. 158–159.

¹⁸ См.: Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета: перспективы человека, нации, государства. М.: «Славянский диалог». 1995. С. 17; Проблемы общей теории права и государства. Под ред. Нерсесянца В. С. М.:»Норма-Инфра-М». 1999. С.617; Лебедев А.Н. Статус субъекта РФ. М.: 1999, С.9; Ушаков Н.А. Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве // Московский журнал международного права. — 1994.- N 2. — С.13; Чиркин В.Е. Государственная власть субъекта федерации // Государство и право. -2000. — N 10. — С.8-11.

¹⁹ См.: Саленко А.В. Федерализм в России и Германии (сравнительный анализ). Диссертация кандидата юридических наук: 12.00.02 / — С.-Пб., 2002.

Конституционным Судом Российской Федерации также отрицается правовая возможность существования суверенитета субъектов Федерации одновременно с суверенитетом федерации в целом и констатируется, что в соответствии с положениями Конституции России не допускается существование других носителей суверенитета и источника власти, помимо российского многонационального народа²⁰.

В качестве основы первого и третьего подхода, как отмечает Е. А. Кремьянская, выступает рассмотрение суверенитета как правового явления, не подлежащего делению, в отличие от компетенции²¹. Однако стоит разграничивать понятия «суверенитет государства», «суверенитет народа» и «суверенитет нации».

Перечисленные формы суверенитета отличаются друг от друга своим содержанием, при этом в российской правовой науке до сих пор существуют проблемы четкого разграничения государственного, народного и национального суверенитета, что во многом обусловлено особенностями формирования и развития федеративных отношений в России²².

Рассмотрим каждую из перечисленных форм. Государственный суверенитет означает обладание государством комплексом прав, необходимых

²⁰ См.: Постановление Конституционного Суда от 7 июня 2000 г. N 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. N 25. Ст. 2728; Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. N 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. N 5; Определение Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. N 228-О «По запросу Народного Хурала Республики Бурятия о проверке конституционности подпункта «е» пункта 2 статьи 5 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ, N 2, 2002.

²¹ См.: Кремьянская Е.А. Вопросы суверенитета в практике конституционного суда России // Право и власть. — 2002. — N 2.

²² См., например: Авакьян С.А. Точка отсчета — народ // Российская газета. 2006. 28 октября; Конституционный Суд предложил республикам РФ забыть о суверенитете // Известия. 2009. 9 июня.

для осуществления как своих внешних, так и внутренних функций. Подобный суверенитет выступает в качестве неотъемлемого свойства любого государства, которое и отличает его от иных публично-правовых институтов²³. Кроме того, государственный суверенитет понимается как верховенство государства на принадлежащей ему территории и его независимость от других государств в международных правоотношениях. В этой связи государственный суверенитет выступает в качестве обязательного условия международной правосубъектности государства²⁴ и одной из основ конституционного строя России. В основе государственного суверенитета лежит так называемый народный суверенитет²⁵.

Конституционным Судом России установлен ограниченный в сравнении с народным суверенитетом характер государственного суверенитета²⁶, обусловленный тем, что действия государственной власти заключены в некие правовые рамки, которые и устанавливаются в процессе реализации суверенитета народа²⁷.

Последний, в свою очередь, находит свое отражение не только в деятельности органов государственной власти, но и в различной по форме общественной деятельности разного рода общественных организаций, профсоюзов и т.д., а также в функционировании институтов непосредственной демократии, таких как референдумы, выборы и других²⁸.

²³ См.: Шарифов М.Ш. Сравнение форм суверенитета: конституционно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — N 19. — С. 2–9.

²⁴ См.: Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 566.

²⁵ Шевцов В.С. Суверенитет советского государства. М.: Юридическая литература, 1972. С. 51.

²⁶ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 2005 г. N 148-О «По жалобе граждан Гришина Михаила Ивановича, Грошевой Галины Ивановны, Мустафенкова Владимира Трофимовича и Назарова Валентина Васильевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», части третьей статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. N 5.

²⁷ Катков Д.Б., Корчиги Е.В. Конституционное право России. М.: Юриспруденция, 1999. С. 33.

²⁸ См.: Шарифов М.Ш. Сравнение форм суверенитета: конституционно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — N 19. — С. 2–9.

Суверенитет народа выражает его верховное, не подлежащее какому-либо отчуждению, право решать свою собственную судьбу²⁹, и находит свое раскрытие посредством формируемой народом, подчиненной ему и зависимой от него государственной власти. При этом не стоит олицетворять народный суверенитет с национальным, в противном случае это может повлечь умаление права наций на самоопределение. Суверенитет народа произведен от суверенитета нации, который подразумевает собой совокупность суверенных прав нации либо народности, обеспечивающую возможность самоопределения и дальнейшего функционирования данной этнической группы. По мнению Ф. Ф. Конева, национальный суверенитет подразумевает под собой полную независимость отдельных наций в рамках одного государства, что, безусловно, противоречит основным принципам федерализма³⁰, в свою очередь, признание существования «национального суверенитета» в федерации, в составе которой имеются субъекты, образованные по национально-территориальному принципу, определенно приведет к распаду подобного государства³¹.

Официальное закрепление в современном многонациональном государстве суверенитета одной или нескольких национальностей, являясь источником межнациональных конфликтов, представляет чрезвычайную опасность для государственной стабильности. Действующими международно-правовыми актами, положения которых базируются на нормах Устава Организации Объединенных Наций³², установлено, что правом на государственное самоопределение могут наделяться только народы, а не нации или, к примеру, меньшинства. При этом последние не обладают правом на

²⁹ См.: Ишеков К.А. Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации / под ред. П.П. Сергуна. Саратов: ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», 2010.

³⁰ См.: Конев Ф.Ф. Федерализм: теоретико-правовые аспекты и опыт России. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 — М., 2004. С. 100-101.

³¹ См.: Конев Ф.Ф. Суверенитет: народный или национальный? // Конституционное и муниципальное право. — 2005. — № 6.

³² См. п.2 ст.1 и ст.55 Устава Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г., ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.08.1945 г.) // «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», Вып. XII, — М., 1956, с. 14–47.

государственное самоопределение, а лишь — правом на самоопределение, не выходящее за рамки территориальной целостности государства, где и находится это меньшинство. Подобную точку зрения разделяет Конституционный Суд Российской Федерации, считающий, что не следует толковать реализацию права на самоопределение как санкционирующее или поощряющее любые действия, ведущие к дроблению либо полному нарушению территориальной целостности либо политического единства государств, в основе деятельности которых лежит принцип равноправия и самоопределения народов³³.

Объектами суверенных прав нации являются сферы экономической, политической и культурной жизни нации. Именно в данных сферах и находит свою реализацию национальный суверенитет³⁴. Однако стоит заметить, что совокупность суверенных прав нации различна по своему содержанию для разных наций, что обусловлено их историческими, культурными и иными особенностями. В теории и на практике не раз предпринимались попытки олицетворения народного суверенитета с национальным (этническим) суверенитетом отдельных республик в составе России³⁵. Однако соотнеся национальный суверенитет с государственным и народным суверенитетом, можно заметить, что у национального суверенитета отсутствует ряд признаков,

³³ См.: подробнее, Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. N 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. N 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. N 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. N 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. N 5.

³⁴ Судницын Ю.Г. Основные вопросы теории национального суверенитета // Правоведение. — 1967. — N 4. — С. 54.

³⁵ Например, Г.С. Сапаргалиев рассматривал суверенитет как «сложное этническое явление; право этнической общности на самосохранение вплоть до выбора определенного политического устройства; право коренной нации на самоопределение». Теоретические проблемы республиканских конституций // Советское государство и право. — 1992. — N 2. — С. 8.

которые присущи суверенитету как правовому институту. Например, нация не обладает свойствами суверена. Кроме того, национальный суверенитет не имеет таких свойств, как неограниченность и абсолютность.

Нельзя объединять или путать понятия «государственный», «народный» и «национальный суверенитет», так как четкое разграничение подобных понятий играет значительную роль в соблюдении режима законности, конституционализма и федерализма в Российской Федерации. Все субъекты Российской Федерации, включая республики, не обладают суверенитетом, являющимся в классическом понимании концепции государства «имманентно присущим ему свойством»³⁶. При этом субъекты Российской Федерации не обладают правом самостоятельно определять правовые рамки собственных действий, в виду чего они не могут быть полноценными государствами.

Литература

1. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г., ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.08.1945 г.)//«Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», Вып. XII, — М., 1956, с. 14–47.

2. Федеративный договор от 31.03.1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации»)// «Федеративный договор: Документы. Комментарий», М., 1994;

³⁶ См.: Ларичев А.А. Республика Карелия — субъект Российской Федерации или государство?//Конституционное и муниципальное право. — 2007. — N 18.

3. Федеративный договор от 31.03.1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации» (вместе с «Протоколом к Федеративному договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации»)// «Федеративный договор: Документы. Комментарий», М., 1994;

4. Федеративный договор от 31.03.1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации»// «Федеративный договор: Документы. Комментарий», М., 1994.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. N 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. N 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. N 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. N 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. N 5.

6. Постановление Конституционного Суда от 7 июня 2000 г. N 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции

Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. N 25. Ст. 2728;

7. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. N 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан»// Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. N 5;

8. Определение Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2001 г. N 228-О «По запросу Народного Хурала Республики Бурятия о проверке конституционности подпункта «е» пункта 2 статьи 5 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»// Вестник Конституционного Суда РФ, N 2, 2002.

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 марта 2005 г. N 148-О «По жалобе граждан Гришина Михаила Ивановича, Грошевой Галины Ивановны, Мустафенкова Владимира Трофимовича и Назарова Валентина Васильевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», части третьей статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. N 5.

10. Абдулатипов Р. Парадоксы суверенитета: перспективы человека, нации, государства. М.: «Славянский диалог». 1995.

11. Авакьян С. А. Точка отсчета — народ // Российская газета. 2006. 28 октября; Конституционный Суд предложил республикам РФ забыть о суверенитете // Известия. 2009. 9 июня.

12. Айбазов Р. У. Конституция и управление федеративным строительством России в условиях глобализации / Под ред. Б.С. Эбзеева. М., 2005.

13. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации, М., Проспект, 2010// Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения — 21.12.2015);

14. Бородач М. В. Правовой статус субъектов Российской Федерации. Учебное пособие. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008.

15. Енгибарян Р. В., Тадевосян Э. В. Конституционное право. Учебник для вузов. М.: Юристъ, 2000.

16. Исхаков И. И. Республика (государство) в составе Российской Федерации: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001.

17. Ишеков К. А. Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации / под ред. П.П. Сергуна. Саратов: ГОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», 2010.

18. Катков Д. Б., Корчиго Е.В. Конституционное право России. М.: Юриспруденция, 1999.

19. Каюмова А. Р. Суверенитет и юрисдикция государства: проблемы соотношения//Конституционное и муниципальное право. — 2008. — N 9.

20. Киселева А. В., Нестеренко А.В. Теория федерализма. М., 2002.

21. Конев Ф. Ф. Федерализм: теоретико-правовые аспекты и опыт России. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 — М., 2004.

22. Конев Ф. Ф. Суверенитет: народный или национальный? // Конституционное и муниципальное право. — 2005. — N 6.

23. Кремянская Е. А. Вопросы суверенитета в практике конституционного суда России//Право и власть. — 2002. — N 2.
24. Ларичев А. А. Республика Карелия — субъект Российской Федерации или государство?//Конституционное и муниципальное право. — 2007. — N 18.
25. Лебедев А. Н. Статус субъекта РФ. М.: 1999, С.9; Ушаков Н.А. Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве // Московский журнал международного права. — 1994. — N 2.
26. Лраповский К. В. Суверенитет в системе федеративных отношений. // Право и политика. — 2000. — N 1. — С. 14;
27. Мухаметшин Ф. Х. Российский федерализм: проблемы формирования отношений нового типа (политико-правовые аспекты) // Государство и право. — 1994. — N 3.
28. Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903.
29. Пихов А. Х. Конституционное развитие Кабардино-Балкарской Республики / Под ред. В. Т. Кабышева. М.: Формула права, 2006.
30. Проблемы общей теории права и государства. Под ред. Нерсесянца В. С. М.:»Норма-Инфра-М». 1999.
31. Пустагарт В. В, Субъекты федерации. Правовые проблемы международной деятельности. Учебное пособие. Уфа. 1995.
32. Саленко А. В. Федерализм в России и Германии (сравнительный анализ). Диссертация кандидата юридических наук: 12.00.02 / — С.-Пб., 2002.
33. Сапаргалиев Г. С. Теоретические проблемы республиканских конституций // Советское государство и право. — 1992. — N 2.
34. Советское государственное право / Под ред. Е.И. Козловой и В.С. Шевцова. 1978.
35. Судницын Ю. Г. Основные вопросы теории национального суверенитета // Правоведение. — 1967. — N 4.

36. Теория государства и права. Под ред. Карельского В. М. Перевалова В.Д. Изд. группа «Инфра-М». Москва. 1997 г.

37. Хафизов Р. Ш. Правовой статус автономной республики в составе РСФСР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983.

38. Чертков А. Н. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации (постатейный). М.: ЗАО Юстицинформ, 2006.

39. Чиркин В. Е. Государственная власть субъекта федерации // Государство и право. — 2000. — N 10.

40. Шарифов М. Ш. Сравнение форм суверенитета: конституционно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — N 19.

41. Шевцов В. С. Суверенитет советского государства. М.: Юридическая литература, 1972.

42. Юсупов Т. З. Татарстан — государство в Российской Федерации // Конституция как символ эпохи: В 2 т. / Под ред. проф. С.А. Авакьяна. Т. 2. М.: Изд-во МГУ, 2004.

43. Яценко А. С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912.

References

1. Ustav Organizatsii Ob»edinennyh Natsiy (Prinyat v g. San-Frantsisko 26.06.1945 g., ratifitsirovan Ukazom Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 20.08.1945 g.)»Sbornik deystvuyushchih dogovorov, soglasheniy i konventsiy, zaklyuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami», Vyp. XII, — М., 1956, p. 14–47. (*in Russian*)

2. Federativnyy dogovor ot 31.03.1992 g. «O razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochiy mezhdru federal'nymi organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i organami vlasti suverennyh respublik v sostave Rossiyskoy Federatsii» (vmeste s «Protokolom k Federativnomu dogovoru o razgranichenii

predmetov vedeniya i polnomochiy mezhdru federal'nymi organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i organami vlasti suverennyh respublik v sostave Rossiyskoy Federatsii»// «Federativnyy dogovor: Dokumenty. Kommentariy», M., 1994 (*in Russian*)

3. Federativnyy dogovor ot 31.03.1992 g. «O razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochiy mezhdru federal'nymi organami gosudarstvennoy vlasti RF i organami vlasti kraev, oblastey, gorodov Moskvy i Sankt-Peterburga Rossiyskoy Federatsii» (vmeste s «Protokolom k Federativnomu dogovoru o razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochiy mezhdru federal'nymi organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i organami vlasti kraev, oblastey, gorodov Moskvy i Sankt-Peterburga Rossiyskoy Federatsii»)// «Federativnyy dogovor: Dokumenty. Kommentariy», M., 1994 (*in Russian*)

4. Federativnyy dogovor ot 31.03.1992 g. «O razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochiy mezhdru federal'nymi organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i organami vlasti avtonomnoy oblasti, avtonomnyh okrugov v sostave Rossiyskoy Federatsii»// «Federativnyy dogovor: Dokumenty. Kommentariy», M., 1994. (*in Russian*)

5. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 31 iyulya 1995 g. N 10-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 30 noyabrya 1994 g. N 2137 «O meropriyatiyah po vosstanovleniyu konstitutsionnoy zakonnosti i pravoporyadka na territorii CHEchenskoy Respubliki», Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 dekabrya 1994 g. N 2166 «O merah po presecheniyu deyatel'nosti nezakonnyh vooruzhennyh formirovaniy na territorii CHEchenskoy Respubliki i v zone osetino-ingushskogo konflikta», Postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 9 dekabrya 1994 g. N 1360 «Ob obespechenii gosudarstvennoy bezopasnosti i territorial'noy tselostnosti Rossiyskoy Federatsii, zakonnosti, prav i svobod grazhdan, razoruzheniya nezakonnyh vooruzhennyh formirovaniy na territorii CHEchenskoy Respubliki i prilegayushchih k ney regionov Severnogo Kavkaza», Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 2 noyabrya 1993 g.

N 1833 «Ob osnovnyh polozheniyah voennoy doktriny Rossiyskoy Federatsii» // Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. 1995. N 5. (*in Russian*)

6. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda ot 7 iyunya 2000 g. N 10-P po delu o proverke konstitutsionnosti otдел'nyh polozheniy Konstitutsii Respubliki Altay i Federal'nogo zakona «Ob obshchih printsipah organizatsii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoy vlasti sub»ektov Rossiyskoy Federatsii» // SZ RF. 2000. N 25. St. 2728 (*in Russian*)

7. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 iyunya 2000 g. N 92-O «Po zaprosu gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy o proverke sootvetstviya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii otдел'nyh polozheniy konstitutsiy Respubliki Adygeya, Respubliki Bashkortostan, Respubliki Ingushetiya, Respubliki Komi, Respubliki Severnaya Osetiya — Alaniya i Respubliki Tatarstan»// Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2000. N 5 (*in Russian*)

8. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 6 dekabrya 2001 g. N 228-O «Po zaprosu Narodnogo Hurala Respubliki Buryatiya o proverke konstitutsionnosti podpunkta «e» punkta 2 stat'i 5 Federal'nogo zakona «Ob obshchih printsipah organizatsii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoy vlasti sub»ektov Rossiyskoy Federatsii»// Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF, N 2, 2002. (*in Russian*)

9. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 11 marta 2005 g. N 148-O «Po zhalobe grazhdan Grishina Mihaila Ivanovicha, Groshevoy Galiny Ivanovny, Mustafenkova Vladimira Trofimovicha i Nazarova Valentina Vasil'evicha na narushenie ih konstitutsionnyh prav polozheniyami stat'i 6.1 Zakona Rossiyskoy Federatsii «O statuse sudey v Rossiyskoy Federatsii», chasti tret'ey stat'i 2 i stat'i 3 Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon Rossiyskoy Federatsii «O statuse sudey v Rossiyskoy Federatsii» // Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. 2005. N 5. (*in Russian*)

10. Abdulatipov R. Paradoksy suvereniteta: perspektivy cheloveka, natsii, gosudarstva. M.: «Slavyanskiy dia-log». 1995. (*in Russian*)

11. Avak'yan S.A. Tochka otscheta — narod // Rossiyskaya gazeta. 2006. 28 oktyabrya; Konstitutsionnyy Sud predlozhil respublikam RF zabyt' o suverenitete // Izvestiya. 2009. 9 iyunya. *(in Russian)*
12. Aybazov R.U. Konstitutsiya i upravlenie federativnym stroitel'stvom Rossii v usloviyah globalizatsii / Pod red. B.S. Ehbzeeva. M., 2005. *(in Russian)*
13. Barhatova E.YU. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii, M., Prospekt, 2010// Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant plyus» (data obrashcheniya — 21.12.2015) *(in Russian)*
14. Borodach M.V. Pravovoy status sub»ektov Rossiyskoy Federatsii. Uchebnoe posobie. Tyumen': Izd-vo TyumGU, 2008. *(in Russian)*
15. Engibaryan R.V., Tadevosyan E.H.V. Konstitutsionnoe pravo. Uchebnik dlya vuzov. M.: YUrist», 2000. *(in Russian)*
16. Iskhakov I.I. Respublika (gosudarstvo) v sostave Rossiyskoy Federatsii: voprosy teorii i praktiki: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ufa, 2001. *(in Russian)*
17. Ishekov K.A. Realizatsiya konstitutsionnogo printsipa razdeleniya vlastey v sub»ektah Rossiyskoy Federatsii / pod red. P.P. Serguna. Saratov: GOU VPO «Rossiyskaya pravovaya akademiya Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii», 2010. *(in Russian)*
18. Katkov D.B., Korchigo E.V. Konstitutsionnoe pravo Rossii. M.: YUrisprudentsiya, 1999. *(in Russian)*
19. Kayumova A.R. Suverenitet i yurisdiktsiya gosudarstva: problemy sootnosheniya//Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. — 2008. — N 9. *(in Russian)*
20. Kiseleva A.V., Nesterenko A.V. Teoriya federalizma. M., 2002. *(in Russian)*
21. Konev F.F. Federalizm: teoretiko-pravovye aspekty i opyt Rossii. Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 — M., 2004. *(in Russian)*
22. Konev F.F. Suverenitet: narodnyy ili natsional'nyy?//Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. — 2005. — N 6. *(in Russian)*
23. Kremyanskaya E.A. Voprosy suvereniteta v praktike konstitutsionnogo suda Rossii//Pravo i vlast'. — 2002. — N 2. *(in Russian)*

24. Larichev A.A. Respublika Kareliya — sub»ekt Rossiyskoy Federatsii ili gosudarstvo? // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. — 2007. — N 18. (*in Russian*)
25. Lebedev A.N. Status sub»ekta RF. M.: 1999, S.9; Ushakov N.A. Suverenitet i ego voploshchenie vo vnutrigosudarstvennom i mezhdunarodnom prave // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 1994. — N 2. (*in Russian*)
26. Lrapovskiy K.V. Suverenitet v sisteme federativnyh otnosheniy. // Pravo i politika. — 2000. — N 1. — p. 14 (*in Russian*)
27. Muhametshin F.H. Rossiyskiy federalizm: problemy formirovaniya otnosheniy novogo tipa (politiko-pravovye aspekty) // Gosudarstvo i pravo. — 1994. — N 3. (*in Russian*)
28. Palienko N.I. Suverenitet. Istoricheskoe razvitie idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie. YArosavl', 1903. (*in Russian*)
29. Pihov A.H. Konstitutsionnoe razvitie Kabardino-Balkarskoy Respubliki / Pod red. V.T. Kabysheva. M.: Formula prava, 2006. (*in Russian*)
30. Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva. Pod red. Nersesyantsa V. S. M.: »Norma-Infra-M«. 1999. (*in Russian*)
31. Pustagart V.V, Sub»ekty federatsii. Pravovye problemy mezhdunarodnoy deyatel'nosti. Uchebnoe posobie. Ufa. 1995. (*in Russian*)
32. Salenko A.V. Federalizm v Rossii i Germanii (sravnitel'nyy analiz). Dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.02 / — S.-Pb., 2002. (*in Russian*)
33. Sapargaliev G.S. Teoreticheskie problemy respublikanskih konstitutsiy // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1992. — N 2. (*in Russian*)
34. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo / Pod red. E.I. Kozlovoy i V.S. Shevtsova. 1978. (*in Russian*)
35. Sudnitsyn YU.G. Osnovnye voprosy teorii natsional'nogo suvereniteta // Pravovedenie. — 1967. — N 4. (*in Russian*)
36. Teoriya gosudarstva i prava. Pod red. Karel'skogo V.M. Perevalova V.D. Izd. gruppa «Infra-M». Moskva. 1997. (*in Russian*)
37. Hafizov R.SH. Pravovoy status avtonomnoy respubliki v sostave RSFSR: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1983. (*in Russian*)

38. CHertkov A.N. Kommentariy k Federal'nomu zakonu «Ob obshchih printsipah organizatsii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoy vlasti sub»ektov Rossiyskoy Federatsii (postateynyy). M.: ZAO YUstitsinform, 2006. *(in Russian)*

39. CHirkin V.E. Gosudarstvennaya vlast' sub»ekta federatsii // Gosudarstvo i pravo. — 2000. — N 10. *(in Russian)*

40. SHarifov M.SH. Sravnenie form suvereniteta: konstitutsionno-pravovoy analiz // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. — 2009. — N 19. *(in Russian)*

41. SHEvtsov V.S. Suverenitet sovetskogo gosudarstva. M.: YUridicheskaya literatura, 1972. *(in Russian)*

42. YUsupov T.Z. Tatarstan — gosudarstvo v Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsiya kak simvol ehpoi: V 2 t. / Pod red. prof. S.A. Avak'yana. T. 2. M.: Izdvo MGU, 2004. *(in Russian)*

43. YAshchenko A.S. Teoriya federalizma. Opyt sinteticheskoy teorii prava i gosudarstva. YUr'ev: Tipografiya K. Mattisena, 1912. *(in Russian)*

УДК 342.55

Русанова Светлана Юрьевна

Кандидат юридических наук

Старший преподаватель кафедры государственных

и гражданско-правовых дисциплин

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается понятие муниципального образования, выделяются его характерные признаки. Проводится анализ нормативно-правовой регламентации осуществления местного самоуправления в Республики Крым, а также перспективы развития муниципальных образований в новом субъекте Российской Федерации.

Ключевые слова: местное самоуправления, муниципальное образование, Республика Крым, территориальное сообщество, жители муниципального образования.

Svetlana Rusanova

Ph.D. (in Law)

Senior lecturer of the Department of public administration

and civil-legal disciplines

Crimean Affiliate of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of

the Russian Federation

MUNICIPAL FORMTIONS IN THE REPUBLIC OF CRIMEA: FEATURES OF THE DEVELOPMENT AND TRENDS

The article discusses the concept of the municipality, its distinctive features stand out. The analysis of the legal regulation of the local government in the Republic of Crimea, as well as prospects for the development of municipalities in the new subject of the Russian Federation.

Keywords: local government, municipality, Republic of Crimea, territorial community, the inhabitants of the municipality.

Демократические сдвиги, которые последние годы происходят в России, обусловили тенденцию восстановления активности саморегуляции и развития муниципальных образований, укрепление их экономической самостоятельности и стремления активно участвовать в делах местной жизни. Вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации в качестве субъекта обусловило необходимость преобразования системы местного самоуправления, принятия соответствующих нормативно-правовых актов и оптимизацию структуры муниципальной власти. Именно эти аспекты и обусловили актуальность научного исследования данного вопроса, ведь названные процессы требуют не только политико-юридической и экономической защиты муниципальных образований в Республике Крым, но и идеологически-научного обоснования их создания, функционирования и дальнейшего развития.

Понятие муниципального образования явилось предметом научного поиска в исследованиях многих ученых. Этой проблеме, например, посвящены работы М. Драгоманова, М. Грушевского, Р. Лашенко, С. Шелухина и др. Большое количество научных исследований зарубежных, в частности, американских, исследователей, также рассматривают вопросы определений муниципального образования, однако раскрывая данное понятие через определение «местного общества» (community). Более того, в общественных науках США сформировалось целое направление, связанное с «исследованием местных общин».

В юридической науке под «территориальной общиной» понимается группа людей, члены которой «связаны узами общего отношения к территории, на которой они живут, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории». Дальнейшее развитие понятия «территориальная община» нашло в трудах Выдрина И. В., Заславской Т. И., Рывкина Р. В., Межевича М. М., Русановой С. Ю. [7,8, 13, 14] и др.

Большинство авторов определяют понятие муниципального образования через призму его ведущих признаков, таких как территория и социальное взаимодействие. Например, И. Будько определяет территориальную общину как

общность людей, проживающих на определенной территории и объединенных общими интересами. [1, с. 10]

Дальнейший анализ правовой доктрины в сфере местного самоуправления позволяет нам дополнить перечень специфических признаков муниципальных образований. М. Баймуратов и В. Григорьев в своем определении этого понятия акцентируют внимание на том, что местное общество — это «совокупность физических лиц, постоянно проживающих на определенной территории и связаны территориально-личностными связями и связями системного характера» [1, с. 268]. По мнению А. Батанова, муниципальное образование — это «территориальная общность, состоящая из физических лиц — жителей, постоянно проживающих, работающих на территории села (или добровольного объединения в общину нескольких сел), поселка или города, которые непосредственно или через сформированные ими муниципальные структуры решают вопросы местного значения, имеют общую коммунальную собственность, владеют на данной территории недвижимым имуществом, оплачивают коммунальные налоги и связаны территориально-личностными связями системного характера». [10, с. 77]. Системный характер носит исследование понятия и признаков муниципального образования, проведенное Ю. Сурминым. В нем автор выделяет признаки муниципального образования сквозь призму понятий «социальная территориальная община», «территориальная община», «местное сообщество». По его определению, муниципальное образование — это автономная общественная надструктура, организованной постоянной коллективной деятельностью; местное сообщество — это определенный независимый элемент общества, в который входят жители этой местности и которая выделяется локальной целостностью; социально-территориальная общность — это объединенное на территориальных началах союз граждан — носителей локальных связей и отношений, формируется в своеобразное общественное образование на основе социально-территориальных разногласий.

Суммируя приведенные взгляды, можно сделать вывод, что понятие «муниципального образования» в исследованиях ученых определяется различными подходами и характерными признаками, но в совокупности все они отличаются существенными разногласиями в его определении. В то же время и законодатель также не придал большого внимания этому вопросу, закрепив в нормативных актах лишь основные черты территориальных образований.

Таким образом, этот вопрос требует основательного научной разработки, так как муниципальное образование является главным предметом науки о местном самоуправлении, отправной точкой в системе местного самоуправления, первичным её субъектом, носителем её полномочий и функций. Именно оно образует низовую территориальную общность жителей, является наиболее общей субъектной основой местного самоуправления.

Также отметим, что дефиниция определения муниципального образования позволяет классифицировать его признаки на основные и дополнительные. К основным признакам следует отнести территориальное единство, постоянное проживание, формирование и функционирование в рамках действующего законодательства, наличие общих интересов в деятельности, автономию полномочий в решении местных вопросов, психологическое осознание жителями принадлежности к членству в муниципальном образовании и т. д. К дополнительным признакам можно отнести оплату коммунальных налогов, владение недвижимым имуществом на территории муниципального образования и др.

Определение муниципального образования должно содержаться в его главном локальном акте — Уставе муниципального образования. К сожалению, анализ действующих уставов муниципальных образований показывает, что и на локальном уровне нет единого нормативного определения его понятия. Более того, многие из уставов определяют муниципальное образование только через призму его видов, по аналогии с Федеральным законом № 131-ФЗ. Итак, считаем, что этот пробел негативно влияет на правовой статус муниципального образования как многоаспектного, многогранного явления, выступающего в

качестве неотъемлемого субъекта местного самоуправления. Поэтому каждое муниципальное образование должно закреплять в своих уставах собственную сущность.

Понятие муниципального образования является сравнительно новым для юридической науки России. Дефиниция «муниципальное образование» как в работах ученых, так и в действующем законодательстве характеризуется различными подходами и квалифицирующими признаками.

Действующая Конституция Российской Федерации не даёт определения муниципального образования. Достаточно узкую формулировку содержит и федеральный закон от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определяя муниципальное образование как городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородскую территорию города федерального значения. Таким образом, законодательная дефиниция понятия муниципального образования основана лишь на территориально-поселенческом критерии, без учёта специфических особенностей подобной организации населения.

Многие ученые выступают за упрощенное понятие муниципального образования. В частности, в юридической литературе муниципальное образование определяется как «самоуправляющееся объединение граждан по месту жительства» [2, с. 24], «социально-организованная группа людей, которые относительно компактно проживают на определенном пространстве и объединены решением задач по месту проживания» [3, с. 135], «местное сообщество, основанное на самоуправлении и отделённое от государственных органов» [4, с. 372], «местное сообщество как совокупность постоянно проживающих на этой территории жителей, в том числе и иностранцев» [5, с. 25], «люди, проживающие в определенных территориальных границах и объединенные общими интересами» [6, с. 8] и так далее.

При таком упрощенном отношении к понятию муниципального образования, на наш взгляд, теряется социально-правовая сущность этого феномена, который должен включать понятие населения как сообщества жителей (местного сообщества), объединенных совместной деятельностью, интересами и целями по удовлетворению потребностей, связанных с бытом, средой проживания, отдыха, обучения, общения.

Важным признаком муниципального образования является социально-демографическая взаимодействие, то есть соседские отношения, общие правила и нормы поведения, ощущение принадлежности и соучастия к событиям в обществе. И.В. Выдрин в этом контексте рассматривает территориальный коллектив как «социальную общность, которая состоит в границах общего проживания граждан, имеет своей основой общественно необходимую, социально обусловленную деятельность, которая осуществляется группой людей, объединенных общими интересами в политической, социально-экономической и культурно-бытовые сферах жизни» [7, с. 86], это «объединение людей по месту жительства со многими формальными, безличностными и неформальными, лично окрашенными связями между ними». При этом, оперируя такими категориями, он обращает внимание на целесообразность ценностно-эмоциональной стороны правового регулирования содержания понятия муниципального образования, его употребления с обращением не только к сознанию, но и к чувствам людей». [8, с. 49]

С развитием отечественных и зарубежных исследований в области местного самоуправления авторские подходы усложняются, расставляются все больше дефинитивных акцентов. М. Баймуратов и В. Григорьев отмечают, что муниципальное образование — это «совокупность физических лиц, постоянно проживающих на определенной территории и связанных территориально-личностными связями системного характера». [9, с. 115]

В том же ключе определение муниципального образования дает А. Батанов, характеризуя его как «территориальную общность, состоящую из физических лиц — жителей, постоянно проживающих, работающих на

территории села (или добровольного объединения в общую общину нескольких сел), поселка или города, которые непосредственно или через сформированные ими муниципальные структуры решают вопросы местного значения, имеют общую коммунальную собственность, владеют на данной территории недвижимым имуществом, оплачивают коммунальные налоги и связаны территориально-личностными связями системного характера». [10, с. 77] М. Бесчастный рассматривает муниципальное образование как «общность жителей, объединенных путем естественного расселения и постоянным проживанием в пределах одного или нескольких населенных пунктов с единым административным центром, которая в соответствии с действующим законодательством имеет право решать вопросы местного значения в пределах действующего законодательства». [11, с. 37]

Важную «нишу» во всестороннем раскрытии сущности муниципального образования занимает позиция Н. Орзиха, который рассматривает его как первичный субъект местного самоуправления — «единственный на территории социальный субстрат, который имеет собственные интересы», в состав которого входят «граждане, иностранцы и лица без гражданства, постоянно проживающие или работающие на данной территории, а также платящие местные налоги и сборы или владеющие недвижимым имуществом». [12, с. 64]

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что до сих пор понятие муниципального образования не получило как единства мысли в науке, так и оптимального законодательного определения. Подытожив все наработки в этой сфере исследования можно выделить перечень основных признаков которые должно отражать понятие муниципального образования, это: общая территория существования (что может включать проживание, работу, владение недвижимым имуществом); общие интересы в решении вопросов жизнедеятельности; социальное взаимодействие в процессе реализации этих интересов; психологическая самоидентификация каждого члена с обществом; совместная коммунальная собственность; уплата коммунальных налогов.

Вступление Республики Крым в состав Российской Федерации в качестве её самостоятельного субъекта обусловило необходимость трансформации всего комплекса законодательства в рамки системы права России. Несомненно, коснулось это и сферы местного самоуправления. Причём, принятие законодательства об основах местного самоуправления в Республики Крым обусловило преобразование всей системы муниципального устройства полуострова.

Статья 8 Конституции Республики Крым закрепила, что на территории Республики признаётся и гарантируется местное самоуправление на основах самостоятельности и независимости от органов государственной власти. Конституция Республики Крым по аналогии с федеральной Конституцией содержит отдельную главу, посвящённую закреплению основ местного самоуправления в Крыму, однако понятия муниципального образования данная глава не содержит.

8 августа 2014 года был принят Закон Республики Крым №54-ЗРК «Об основах местного самоуправления в Республике Крым», который также не содержит определения муниципального образования, а содержит отсылочную норму на Федеральный закон №131-ФЗ.

Таким образом, на наш взгляд, рационально внести изменения в действующее законодательство Республики Крым, дополнив его более широкой трактовкой понятия муниципального образования как основанного в соответствии с законодательством Российской Федерации и Законами Республики Крым социально-территориального объединения физических лиц — жителей, постоянно проживающих на территории сельского или городского поселения, а также городского округа или муниципального района и обладающее автономными полномочия по решению вопросов местного значения.

Общие принципы территориальной организации местного самоуправления, в том числе порядок создания, преобразования и ликвидации муниципальных образований закреплены во 2 главе Федерального закона № 131-

ФЗ. В соответствии со статьёй 10 указанного нормативно-правового акта территориальная организация местного самоуправления устанавливается и изменяется законами субъектов Российской Федерации в соответствии с требованиями федерального законодательства. Закон Республики Крым №54-ЗРК «Об основах местного самоуправления в Республике Крым» в главе 2 определяет принципы территориальной организации местного самоуправления в Республике Крым, определяя особенности наделения муниципальных образований статусом городского поселения, сельского поселения, городского округа, муниципального района. В указанной главе также определяется порядок установления и изменения границ муниципальных образований, а также способы преобразования муниципальных образований.

4 июня 2014 года был принят Закон Республики Крым № 15-ЗРК «Об установлении границ муниципальных образований и статусе муниципальных образований в Республике Крым». Указанным Законом определён статус муниципальных образований в Республике Крым. 11 городов наделены статусом городского округа и установлен перечень населённых пунктов, входящих в их состав. Также данным Законом выделено 13 муниципальных районов с установлением перечня городских и сельских поселений, входящих в их состав, а также с определением административного центра.

Одновременно с Законом Республики Крым № 15-ЗРК был принят Закон Республики Крым №16-ЗРК «О структуре и наименовании органов местного самоуправления в Республике Крым, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва в Республике Крым». Данным Законом установлена обязательная структура органов местного самоуправления муниципальных образований, впервые образованных в Республике Крым в соответствии с Законом Республики Крым «Об установлении границ муниципальных образований и статусе муниципальных образований в Республике Крым», а также численность депутатов представительных органов городских округов, городских и сельских поселений. Например, среди городских округов самое

большое число депутатов установлено для города Симферополя — 38 депутатов, среди городских поселений — для Бахчисарая — 22 депутата, для сельских поселений в количестве от 7 до 15 депутатов.

Развитие муниципальных образований в Республике Крым не стоит на месте. Так, в 2015 году разработана концепция объединения муниципального образования городского округа города Симферополя и муниципального образования Симферопольского района Республики Крым с целью создания единого муниципального образования с эффективной системой управления, реализующей государственную политику активного макроэкономического развития крымской территории и улучшения качества жизни населения на местном уровне. Преобразование указанной территории позволит решить не только жилищные проблемы и проблемы промышленного строительства, но и улучшить качество транспортной развязки, коммунальной инфраструктуры, повысить качество коммунальных услуг.

Подводя итоги нашему исследованию, следует отметить, что муниципальное образование является низовым звеном территориальной организации населения для решения наиболее важных и актуальных вопросов местной жизни. Формирование поселений в Республике Крым осуществилось заново, кардинально поменяв свои территориальные пределы предыдущего существования. Сегодня идёт процесс развития и преобразования созданных муниципальных образований, следствием чего будет не только изменение нормативно-правовой регламентации муниципальной власти в Крыму, но и преобразование жизни самих жителей — членов муниципальных образований.

Литература

1. Баймуратов М.А. Правовой статус территориальных общин в Украине: теоретические и практические проблемы // Муниципальное движение: новый этап развития. — К., 2002. — С. 368-370.

2. *Социализм и демократия*. Социалистическое народное представительство / *Страшун Б.А.* — М.: Междунар. отношения, 1976. — 206 с.

3. Бойцов В.Я. Система субъектов советского государственного права / Бойцов В.Я. — Уфа, 1972. — 135 с.
4. Попович С. Административное право. (Общая часть) / Попович С. — М., 1968. — с.372-373.
5. Дмитриев Ю.А. Муниципальное право Российской Федерации: Учебник / Дмитриев Ю.А. — М., 1999.
6. Бутько І. Деякі проблеми становлення і розвитку територіального самоврядування в Україні / Бутько І. — Місцеве та регіональне самоврядування в Україні. — 1992. — № 3. — С.8-13.
7. Выдрин И.В. Территориальный коллектив как субъект местного самоуправления (государственно-правовые аспекты) / Выдрин И.В. // Правоведение. — М., 1992. — с.84-91.
8. Выдрин И.В. Муниципальное право России / Выдрин И.В., Кокотов А.Н. -М.: Инфра-М, 1999. — 320 с.
9. Баймуратов М.А. Муниципальная власть: актуальные проблемы становления и развития в Украине / Баймуратов М.А., Григорьев В.А. — Одесса: «Юридическая литература», 2003. — 220 с.
10. Батанов О. Конституционно-правовой статус территориальных громад в Украине / Батанов О. — К.: Изд. дом «Киев», 2003. — 150 с.
11. Бесчастный В.М. Местное самоуправление: проблемы и перспективы / Бесчастный В.М. — Донецк: Донецкий юрид. ин-т при Донецком национальном ун-те, 2005. — 90 с.
12. Орзих М. Концепция правового статуса самоуправляемых территорий и органов местного самоуправления / Орзих М. — Местное и региональное управление. — Вып..1-2 (10-11). — К., 1995. — С.62-68.
13. Русанова С.Ю. Щодо саморегуляції місцевого самоврядування / Русанова С.Ю. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2009. — Т. 2.- № 22 (61). — С. 389-393.

14. Русанова С.Ю. Конституционно-правовая регламентация основ муниципальной власти в странах Евросоюза / С.Ю. Русанова // «Научные аспекты современных исследований». Сборник статей международной научно-практической конференции. — Уфа. — 2015. — С. 263-265.

16. Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.crimea.gov.ru/content/uploads/files/Constituciya.pdf>

17. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Российская газета. — 2002. — 10 апреля. — №19.

18. Об основах местного самоуправления в Республике Крым: закон Республики Крым от 8 августа 2014 № 54-ЗПК — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/2014/08/29/krim-zakon54-reg-dok.html>

19. Закон Республики Крым № 15-ЗПК «Об установлении границ муниципальных образований и статусе муниципальных образований в Республике Крым» — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/15z.pdf>

20. Закон Республики Крым №16-ЗПК «О структуре и наименовании органов местного самоуправления в Республике Крым, численности, сроках полномочий и дате проведения выборов депутатов представительных органов муниципальных образований первого созыва в Республике Крым» — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/16z.pdf>

References

1. Bajmuratov M.A. Pravovoj status territorial'nyh obshhin v Ukraine: teoreticheskie i prakticheskie problemy // Municipal'noe dvizhenie: novyj jetap razvitija. — K., 2002. — p. 368-370. (*in Russian*)

2. Socializm i demokratija. Socialisticheskoe narodnoe predstavitel'stvo / Strashun B.A. — M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1976. — 206 p. (*in Russian*)

3. Bojcov V.Ja. Sistema sub#ektov sovetskogo gosudarstvennogo prava / Bojcov V.Ja. — Ufa, 1972. — 135 p. (*in Russian*)

4. Popovich S. Administrativnoe pravo. (Obshhaja chast') / Popovich S. — M., 1968. — p.372-373. (*in Russian*)
5. Dmitriev Ju.A. Municipal'noe pravo Rossijskoj Federacii: Uchebnik / Dmitriev Ju.A. — M., 1999. (*in Russian*)
6. But'ko I. Dejaki problemi stanovlennja i rozvitku teritorial'nogo samovrjaduvannja v Ukraïni / But'ko I. — Misceve ta regional'ne samovrjaduvannja v Ukraïni. — 1992. — № 3. — p.8-13. (*in Russian*)
7. Vydrin I.V. Territorial'nyj kollektiv kak sub#ekt mestnogo samoupravlenija (gosudarstvenno-pravovye aspekty) / Vydrin I.V. // Pravovedenie. — M., 1992. — p.84-91. (*in Russian*)
8. Vydrin I.V. Municipal'noe pravo Rossii / Vydrin I.V., Kokotov A.N. -M.: Infra-M, 1999. — 320 p. (*in Russian*)
9. Bajmuratov M.A. Municipal'naja vlast': aktual'nye problemy stanovlenija i razvitija v Ukraine / Bajmuratov M.A., Grigor'ev V.A. — Odessa: «Juridicheskaja literatura», 2003. — 220 p. (*in Russian*)
10. Batanov O. Konstitucionno-pravovoj status territorial'nyh gromad v Ukraine / Batanov O. — K.: Izd. dom «Kiev», 2003. — 150 p. (*in Russian*)
11. Beschastnyj V.M. Mestnoe samoupravlenie: problemy i perspektivy / Beschastnyj V.M. — Doneck: Doneckij jurid. in-t pri Doneckom nacional'nom un-te, 2005. — 90 p. (*in Russian*)
12. Orzih M. Koncepcija pravovogo statusa samoupravljaemyh territorij i organov mestnogo samoupravlenija / Orzih M. — Mestnoe i regional'noe upravlenie. — Vyp..1-2 (10-11). — K., 1995. — p.62-68. (*in Russian*)
13. Rusanova S.Ju. Shhodo samoreguljaciï miscevogo samovrjaduvannja / Rusanova S.Ju. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki. — 2009. — T. 2.- № 22 (61). — p. 389-393. (*in Russian*)
14. Rusanova S.Ju. Konstitucionno-pravovaja reglamentacija osnov municipal'noj vlasti v stranah Evrosojuza / S.Ju. Rusanova // «Nauchnye aspekty

sovremennyh issledovanij». Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. — Ufa. — 2015. — p. 263-265. (*in Russian*)

16. Konstitucija Respubliki Krym ot 11 aprelja 2014 — [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.crimea.gov.ru/content/uploads/files/Constituciya.pdf> (*in Russian*)

17. Ob obshhix principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 6 oktjabrja 2003 g. № 131-FZ // Rossijskaja gazeta. — 2002. — 10 aprelja. — №19. (*in Russian*)

18. Ob osnovah mestnogo samoupravlenija v Respublike Krym: zakon Respubliki Krym ot 8 avgusta 2014 № 54-ZRK — [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.rg.ru/2014/08/29/krim-zakon54-reg-dok.html> (*in Russian*)

19. Zakon Respubliki Krym № 15-ZRK «Ob ustanovlenii granic municipal'nyh obrazovanij i statute municipal'nyh obrazovanij v Respublike Krym» — [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/15z.pdf> (*in Russian*)

20. Zakon Respubliki Krym №16-ZRK «O strukture i naimenovanii organov mestnogo samoupravlenija v Respublike Krym, chislennosti, srokah polnomochij i date provedenija vyborov deputatov predstavitel'nyh organov municipal'nyh obrazovanij pervogo sozyva v Respublike Krym» — [Jelektronnyj resurs]. — URL: <http://www.crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/16z.pdf> (*in Russian*)

УДК 343

Потапов Денис Валерьевич
Аспирант
Нижегородская правовая академия

**СИСТЕМА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ
С РУКОВОДИТЕЛЕМ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА И ПРОКУРОРОМ
В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

В статье рассматриваются правовые отношения следователя с руководителем следственного органа и прокурором, определяется несовершенство реформ, в сравнительном анализе рассматривается создание единого следственного органа на федеральном уровне.

Ключевые слова: следователь, прокурор, руководитель следственного органа, реформа.

Denis Potapov
Post-graduate
Nizhny Novgorod Law Academy

**LEGAL SYSTEM AGAINST THE INVESTIGATOR WITH THE HEAD
OF THE INVESTIGATING AUTHORITIES AND PROSECUTORS
IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS**

The article deals with the legal relationship with the head investigator of the investigative body and the prosecutor determined inadequate reforms in the comparative analysis examines the creation of a single investigative body at the federal level.

Keywords: investigator, the prosecutor, the head of the investigative body, the reform.

Следователь, прокурор, руководитель следственного органа являются ключевыми участниками досудебного производства по уголовному делу в форме предварительного следствия. Содержание правовых отношений прокурора с

представителями органа предварительного следствия имеет определяющее значение для структуры всего уголовного процесса. Поэтому анализ отношений между этими участниками составляет значительный научный и практический интерес. У нас сохранилось доминирующее положение следователя в уголовном процессе. Составленные им протоколы имеют для суда значение доказательств. Отсюда зависимость суда от предварительного следствия.

В досудебном производстве по уголовному делу сохраняется неравенство сторон в собирании доказательств, сохраняются положения доказательственного права (главы 10, 11 УПК РФ) ограничивающие права защиты на собирание доказательств, следственный способ формирования доказательств обеспечено равенство сторон в доказывании. Следственная форма определяет содержание полномочий компетентных государственных органов, ведущих уголовное дело, и тот предмет, по поводу которого они вступают в отношения друг с другом.

Участие в досудебное производство прокурора мало сказывается на позиционировании сторон в деле, но влияет на расстановку сил внутри самой обвинительно-следственной власти, прежде всего, по вопросу получения и формирования доказательств по делу. Прокурор фактически не имеет возможности сам получать доказательства, поскольку лишен права проводить следственные действия и участвовать в них. Следователь вполне может игнорировать позицию прокурора в ходе расследования. Деятельность следователя по расследованию уголовного дела подконтрольна руководителю следственного органа, суду и поднадзорна прокурору. Требования прокурора к следователю об устранении нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 1 ст. 37 УПК) не являются обязательными для следователя и не приостанавливают решений следователя, если следователь считает их неправомерными. В случаях возникновения принципиальных разногласий относительно судьбы уголовного дела между следователем и его руководством, с одной стороны, и надзирающим прокурором, с другой, в окончательном виде вопрос разрешается Генеральным прокурором РФ.

Однако, в конечном итоге, следователю все равно придется вступать в отношения с прокурором — при направлении дела в суд. Это решающий момент в судьбе уголовного дела в преддверии которого следователь и его руководитель, разумеется, неформально пытаются согласовывать свою позицию с позицией надзирающего прокурора. Внутри следственной власти достаточно четко проводится идея подчинения следователя руководителю, что позволяет сделать вывод не столько о процессуальной самостоятельности следователя, к которой стремился законодатель, сколько следственного органа.

Руководитель следственного органа выполняет по отношению к следователю руководящие полномочия. В полномочиях руководителя следственного органа в полной мере воплощена самостоятельность следственной власти правительства. Наиболее ярко это проявляется в законодательстве, регламентирующем деятельность Следственного комитета РФ[1].

Так что следователь оказался «слугой двух господ»: руководителя следственного органа и прокурора, а следователь органа внутренних дел подчиняется начальнику органа внутренних дел. Ни о какой процессуальной самостоятельности следователя в современном уголовном процессе говорить не приходится. По мнению автора, в этих условиях возросли только бюрократия и заорганизованность.

Отметим, что современная модель отношений ключевых участников досудебного уголовного производства трансформировалась в результате системно не обоснованных реформ досудебного производства, начало которым было положено в 2007 году [2]. В результате их проведения правовое положение прокурора на предварительном следствии оказалось достаточно специфичным. Эта специфика проистекает из-за разбалансированности правового статуса основных субъектов предварительного производства по делу, призванных раскрывать и расследовать преступления. Незавершенность, половинчатость, смешанный тип правовых институтов предварительного расследования откладывает свой негативный отпечаток на нестабильный, конфликтный

характер правовых отношений прокурора, руководителя следственного органа и следователя. Принадлежность следователя к относительно самостоятельной следственной власти правительства призвана обеспечивать проведение независимого, оперативного, объективного и полного следствия по уголовному делу. Следственная власть в условиях смешанного уголовного судопроизводства выполняет функцию уголовного преследования, но вместе с тем она призвана восполнить недостаток средств и сил стороны защиты по установлению обстоятельств оправдательного характера.

Двусмысленность современного положения прокурора состоит в том, что прокурор является органом надзора за законностью, а вместе с тем и стороной в деле. Прокурор выступает как орган надзора за исполнением законов следователем, руководителем следственного органа. При этом и прокурор, и органы предварительного следствия формально относятся к стороне обвинения и осуществляют функцию уголовного преследования (пункты 45, 47, 55 ст. 5 УПК), что вроде бы должно привести к выводу о руководящей роли прокурора. Но вместо этого имеет место правовая неопределенность, которая снижает эффективность исполнения законов.

Изменения в процессуальном положении прокурора в досудебном производстве весьма показательны в том смысле, что демонстрируют отсутствие у законодателя четкой концепции, каким должно быть предварительное производство по уголовному делу и какими должны быть отношения между органами государства, осуществляющими выявление, раскрытие преступлений, изобличение лиц, их совершивших.

К настоящему времени вполне выяснилась несостоятельность на эффективную работу правовой модели, которая заключалась в то, что освобожденное от надзора прокурора «независимое» следствие в полной мере раскроет себя и качество расследования уголовных дел повысится, эффективность борьбы с преступностью возрастет, а права граждан получат надежные гарантии. Этот тезис также разделяется в выступлениях А. И. Бастрыкина, в свое время настоявший на реализации в праве концепции

самостоятельности следственных органов: «Наш трехлетний опыт, к сожалению, показал, что попытка сократить полномочия прокуроров на стадии предварительного следствия привела к серьезным нарушениям закона» [3].

В дальнейшем законодатель может избрать различные модели предварительного расследования. Одной из них может быть укрепление вертикали следственной власти, и монополизация Следственным Комитетом подследственности всех уголовных дел, расследуемых в форме предварительного следствия, согласно предложению А. И. Бастрыкина [4]. Однако, на наш взгляд, существуют серьезные возражения против реализации проекта создания единого вневедомственного следственного органа. [5, с.37-40]. Мы являемся сторонниками реформы органов предварительного расследования по европейской модели, что отражено в «Концепции комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ, подготовлена Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге для Комитета гражданских инициатив совместно с фондом «ИНДЕМ» [6]. Данная концепция, по мнению автора, наиболее полно соответствует потребностям российской правоохранительной системы, потому что основаны на опыте строительства обвинительной власти в европейских странах и вполне соответствует классической теории обвинительной власти. Обратное верно по отношению к концепции создания единого следственного органа, процессуально независимого от прокуратуры.

Мы также разделяем мнение о том, что предварительное следствие в его современном виде должно быть ликвидировано [7, с. 54–62]. Во многих странах ЕС настоящему времени такая реформа проведена. По этому пути пошли такие государства, как Грузия, Молдавия, Латвия, Литва, Эстония, Украина. Готовятся к переходу на подобную модель Казахстан и Киргизия.

Всю досудебную деятельность сторон следует вывести за рамки собственно «судопроизводства», т.е. процессуальной деятельности. Любыми способами, не запрещенными законом собирать информацию о событии преступления, и лице его совершившем — таким образом, по мнению автора,

должна осуществляться досудебная подготовка уголовного иска агентами обвинительной власти. Лишь после того, как будут получены основания для предъявления обвинения (уголовного иска) в суде, должен начинаться «процесс». Уголовным иском прокурор переводит отношения обвинительной власти и обвиняемого в официальную, публично-правовую, судебную плоскость. До этого — никакого возбуждения уголовного дела, предварительного предъявления обвинения и пр. Соответственно, будут ликвидированы институты «сроков следствия», приостановления и пр.

Систему органов обвинительной власти согласно рассматриваемой доктрине должны составлять прокурор, руководитель органа полиции, руководитель подразделения дознания, дознаватель. Таким образом, руководящим органов обвинительной власти должен быть прокурор. Он выступает посредником между полицией, проводящей розыск и закрепление следов преступления, и судом. А. С. Александров в связи с этим указывает, что полиция выявляет, раскрывает преступление, прокурор решает судьбу обвинения в суде [8, с. 174].

Так, в статье 16 КПК Грузии (2010 г.) «Дискреционность уголовного преследования» говорится: «Прокурор, принимая решение о начале и прекращении уголовного преследования, пользуется дискреционным полномочием, при этом руководствуется публичными интересами». Согласно части первой статьи 17 КПК Грузии обвинение предъявляется лицу при наличии обоснованного предположения, что оно совершило преступление. Согласно части второй этой же статьи обвинение лица — полномочие только прокурора. Согласно части 5 статьи 33 КПК Грузии в ходе расследования на основании настоящего Кодекса постановления прокурора подлежат обязательному исполнению всеми органами уголовного преследования. Прокурор является полномочным хозяином предварительного расследования и определяет его направление.

Участником досудебного уголовного преследования должен быть Следственный Судья, но, разумеется, не как представитель стороны обвинения,

а как орган судебной власти. Конфигурация досудебного уголовного производства определяется отношениями между этими ключевыми участниками уголовного производства.

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О Следственном комитете Российской Федерации» // РГ. 2010. 31 декабря / СПС КонсультантПлюс. Время обращения 25 сентября 2014 года.

2. Федеральный закон от 05.06.2007 N 87-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // РГ. 2007. 8 июня. № 122 (4385) / СПС КонсультантПлюс. Время обращения 25 сентября 2014 г.

3. Бастрыкин *А.И.* Единый СК создадут не ранее 2012-2013 года // Известия. 2010. 12 октября.

4. Яшманов Б., Васенин В. Непосредственная жизнь. Предложения от Бастрыкина — создать единый следственный комитет и ввести отчеты о расходах чиновников // РГ. 2010. 7 сентября. № 5279 (200).

5. Александров А. Нужно ли создавать ФСП? // Законность. 2002. № 11. С. 37-40.

6. http://www.enforce.spb.ru/images/Issledovanya/IRL_KGI_Reform_final_11.1
3. <http://www.iuaj.net/node/1423>.

7. Александров А.С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9.

References

1. Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 N 403-FZ (red. ot 04.06.2014) «O Sledstvennom komitete Rossijskoj Federacii» // RG. 2010. 31 dekabrja / SPS Konsul'tantPljus. Vremja obrashhenija 25 sentjabrja 2014 goda. (*in Russian*)

2. Federal'nyj zakon ot 05.06.2007 N 87-FZ (red. ot 21.07.2014) «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i Federal'nyj zakon «O prokurature Rossijskoj Federacii» // RG. 2007. 8 ijunja. № 122 (4385) /SPS Konsul'tantPljus. Vremja obrashhenija 25 sentjabrja 2014 g. (*in Russian*)

3. Bastrykin A.I. Edinyj SK sozdatut ne ranee 2012-2013 goda // Izvestija. 2010. 12 oktjabrja. (*in Russian*)

4. Jashmanov B., Vasenin V. Neposredstvennaja zhizn'. Predlozhenija ot Bastrykina — sozdat' edinyj sledstvennyj komitet i vvesti otchety o rashodah chinovnikov // RG. 2010. 7 sentjabrja. № 5279 (200). (*in Russian*)

5. Aleksandrov A. Nuzhno li sozdavat' FSR? // Zakonnost'. 2002. № 11. p. 37-40. (*in Russian*)

6.http://www.enforce.spb.ru/images/Issledovanya/IRL_KGI_Reform_final_11.1
3.<http://www.iuaj.net/node/1423>. (*in Russian*)

7. Aleksandrov A.S. Kakim ne byt' predvaritel'nomu sledstviju // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 9. (*in Russian*)

УДК 342.7

Вичева Алена Андреевна

Преподаватель кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин КФ КрУ МВД России,
г. Симферополь

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье сделана оценка комплексного анализа обеспечения права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Установлено, что оно включает в себя единую совокупность правовых, социальных и экономических условий, т.е. нормативно-правовое регулирование, организационные аспекты медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения и финансирование расходов, связанных с деятельностью органов власти и их должностных лиц по обеспечению этого права.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, обеспечение прав и свобод, правовые условия обеспечения, социальные условия обеспечения, экономические условия обеспечения.

Alyona Vicheva

Lecturer in Crimean subsidiary of the Krasnodar University of Internal Affairs
of the Russian Federation
alyonavicheva@yandex.ru

ENSURE THE RIGHT TO HEALTH CARE INTERNAL AFFAIRS OFFICIALS

The article made a comprehensive analysis of evaluation to ensure the right to health of employees of internal affairs agencies of the Russian Federation. It was established that it includes a common set of legal, social and economic conditions, ie, legal regulation, organizational aspects of health care and spa treatment and financing costs associated with the activities of government bodies and their officials to ensure this right.

Keywords: right for health, human rights and freedoms ensure, legal conditions of security, social conditions of maintenance, ensure economic conditions.

В современной юридической науке вопросам прав сотрудников органов внутренних дел уделяется достаточное внимание. Так, некоторые исследователи, рассматривают их как элемент правового статуса сотрудника (Абызова Е. Р., Виноградова В. С.), а отдельные делают акцент на обеспечении как самих прав, так и социальной и правовой защиты основных прав сотрудников (Тихонов А. А., Якушев В. А). При этом, исследования, посвященные именно обеспечению права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних дел не имеют комплексного характера.

С целью более полноценного раскрытия темы, считаем целесообразным, первично остановиться на определении права на охрану здоровья. Единого подхода к его дефиниции нет. Так, например, Домникова Л. В. отмечает, что право на охрану здоровья, закрепленное статьей 41 Конституции Российской Федерации и Федеральным законом от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», можно определить как обеспеченную государством возможность осуществления собственных действий в отношении своего здоровья, требований к органам государственной власти по обеспечению надлежащих законодательных и организационных условий для реализации своих потребностей в сфере здравоохранения, а также возможности использовать принудительные меры для защиты соответствующих интересов [1, с.187]. Черных А. Е. определяет право на охрану здоровья как систему мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического) характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья,

социального благополучия каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи [6, с.6].

Право на охрану здоровья реализуется путем использования практически всех основных прав и свобод человека и гражданина. Оно представляет собой комплекс правомочий в сфере охраны здоровья человека, включающий в себя:

- права граждан в сфере охраны здоровья (статьи 7, 20, 21, 37, 38, 39, 41, 42 Конституции РФ);
- обязанность государства в лице органов государственной власти России, субъектов РФ и органов местного самоуправления, их должностных лиц по защите указанных прав (статьи 45, 46, 53, 55 Конституции РФ);
- установленную законом ответственность государства, юридических и физических лиц за нарушение прав граждан и несоблюдение обязанности органов власти и их должностных лиц по охране здоровья, в том числе за непредставление информации, за разглашение врачебной тайны, за вред, причиненный здоровью человека [6, с.12].

Также, в современной научной юридической литературе имеют место различные подходы к определению понятия «обеспечение прав и свобод человека и гражданина». Некоторые авторы исходят из того, что это стадия реализации прав человека. Другими словами, они отстаивают позицию, что обеспечение выполняет вспомогательную роль по отношению к реализации. Однако, такой подход не получил широкой научной поддержки. И в теории права превалирует точка зрения, что, наоборот, обеспечение прав человека более широкое и объемное понятие. «Под обеспечением конституционных прав и свобод понимается система их обеспечения, то есть система общих условий и специальных (юридических) средств, обеспечивающих их правомерную реализацию, а в необходимых случаях — и охрану», — отмечает М. В. Витрук. По мнению В. С. Бегуна, обеспечить права человека означает создать условия, при которых права человека уважаются и признаются — как государством, так и лицом, и эффективно реализуются, при необходимости защищаются с помощью права. Это, в частности, предусматривает трансформацию основополагающих

прав человека в юридические права и обязанности субъектов права, когда определенные возможности человека, определяются как основополагающие права, будут гарантированы государством через их определение как общеобязательных правил поведения, а государство и другие субъекты будут иметь обязанность их соблюдать, гарантировать [5, с.147-148].

А. Олейник и В. Заяц считают, что обеспечение прав граждан включает в себя: а) создание условий, способствующих реализации прав; б) охрану прав от нарушений со стороны кого бы то ни было; в) процесс реализации и защиту этих прав от уже совершенного реального их нарушения; г) восстановление нарушенных прав на всех стадиях правореализующего процесса. Эту точку зрения поддерживает Е. Б. Червякова, которая отмечает: «Под обеспечением основных прав понимают, с одной стороны, систему их гарантий, а с другой — деятельность органов государства по созданию условий для реализации прав граждан, их охраны, защиты и восстановления нарушенного права». Как справедливо замечают К. Б. Толкачев и А. Г. Хабибулин, обеспечение прав и свобод нельзя ограничивать только системой правовых гарантий, оно должно дополняться системой четких организационных и других условий, дающих возможность пользоваться правами, надежно их защищать. Под условиями авторы имеют ввиду общие гарантии: экономические, политические, социальные и т.д., которые, образуя целостное единство различных видов общественных отношений, способствуют неуклонной реализации прав человека [5, с.148].

Из вышеприведенных позиций исследователей, можно сделать вывод, что обеспечение права на охрану здоровья — это определенная система правовых, социальных, экономических и иных условий, направленных на возможность эффективно реализовать и защитить это право. Таким образом, остановимся более детально на особенностях обеспечения права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних дел.

Правовое обеспечение права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних дел возможно рассматривать через совокупность законодательных

способов и средств, которые используются самими сотрудниками и органами власти, по обеспечению, реализации, защите и восстановлению указанного права.

Первичным нормативно-правовым актом, возглавляющим правовое обеспечение права на охрану здоровья данной категории граждан, является Конституция Российской Федерации, которая в статье 41 закрепляет право каждого на охрану здоровья. Также, в ст. 28 Федеральном законе «О полиции» от 07.02.2011 №3-ФЗ, содержится следующее правовое условие: сотрудник полиции имеет право на государственную защиту жизни и здоровья. Ст. 11 Федерального закона от 19.07.2011 №247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляет правовые условия по медицинскому и санаторно-курортному лечению. Указанный нормативно-правовой акт является специальным по отношению к данной категории граждан и содержит нормы отсылочного характера. Так особенности охраны здоровья граждан регулируются Федеральным законом от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который также возможно назвать правовым условием обеспечения права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних дел.

Также правовым условием обеспечения права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних дел является Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 №1232 «О порядке оказания сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, отдельным категориям граждан Российской Федерации уволенных со службы в органах внутренних дел, и членам их семей медицинской помощи и их санаторно-курортного обеспечения», который включает в себя [3]:

1. Правила медицинского обслуживания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных категорий граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел,

в медицинских организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации.

2. Правила оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в организациях государственной или муниципальной системы здравоохранения, за исключением медицинских организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, и возмещения расходов указанным организациям.

3. Правила медицинского обслуживания членов семей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных категорий граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел, в медицинских организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации.

4. Правила предоставления бесплатных путевок в санаторно-курортные учреждения Министерства внутренних дел Российской Федерации сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и отдельным категориям граждан Российской Федерации, уволенным со службы в органах внутренних дел.

Социальными условиями обеспечения права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних дел являются организационно-правовые средства, призванные реально обеспечить рассматриваемое право. Так, например, к ним возможно отнести: бесплатное медицинское обслуживание сотрудников в медицинских организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации; в организациях государственного и муниципального здравоохранения; бесплатные путевки в санаторно-курортные учреждения Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Статья 47 Федерального закона «О полиции» 07.02.2011 №3-ФЗ, закрепляет, что финансовое обеспечение деятельности полиции, включая гарантии социальной защиты сотрудников полиции, выплат и компенсаций, предоставляемых (выплачиваемых) сотрудникам полиции, членам их семей и лицам, находящимся на их иждивении, в соответствии с законодательством

Российской Федерации, является расходным обязательством Российской Федерации и обеспечивается за счет средств федерального бюджета [2]. Так, например, Федеральным законом от 1 декабря 2014г. № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» бюджетные ассигнования на содержание Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2015 году предусмотрены в объеме 1185,4 млрд. рублей, где более 80 процентов расходов запланировано на выплаты денежного довольствия, заработной платы, пенсий, пособий и компенсаций [4]. Следовательно, можно сделать вывод, что экономические условия обеспечения права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних дел обеспечиваются средствами федерального бюджета.

Таким образом, можно сделать вывод, что обеспечение права на охрану здоровья сотрудников органов внутренних осуществляется с помощью правовых, социальных и экономических условий. Где первые включают в себя большую совокупность нормативно-правовых актов, вторые — организационные аспекты медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения, а последние — финансирование расходов, связанных с деятельностью органов власти и их должностных лиц по обеспечению рассматриваемого права.

Литература

1. Вичева А.А. Юридический механизм обеспечения права на охрану здоровья лиц, находящихся в местах принудительного содержания // Евразийский юридический журнал. — 2015. — №9 (88). — С.187-189.
2. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 №3-ФЗ // Российская газета, №25, 08.02.2011.
3. О порядке оказания сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, отдельным категориям граждан Российской Федерации уволенных со службы в органах внутренних дел, и членам их семей медицинской помощи и их санаторно-курортного обеспечения: Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 №1232 // Российская газета, №8, 18.01.2012 г.

4. О федеральном бюджете МВД России на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://mvd.ru/news/item/2899214>. (Дата обращения 09.02.2016).

5. Романова А.А. Теоретические проблемы функционирования системы обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., 27 ноября 2014 г. / редкол.: А.С. Палазян, Г.А. Городенцев, Г.П. Курдюк, И.В. Яблонский, Н.А. Шеуджен. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. — С.146-151.

6. Черных А.Е. Конституционное право граждан на охрану здоровья и проблемы его реализации в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. — М., 2012. — 20 с.

References

1. Vicheva A.A. Juridicheskiy mehanizm obespechenija prava na ohranu zdorov'ja lic, nahodjashhihsja v mestah prinuditel'nogo sodержanija // Evrazijskiy juridicheskiy zhurnal. — 2015. — №9 (88). — p.187-189. (*In Russian*)

2. policii: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 №3-FZ // Rossijskaja gazeta, №25, 08.02.2011. (*In Russian*)

3. porjadke okazaniya sotrudnikam organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii, ot del'nym kategorijam grazhdan Rossijskoj Federacii uvolennyh so sluzhby v organah vnutrennih del, i chlenam ih semej medicinskoj pomoshhi i ih sanatorno-kurortnogo obespechenija: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.12.2011 №1232 // Rossijskaja gazeta, №8, 18.01.2012 g. (*In Russian*)

4. federal'nom bjudzhetе MVD Rossii na 2015 god i planovyy period 2016 i 2017 godov [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: URL: <https://mvd.ru/news/item/2899214>. (Data obrashhenija 09.02.2016). (*In Russian*)

5. Romanova A.A. Teoreticheskie problemy funkcionirovaniya sistemy obespechenija prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. конф., 27 nojabrja 2014

g. / redkol.: A.S. Palazjan, G.A. Gorodencev, G.P. Kurdjuk, I.V. Jablonskij, N.A. Sheudzhen. — Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2015. — p.146-151. (In Russian)

6. Chernyh A.E. Konstitucionnoe pravo grazhdan na ohranu zdorov'ja i problemy ego realizacii v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.02. — M., 2012. — 20 p. (In Russian)
